

Русь

№ 1(1), 2005

Общественная организация
“Русь”

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2005, № 1(1)

Кишинев

Общественная организация
“Русь”

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

М. Алмаший (Украина),

канд. ист. наук И. Анцупов (Молдова)

М. Горняк (Сербия),

М. Дронов (Россия),

канд. ист. наук В. Меркулов (Россия),

канд. филол. наук В. Падяк (Украина),

доктор философии А. Плишкова (Словакия),

прот. Димитрий Сидор (Украина),

М. Силадий (Сербия),

С. Суляк, гл. ред. (Молдова),

канд. ист. наук Н. Тельнов (Молдова),

канд. ист. наук П. Шорников, зам. гл. ред. (Молдова).

© Общественная
организация «Русь», 2005

© Издательский дом
«Татьяна», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5-6
Иван Антонович АНЦУПОВ (памяти ученого)	7-8

ИСТОРИЯ

П. ШОРНИКОВ	
Русские люди Молдавского княжества	9-40
Н. ТЕЛЬНОВ	
О славянах в Молдавии в раннем Средневековье ...	41-48
С. СУЛЯК	
Русины: этапы истории (часть 1)	49-60
В. МЕРКУЛОВ	
Историческое единство Руси	61-71

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. ЯБУР, А. ПЛИШКОВА	
Академик Толстой о русинском языке	72-73
Н. ТОЛСТОЙ	
Литературный язык Подкарпатской Руси	73-75
В. ЯБУР, А. ПЛИШКОВА	
Некоторые черты русинских говоров Словакии	76-84
А. ПЛИШКОВА	
Сучасны сферы фунгованя кодифікованого русиньского языка на Словеньску	85-100
Ю. РАМАЧ	
Язык бачванско-сримских Руснацох	101-105

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

Павел Роберт Магочий: к 60-летию со дня рождения
выдающегося русиниста современности 106-110

М. ДРОНОВ

Мария Дуфанец - поэтесса Пряшевщины 111-117

А. НИКОЛАЕНКО

Н.В. Кукольник (1809-1868) 118-138

ПУБЛИЦИСТИКА

М. АЛМАШИЙ

Закарпатское областное научно-культурологическое
общество им. А. Духновича 139-141

Новости науки 142-148

Б. ГОЛИК

Лемковщина, которой нет 149-154

М. ГОРНЯК

Обсяжно о нукашней структури руского языка 155-159

М. СИЛАДЇ

Фебраур – мешац балох 160-161

Хроника русинской жизни 162-164

Русины в Интернете 165-167

Сведения об авторах и членах редколлегии 168-171

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер международного исторического журнала «Русин». Его появление явилось логическим продолжением процесса изучения истории коренного восточно-славянского населения Карпато-Днестровских земель, потомков легендарных хорватов, уличей, тиверцев и дулебов (бужан, волянян) русских летописей. Древнее самоназвание населения Руси - русин. Это слово упоминается в русских летописях X-XIII вв. Этнонимы русин и возникший позже как производное от него - руснак (русняк) вместе с названиями локальных групп русинов - гуцулы, покутяне, подоляне, бойки, лемки, верховинцы, долиняне и др. - сохранились до сих пор среди автохтонного населения Карпато-Днестровского региона.

К началу XX в. в Австро-Венгрии (Угорская Русь, Галичина, Буковина) и России (в основном в Бессарабской губернии) проживало до 4,5 млн. русинов. После 1917 г. история этого этноса подверглась «чистке». Официальная советская историография, отбросив научную объективность и право людей на самоидентификацию, провозгласила русинов частью украинской нации, события, которые не вписывались в идеологические установки, умышленно искажались и игнорировались, из народной памяти всячески вытравливались слова русин, руснак, Русь.

Демократические перемены конца XX в. дали исследователям возможность публичного обсуждения русинской проблематики. Несмотря на активное сопротивление консервативной части научной общественности, которая так и не сумела отрешиться от догм недавнего прошлого, активизировалось изучение русинской истории, языка, культуры. П.Р. Магочий (Канада), Б. Горбаль (США), М. Горняк, Ю. Колесар, В. Шанта, Ю. Рамач (Сербия), И. Поп (Чехия), С. Лявинец (Венгрия), о.Димитрий Сидор, М. Алмаший, В. Федишинец, И. Мигович, М. Болдижар, Н. Макара, М. Поп, В. Падяк (Украина), А. Зозуляк, А. Плишкова, В. Ябур (Словакия) и многие другие своими трудами способ-

ствовали возвращению в научный оборот этнонима «русин», возобновлению объективного подхода к изучению истории этноса, началу нового русинского Возрождения. Ныне русинская тематика широко освещается на страницах периодических изданий и в монографиях исследователей. В Интернете появилось множество русинских сайтов, где можно получить свежую информацию о русинском движении, познакомиться с редкими и малодоступными работами.

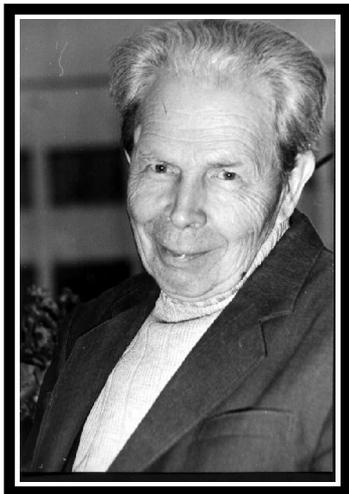
Все большее число граждан осознает себя русинами и их потомками. Русины и их потомки проживают в Украине (Закарпатье (800 000), Буковине, Галичине), Польше (150 000), Словакии (100 000), Венгрии (3 000), Румынии (30 000), Сербии (16 000), Хорватии (3000), Боснии и Герцеговине (1000), России (10 000), Чехии (6000), США и Канаде (650 000), Австралии, Новой Зеландии и т.д. В Молдавии насчитывается не менее 500 000 русинов и их потомков. В 11 странах мира русины признаны национальным меньшинством. Правительства ряда стран финансируют выпуск газет и журналов на русинском языке, оказывают поддержку их общественным организациям. В Румынии русины представлены в парламенте, в 13 районах Венгрии русины имеют самоуправление. В Польше, Словакии, Сербии, Венгрии русинский язык преподается в начальных классах. Проводятся мировые конгрессы русинов.

Сегодняшний день выдвигает новую задачу: написание общей истории русинов. Внести свою лепту в это призван журнал «Русин».

Наш журнал является независимым неполитическим научным изданием. Его финансирование производится за наши личные средства. Пока мы планируем выпускать его один раз в квартал. Мы будем признательны за любую поддержку, оказанную нам в работе.

С уважением,
Сергей СУЛЯК,
главный редактор

ИВАН АНТОНОВИЧ АНЦУПОВ

В октябре 2004 г. ушел из жизни патриарх молдавской исторической науки Иван Антонович Анцупов.

Он родился 3 августа 1920 г. в крестьянской семье в Липецкой области. Окончив педагогическое училище, учил детей на Дальнем Востоке, а затем в родном селе Дубовое. Накануне Великой Отечественной войны был призван в армию и в сентябре 1941 г. тяжело ранен в бою на Днепре. Позднее, уже офицером, воевал в Прибалтике и Румынии.

Закончив войну кавалером десяти боевых наград, поступил на исторический факультет Кишиневского университета. Защитил диссертацию об аграрных отношениях в Бессарабии XIX в. В 60-е - 80-е гг. XX в. увидели свет его научные труды: «Государственная деревня в Бессарабии в XIX в.» (1966), «Аграрные отношения на юге Бессарабии. 1812-1870 гг.» (1978), «Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в.» (1981), «Крестьяне левобережного Поднепровья в дореформенный период» (1990).

Написанные им главы украсили обобщающие работы «История Молдавской ССР» (1982), «История РСС Молдовенешть» (1987), «Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа» (1982), «Исторические корни связей украинского и молдавского народов» (1980).

В бурные 90-е гг. И.А. Анцупов приступил к изучению истории русского населения Молдавии и Новороссии. Из-под его пера вышли монографические труды: «Русское население Бессарабии и левобережного Поднепровья в конце XVIII - начале XX в.» (1996), «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000), «Русские на Очаковской земле» (2003).

И.А. Анцупов участвовал в составлении сборника документов «История Молдовы» (1992-1996). Разрабатывая вопросы этнической истории, И.А. Анцупов стал крупнейшим специалистом по истории украинцев и гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев Молдавии.

Обладая должной научной подготовкой и гражданским мужеством, И.А. Анцупов встал у истоков русинских исследований в Молдавии. Он отрецензировал рукопись монографии С. Суляка «Осколки Святой Руси» и дал ряд рекомендаций, с признательностью принятых автором. 9 июня 2004 г. Иван Антонович приветствовал выход книги в свет, выступив на ее презентации с обстоятельной аналитической речью. При его участии была разработана концепция журнала «Русин», составлен план первого номера и намечены направления дальнейших исследований по русинской тематике. 22 октября 2004 г., за несколько дней до кончины, Иван Антонович публично обосновал актуальность изучения истории и культуры русинов Карпато-Днестровского региона в своем выступлении на традиционных «Славянских чтениях», состоявшихся в Славянском университете Республики Молдова. Смерть настигла ученого в момент, когда он работал над циклом статей, посвященных истории русинов Буковины и Северной Бессарабии.

Своей плодотворной работой, достойной гражданской позицией, высокими нравственными качествами Иван Антонович Анцупов снискал глубокое уважение в научном сообществе Молдавии. Его кончина нанесла тяжкий удар исторической науке Молдавии. Принято решение о проведении ежегодных Анцуповских чтений. Свою признательность ученому выражает и редакционная коллегия журнала «Русин».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петр ШОРНИКОВ

Русские люди Молдавского княжества

Введение в тему

История восточнославянского населения Молдавского княжества, просуществовавшего 500 лет (1359-1859), загадочная сама по себе, вдвойне таинственна потому, что она специально никогда не изучалась. К ней не обращались историки, не искали вдохновения в ее перипетиях писатели. Правда, во второй половине XIX и в начале XX в. этнографы описывали культуру потомков этого населения, но в 20-е гг. в силу политических причин прекратилась и эта работа. Научная добросовестность побуждала исследователей в той или иной форме разрабатывать славянские сюжеты в контексте истории Молдавии, но специальное изучение этой темы до начала третьего тысячелетия оставалось табуированным.

Преращение изучения истории русинов Молдавии отчасти можно объяснить этнополитическими интересами республиканской бюрократии и конформизмом союзного Центра, вынужденного сделать выбор между официально декларируемой приверженностью принципам интернационализма и политикой консолидации украинской социалистической нации. Замалчивание истории этноса, полагает почетный академик Академии наук Молдовы этнолог М.Н. Губогло, представляет собой весьма изобретательную, изошренную и, к сожалению, эффективную форму нарушения «равенства возможностей»¹. В гораздо большей степени, чем в случаях с гагаузами и болгарами Молдавии, лишение русинов исторической памяти и права на собственную историю способствовало размыванию их этнического сознания.

На рубеже 90-х гг. XX в. падение некоторых идеологических табу, а также замена в программах учебных заведений республики истории Молдавии антинаучным курсом «история румын»² вновь поставили вперед исторической наукой

республики задачу создания более полной и достоверной версии национальной истории, научной картины молдавского этногенеза. Решение этой задачи требует исследования истории славянского населения Молдавского княжества - возможно, важнейшей из неизученных тем.

1. О наименовании восточнославянского населения Молдавского княжества

Восточных славян - и живших в Молдавии, и жителей соседних с Молдавским княжеством Подолья и Галицкой земли - молдавские летописцы называли словом «рус», так же, как называют современных русских³. Просто русскими называл их выдающийся молдавский мыслитель XVIII в. Дмитрий Кантемир⁴. На рубеже XX в. потомки насельников юго-западной части Древней Руси, еще не вошедшие в состав украинской нации, именовали себя русинами, а во множественном числе - русскими⁵.

Насельники Древнерусского государства именовали себя **русинами**, вероятно, с ударением на первом слоге. Этноним этот семь раз встречается уже в древнейшей русской летописи - «Повести временных лет». «Аще хто убиеть крестиянина русин, или христианинъ русина, - читаем уже в тексте договора князя Олега с греками (912), - иде же аще створить убиство...»⁶. Наименование «**русин**» и термин «**русские люди**» встречаются также в Новгородской летописи при описании событий XI в.⁷ Слово «русин», производное от названия страны - Русь, соответствовало нормам русского языка домонгольских, да и более поздних времен. У молдавских летописцев во множественном числе термин «рус» звучал не «**рушь**», как в настоящее время, а «**русь**». В древнерусской форме, с ударением на первом слоге, оно до настоящего времени сохранилось в украинском языке, а во многих селах Молдавии их жители, ныне официально идентифицирующие себя как украинцы, подчеркивают, что они «**руськи люди**» и «**мова**» у них тоже «**руська**»⁸. Поэтому можно предположить, что именно таким - «**русин**», «**русские люди**» - было самоназвание восточных славян Молдавского княжества и в XIV-XVIII вв.

В XX столетии, когда завершилось формирование русской (великорусской), украинской и белорусской наций, термин «**русин**», с ударением на втором слоге, стал применяться как наименование особой этнографической группы. Часть этой группы, проживающая в Бессарабии, в силу исторических условий обретшая этнокультурные особенности, отличающие ее от малороссов, вошедших в состав украинской нации, обрела новое самоназвание - «**руснаки**»⁹. Этноним «украинцы» применяется к ним только с 20-х гг. Используя также этноним «украинцы», именно так, **русинами**, уже в 80-е гг. XX в. называл восточнославянских насельников Молдавского княжества один из виднейших молдавских языковедов XX в. Н.Д. Раевский¹⁰.

На наш взгляд, было бы ошибкой отождествлять средневековый этноним **рус (русин)** с современным пониманием принадлежности к русской нации. Необходимо разграничивать также русинов - носителей древнерусского этнического сознания и русинов - представителей современного субэтноса. По названным причинам потомков древнерусского населения, проживавших в Молдавском княжестве в XIV-XIX вв., представляется корректным именовать не русскими или украинцами, а **русинами** - с ударением на первом слоге; правомерно также использование их самоназвания «**русские люди**».

2. Источники по истории русинов Молдавского княжества

Политическая обусловленность невнимания историографии к славянским сюжетам истории средневековой Молдавии очевидна уже из обилия данных об участии русинов в жизни княжества. Огромный фонд таких сведений содержат старейшие письменные источники по истории Молдавии - славяно-молдавские летописи. Старейшими из летописных источников по интересующей нас теме являются:

Поминальник Бистрицкого монастыря за период 1407-1552 гг.;

Анналы двора Стефана Великого (1457-1504 гг.);

Анонимная летопись Страны Молдавской (Бистрицкая летопись, 1359-1507 гг.);

Путнянская летопись (1-я редакция, 1359-1526 гг.);

Путнянская летопись (2-я редакция, 1359-1518 гг.);

Надпись на церкви в Белой Долине (1496 г.);

«Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начаша Молдавская земля», Молдавско-славянская летопись 1359-1504 гг., сохранившаяся в русской (киевской) Воскресенской летописи;

Молдавско-немецкая летопись 1457-1499 гг.;

Молдавско-польская летопись 1432-1564 гг.;

Молдавско-славянская летопись Макария (1504-1551 гг.);

Молдавско-славянская летопись Евфимия (1541- 1554 гг.);

Молдавско-славянская летопись Азария (1551-1574 гг.);

Краткая молдавско-славянская хроника (1359- 1451 гг.)¹¹.

Летописи содержат более 1500 названий городов и сел, наименования сотен местностей, гор, рек и озер Молдавии, имена тысяч жителей Молдавского княжества, принадлежавших ко всем сословиям: государственных и военных деятелей, духовных лиц, купцов, крестьян; сведения о событиях государственной и церковной жизни, состоянии экономики и т.п., позволяющие судить о численности, расселении и политическом поведении русинского населения Молдавского княжества.

Сведения об истории и культуре русинского населения Молдавского княжества приводятся также в серии историй Молдавии, озаглавленных «Летопись Страны Молдавской», написанных на молдавском языке летописцами Григоре Уреке (охватывает период 1359-1594), Мироном Костином (1595-1661) и Иоанном Некулче (1661-1743). Сведения, содержащиеся в этих историях, дополнены и уточнены в написанном на латыни в 1716 г. труде Дмитрия Кантемира «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии») ¹². В трудах летописцев, а также их интерпелляторов Евстратия Логофета, Симиона Даскэла и других приводятся сведения о расселении русинов в Молдавии в XV-XVII вв., оценки их численности, сведения об их языке и обычаях, об участии в политической жизни княжества и в войнах с поляками, турками, татарами, венграми, валахами. Достоверность летописных данных подтверждена фондом документов канцелярии молдавских господарей, частной перепиской, другими свидетельствами, обнаруженными в архивах Молдавии, России, Румынии, Украи-

ны и изданными во второй половине XX в. учеными Молдавии¹³ и Румынии¹⁴.

Упоминания о событиях в зонах компактного проживания русинов, об их участии в политической, экономической и культурной жизни Молдавского княжества содержат также молдавские летописи XVIII столетия. Часть их еще в 1874 г. была издана в Бухаресте Михаилом Когэлничану¹⁵. Документальные данные, позволяющие судить о направленности и итогах этноассимиляционных процессов, протекавших в Молдавском княжестве в XVIII в., содержат материалы проведенного в 1790-1792 гг. учета населения¹⁶.

3. Историография вопроса

Начало спорам о генезисе русинов Молдавии, выдвинув версию их позднего «миграционного» происхождения, положил в конце XVII в. летописец Мирон Костин (1633-1691). Вероятно, по этнополитическим мотивам¹⁷ он попытался опровергнуть изложенную Григоре Уреке (1590-1647) легенду об основании Молдавского государства, согласно которой «русские» проживали в Восточном Прикарпатье до появления там молдаван. Не аргументируя свои суждения ссылками на какие-либо источники, Мирон Костин заявил, что марамурешский воевода Драгош нашел пустынную страну, в которой «...поселил крестьян-русинов из Покутья и Подолии»¹⁸.

Эту теорию позднего появления русинов в Молдавии не поддержал даже сын Мирона Костина - Николай Костин (1660-1715), не менее чем отец известный летописец. В своем труде «Летопись Страны Молдавской» он повторил версию Г. Уреке об одновременном заселении пустынной страны молдаванами и русскими, приглашенными Яцко из Ляшской Страны¹⁹. Еще ближе подошел к истине Дмитрий Кантемир (1673-1723), считавший «русских» исконными жителями Молдавии. В книге «Описание Молдавии» (1716) он упомянул заселенную ими область на севере княжества - «Русский Кымпулунг» (т.е. Русское Долгополье); это была республика, население которой подчинялись молдавским господарям только в той степени, в какой считали нужным²⁰. Первенством русинов («русских») при заселении страны можно объяснить

и воспоминания о их былом господстве, сохранившиеся в молдавском народе до XVIII в. и также упомянутые Д. Кантемиром в труде «Летопись древностей романо-молдо-влахов»²¹.

Не будучи знакомы с трудами молдавских летописцев и Д. Кантемира, сто лет спустя к выяснению вопроса о времени расселения русинов в Карпато-Днестровском пространстве и изучению их культуры приступили российские ученые.

**а) Российская дореволюционная историография:
русины - коренное население Бессарабии,
отличное от велико- и малороссов**

Первые сообщения о происхождении и традиционной культуре русинов Пруто-Днестровского междуречья появились в официальных документах после присоединения края к России. В 1813 г. священнослужитель-молдаванин Петр Куницкий опубликовал брошюру, в которой были, в частности, кратко охарактеризованы нравы и обычаи местных «малороссиян». Петербургский чиновник П. Свиньин в докладе «Статистика Бессарабии» (1817) ошибочно связал появление малороссов в крае с их бегством от религиозных гонений, развернутых польскими властями в Юго-Западной Руси после заключения Унии, т.е. в XVI в., а полковник русской армии С.И. Корнилович, автор «Статистического описания Бессарабии» (1827), дал социальную версию иммиграции малороссов, объяснив их переселение с Украины стремлением уклониться от рекрутской повинности и помещичьего произвола в XVIII столетии. Конкретный характер проводимых военными исследований русинской проблемы подтвержден фактом: подполковник Генерального штаба М. Драган (1849) в составленном им военно-статистическом описании Бессарабской области дал достоверный очерк обычаев русинов и упомянул их самоназвание - «русняки»²².

Начало научному изучению русинов Бессарабии положили офицер Генерального штаба российской армии А.И. Зашук (по сведениям румынского историка Н. Йорги - «рутен», т.е. русин) и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, малоросс. Первый из них в двухтомном труде «Материалы для

географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область.» (СПб., 1862) осуществил этническое районирование края, указав, в частности, зоны компактного проживания русинов и их численность, выявил ряд форм их культурного взаимодействия с молдаванами. В статье «Этнография Бессарабской области», опубликованной в 1863 г. в журнале «Записки Одесского общества истории и древностей», А.И. Защук высказал справедливое мнение о том, что русины являются коренными жителями Бессарабии, и отграничил их от малороссов, являющихся более поздними поселенцами²³. Независимо от А.И. Защука и почти одновременно с ним к заключению о том, что руснаки - коренные жители края, пришел А.С. Афанасьев-Чубинский. Он отметил также отличие языка руснаков от малорусской речи и неблагоприятную для них направленность этнических процессов: во многих местах Бессарабии руснаки, помнящие о своем русском этническом происхождении, в языковом плане уже к середине XIX в. были ассимилированы молдаванами²⁴.

Этнокультурную самобытность руснаков, а также их родство с малороссами отметил также П.П. Чубинский, автор 7-томного труда по этнографии населения Юго-Западной Руси (СПб., 1872-1877). Термин «русняки», констатировал он, представляет собой самоназвание особого народа или живущих в Бессарабии «малороссов». П.П. Чубинский разделял руснаков на три ветви: «горян, или карпатских русинов, галичан, иначе поднестровцев, или червонорусов и собственно русинов, или русняков, жителей Хотинского уезда, Подолья, Волынского-Галицкого пограничья, Владимирского уезда и Люблинщины». Исследователь убедительно обосновал также тезис о длительном проживании руснаков в Бессарабии²⁵.

Еще более решительно утверждал русскую этнокультурную идентичность русинов и автохтонность их происхождения уроженец Буковины Г.И. Купчанко. Буковинские русские, утверждал исследователь в работе «Некоторые историко-географические сведения о Буковине» (1875), самые древние поселенцы Буковины, которые именовали себя **русняками**, или **русскими людьми**, поляки их называли **русинами**, румыны - **русами**, а немцы - **рутенами**²⁶. К «великому племени - русско-

му» относил бессарабских русинов и П.А. Несторовский, чьи основные труды вышли в свет в 1905-1910 гг. Вместе с тем исследователь выделял их как особую «народность», отличную как от велико-, так и от малороссов, а язык русинов он определил как разновидность «малорусского языка». Поднестриевские русины, верно предположил он, образовались от смешения «старинного русского элемента и разных выходцев из Галиции, Подолии и отчасти даже и Украины. Совершенно без примеси, чистым является буковинский тип»²⁷.

Культурную самобытность русинов Бессарабии и их автохтонное происхождение воспринимали как данность также А. Накко²⁸, В. Кельсиев, П. Сорока, С. Потоцкий, К. Крамаренко, Ф. Пуцыкович и другие российские исследователи конца XIX - начала XX в. Не отрицая давнего проживания руснаков в Бессарабии, Н.К. Могилянский не связывал их происхождение с **червонорусами**, как он называл насельников Галицкой Руси.

Ветвью «славяно-русской семьи» и потомками славян, живших в этих местах еще до образования Древнерусского государства, считал русинов Бессарабии и П.Н. Батюшков²⁹. Часть русинов, справедливо полагал и молдаванин-исследователь этого вопроса П.А. Крушеван, проживала в Бессарабии еще до прихода Драгоша, т.е. до возникновения Молдавского государства. В вышедшем в 1903 г. под его редакцией сборнике «Бессарабия» им упомянуты и переселения русинов из Галицкой Руси и Волыни в Хотинский уезд в конце XVI - начале XVII в., в эпоху становления церковной Унии в юго-западных землях исторической Руси³⁰. Не настаивая на непрерывности русского присутствия в крае, предположение о том, что «славяне проходили через Бессарабию не позже пятого столетия», высказал уроженец Бессарабии академик Л.С. Берг (1918 г.). Это, продолжал ученый, «первое появление славян в нашем крае, около того же времени славяне появились в Галиции, Буковине, Трансильвании». Отметив наличие у современных ему русинов Бессарабии представлений о себе как части русского народа, - самоназваний «руснаки» и «русские», - а также этнокультурных особенно-

стей, отличающих их от малорусов, он в угоду идеологическому прессингу все же причислил руснаков к последним³¹.

Дореволюционными российскими исследователями был введен в научный оборот богатейший комплекс данных, раскрывающих этнокультурную идентичность русинов Бессарабии, Буковины, Галиции. Ими был убедительно обоснован взгляд на русинов (руснаков) как на автохтонное население этих областей, отличное в этнокультурном плане от велико- и малороссов. После революции 1917 г. советская историография была нацелена на содействие консолидации украинской советской нации, и дальнейшая разработка русинской проблематики в России/СССР была прекращена. Русинов советские авторы именовали украинцами³². Однако русские ученые-эмигранты, менее подверженные идеологическому контролю, не поддержали попыток удревнения этого термина. Отмечая двуэтничный характер средневековой Молдавии, Г.В. Вернадский назвал ее Молдавской Русью³³.

б) Румынская историография: «подразумеваемая» моноэтничность Молдавии

До 1918 г. основные территории проживания русинов находились в составе Австро-Венгерской империи и Румынии. Приоритетным в этих государствах являлось изучение истории и культуры государствообразующих наций. Обилие славянизмов в румынском языке, богатые славянские реминисценции в топонимике Румынии требовали объяснений, документы по истории Валахии и Молдавии были составлены в основном на славянском языке и изобиловали славянскими именами. Но в Румынии основой нациестроительства стало утверждение мифа об этнической однородности страны. Поэтому румынская историография, признавая славянское присутствие в Карпато-Днестровских землях и в Трансильвании в раннем Средневековье, не отрицая прямо наличия славян в Молдавском княжестве, пыталась представить те или иные группы восточнославянского населения «румынами», а историю Румынии, игнорируя наличие в «румынском пространстве», от Тиссы до Днестра и, возможно, восточнее, «нерумынского» населения, - только как «историю румын». Тезис

о приоритете проживания «румын» в «румынском пространстве» и поныне остается ключевым положением исторической концепции румынизма³⁴. Упоминания о самом существовании русинов допускаются в работах румынских ученых только в отступление от названного принципа.

Метод «исключения» русинов из истории Молдавии путем замалчивания самого их существования в Молдавском княжестве уже в конце XIX - начале XX в. широко использовал в своем 15-томном сочинении «История румын от Траяновой Дакии» румынский историк А.Д. Ксенопол³⁵. Представить Молдавское княжество моноэтничным пытался и один из виднейших идеологов румынизма историк Николае Йорга. Признавая наличие «достаточного числа русских» среди знати Молдавии и высказав даже мысль, что преждевременная смерть господаря Лацко (1365-1374) помешала ему основать в княжестве русскую династию, он не упоминал о русских крестьянах Страны Молдовы, а славянские имена первых правителей Валахии - Сенеслав, Тихомир, Литовой, Владислав - объяснял не их восточнославянским происхождением, а культурным влиянием соседей-славян на «румын». Отмечая боевую доблесть оргеян, лапушнян и сорочан, «людей неукротимых и стойких», историк не упоминал о том, что оргеяне и сорочане были, скорее всего (или в большинстве своем), русские люди³⁶.

Курс гражданской истории Молдавии как повествование об этнической «истории румын» пытались выстроить и авторы двух «Историй Бессарабии», написанных в 20-30-е гг., - Ион Нистор и Александру Болдур, историки-молдаване, перешедшие на позиции румынизма. Первый из них, зная о славянском присутствии в Карпато-Днестровских землях в VI-XIV вв., тем не менее, исподволь внедрял «миграционную» теорию славянского присутствия в Бессарабии. Восьмивековое проживание славян в регионе до возникновения Молдавского княжества он абсурдным образом трактовал как время, проведенное ими в ожидании возможности двинуться далее на юг, в пределы Византийской империи. Пытаясь доказать приоритет присутствия «румынского элемента» даже в Буковине, И. Нистор отрицал преемственную связь русинов с тиверцами и другими группами древнерусского населе-

ния края. Подобно Миرونу Костину, он представлял их недавними иммигрантами из Галиции и Буковины. «Рутены или украинцы, - не приводя доказательств, утверждал историк, - не являются коренными жителями Бессарабии. Они бежали на землю Молдавии [...] из Подолии и соседнего Покутья». Стремясь оспорить даже мнение румынских историков о том, что «малоруссы или украинцы, живущие сегодня в Черновицком и Хотинском цинутах, - потомки рабов, приведенных правителями Молдавии [из Галицкой Руси] и размещенных там», И.Нистор настаивал: «рутены или украинцы [...] проникли к нам намного позднее, [...] они скитальцы на Молдавской земле, пришельцы из Подолии и соседнего Покутья». В другой своей работе, «Украинский вопрос в свете истории», И. Нистор, также не приводя фактических данных, утверждал, что украинцы Хотинского уезда и даже Буковины - «пришельцы, беженцы из Галиции и Подолии, осевшие по приезде в молдавских селах», и, по существу противореча себе, даже предположил, что большинство русинов являются «рутенизированными молдаванами»³⁷.

Более взвешенную позицию занимал А. Болдур. Признавая достоверность приведенного в Лаврентьевской летописи списка русских городов, существовавших в Карпато-Днестровских землях до образования Молдавского государства, а также документа 1395 г., в котором Молдавское государство названо Россовлахией, и данных о том, что в песнях галичан Молдавию именовали Молдославией, А. Болдур, по примеру Н. Йорги, не допускал иных мотивов их появления, кроме «славянского влияния на румын Молдавии». Отметив, что в Килии и Белгороде официальным языком еще до образования Молдавского государства являлся русский, он, тем не менее, утверждал, что эти города уже тогда были населены большей частью «румынами». Следуя императивам концепции румынизма, историк пытался обосновать даже волошское происхождение тиверцев и уличей. Он допускал проживание в Молдавском княжестве немолдавского населения, но почему-то не русинов, а болгар, и только в Хотине. Функционирование в Молдавии русского языка как официального А. Болдур также не оспаривал, но объяснял этот факт не наличием в княжестве русинов, а подчиненностью Молдавской

церкви Киевской митрополии. Признавая нехватку документальных данных, позволяющих судить об этническом составе населения, он вместе с тем высказал убеждение, что в Бессарабии уже в конце XVI в. преобладали «румыны»³⁸.

Еще один историк-румынист 20-30-х гг., академик Штефан Чобану, не оспаривал наличия русинов в Молдавии в первые десятилетия существования княжества и даже назвал район их компактного проживания. Славяно-молдавская этническая граница, вслед за Н. Иоргой полагал он, и поныне отмечена топонимами с «малорусскими» окончаниями **-эуць**, производными от славянских **-овцы** и **-евцы**. В специальной работе «Украинская проблема в свете истории» Шт. Чобану упомянул, что во времена Стефана Великого в уездах Сучава, Ботошань, Васлуй и Тугова было много сел с названием «Русский». В духе антирусской конъюнктуры историк высказал мнение, что утверждение молдавской государственности в XIV в. столкнулось с попытками князя Юрия Кориатовича (1374) создать «славяно-русинское» государство в северо-восточном углу Молдавии³⁹. Но главное, как и И. Нистор, и А. Болдур, Шт. Чобану избегал привлекать внимание к истории русинского населения Молдавского княжества.

Историки отвечали на запросы правящих кругов страны. Возможно, последовательнее, чем правительства других государств, аннексировавших территории, населенные русинами, правительство Румынии добивалось их этнокультурного раскола, особенно в оккупированных в 1918 г. Бессарабии и Северной Буковине. При проведении в 1930 г. переписи румынские власти обозначили родной язык русинов двумя лингвонимами - как **рутенский** и **украинский**, а этнонимы **рутен**, **украинец**, **малорус** и **русняк** включили в одну графу. Русских (великороссов) при этом называли оскорбительно: **rus (muscal)** (русский (москаль)), а самоназвания **русин (руснак)** в бланках переписи не упомянули вообще. В тактическом плане эта мера оправдала ожидания ее инициаторов: часть русинов Румынии и оккупированных ею территорий отдала предпочтение государственной идентичности - румынской⁴⁰. Но русинской этничности сама по себе эта мера устранить не могла.

До логического завершения метод «исключения» русинов из истории Молдавии, Трансильвании и Валахии путем при-

знания их присутствия в княжествах на начальном этапе их существования при замалчивании их роли в дальнейшей политической и культурной жизни княжеств довел румынский историк-националист Петре Панаитеску. В книге «История румын», изданной во времена военно-фашистской диктатуры (1943 г.), он признал присутствие славян в Карпато-Днестровских землях не только в VI-XIII, но и в XVI-XVIII веках, отметил славянский характер множества гидронимов и топонимов Румынии, славянское влияние на формирование румынского языка. У славян, констатировал П. Панаитеску, румыны позаимствовали христианство, а также свою «старинную социальную и политическую организацию»⁴¹. Но других упоминаний о славянах в книге почти нет. История Румынии и существовавших до ее образования на территориях, включенных в ее состав, четырех княжеств - Молдавии, Валахии, Трансильвании (где государствообразующим этносом были венгры и имелось значительное славянское население) и славянской Добруджи, - представлена как история «румын». Отсутствие упоминаний о славянах создает у читателей ложное представление об этих государствах как о «румынских» по составу населения⁴².

На позициях замалчивания известных науке фактов по вопросу о проживании потомков древнерусского населения в Молдавии и Трансильвании осталась и румынская историография эпохи народной демократии и социализма, особенно в ее версии времен Н. Чаушеску (1964-1989). Даже объективные румынские исследователи истории румыно-славянских связей рассматривали почти исключительно межгосударственные отношения Румынии и России, а также взаимодействие румынской и русской литератур. Упоминания о славянском присутствии в Молдавском княжестве в работах историков были редки⁴³.

в) Молдавская советская историография: первые шаги к растабуированию русинской темы

В Молдавской Советской Республике, как и в каждом из субъектов Союза ССР, приоритетная поддержка была обеспечена культуре титульной нации и, естественно, в первую

очередь изучалась ее история. Исключение славян из молдавской истории обедняло и искажало ее, поэтому их участие в этногенезе молдавского народа в принципе признавалось, в контексте исследований истории молдавской культуры определенное внимание уделялось также изучению славянского влияния на формирование молдавского языка и развитие молдавской духовной культуры⁴⁴. Но влияние это исследователи трактовали как исключительно внешнее, идущее из-за пределов Молдавии: из Болгарии, Сербии, Галицкой Руси, России.

В Молдавии, как и на Украине, проводилась политика этнокультурной консолидации, включавшая «корректировку» этнического сознания русинов⁴⁵. Социальных либо политических причин для проведения специальных русинских исследований в республике не имелось, поэтому молдавская советская историография, подобно румынской, заняла позицию замалчивания русинской проблематики. В первом томе двухтомника «История МССР» (1965) не нашлось места для воспроизведения одного из важнейших документальных свидетельств славянского присутствия в Карпато-Днестровских землях - перечня древнерусских городов XII в., включенного в «Историю Молдавии» 1951 г. издания⁴⁶. Составители одготомника «История Молдавской ССР» (1984) построили курс истории Молдавии эпохи феодализма без упоминания об этнической структуре населения княжества, только отметив, что накануне создания Молдавского государства славяне составляли большинство населения Карпато-Днестровских земель⁴⁷.

Застой в осмыслении русинских сюжетов истории Молдавии становился все более очевиден благодаря успехам археологии. Результаты археологических исследований, проведенных в республике в 50-60-е гг. при ведущем участии Г.Б. Федорова, обогатили существовавшие представления о численности, культуре и судьбах древнерусского населения Карпато-Днестровских земель⁴⁸. Давнюю гипотезу румынской историографии о том, что русины северо-востока Молдавии являются потомками переселенцев XV-XVII вв., выступая по отношению к молдаванам в качестве суперстрата, опроверг молдавский археолог П.П. Бырня. Выходя за об-

щепринятые хронологические рамки археологических исследований, в своей монографии «Сельские поселения Молдовы XV-XVIII вв.» (1969) он выявил славянский характер большинства сельских поселений на севере Молдавии не только в древнерусский период, но и в XV-XVII вв.⁴⁹.

Установить примерную численность основных этнических групп и их долю среди населения Молдавии к концу правления Стефана Великого (1500), а также географию их расселения на территории княжества удалось историку Л.Л. Полевому. Сопоставив данные археологии с письменными источниками, исследователь заключил: «География, датация, этнокультурная принадлежность археологических памятников подтверждают до мелочей ретроспективную картину топонимов на территории Молдовы последней трети XIII - первой трети XIV в.». Историком были убедительно доказаны более ранние, по сравнению с молдавскими, сроки образования славянских поселений, главным образом на севере и северо-востоке Молдавии, и раскрыта динамика преобразования славянских топонимов в молдавские, т.е. ассимиляции русинов молдаванами. Для выяснения географии проживания русинов в княжестве показательна также составленная им топонимическая карта Молдавии XIV-XV вв. Северная Буковина, подтвердил Л.Л. Полевой в следующей монографии, являлась древней славянской землей, и осторожно сформулировал вывод о первичности проживания русинов в Карпато-Днестровских землях вообще: «славянская топонимия поселений прошла более длительный путь развития», чем молдавская⁵⁰. Анализируя находки археологов Молдавии и Румынии, М.В. Великанова еще 60-е гг. убедительно обосновала высказанное ранее румынскими исследователями мнение о наличии антропологических различий между средневековым населением Молдавии и Валахии, объяснив их интенсивными молдавско-славянскими контактами⁵¹, т.е. проживанием в Молдавском княжестве многочисленного восточнославянского населения.

Этническая идентичность русинов Молдавии получала попутное обоснование также в процессе разработки вопросов истории молдавской культуры. Издание в 60-80-е гг. XX в. молдавских песен и легенд, в том числе гайдуцкого

цикла, в которых фигурировали русины⁵², изучение молдавского фольклора, а также истории молдавско-русско-украинских культурных связей⁵³ вновь выявили наличие на севере Бессарабии в XV-XX вв. автохтонного компактно проживающего восточнославянского, т.е. русинского, населения. Не пытаясь объяснить масштабы его культурного взаимодействия с молдаванами, исследователи отмечали наличие общих элементов в фольклоре и бытовой культуре молдаван, украинцев и русских⁵⁴. Длительный, с XIV до второй половины XVIII в., и неизменно партнерский характер взаимодействия молдаван с русинским населением княжества, а также неблагоприятную для русинского этноса направленность этнических процессов уже в середине XV столетия, в начальный период правления Стефана Великого, на материалах лингвистики удалось подтвердить языковеду Н.Д. Раевскому. По примеру Л.Л. Полевого ученый упомянул странную формулу «русино-украинцы», но, сознавая, что участие русинов в формировании украинской нации в XX в. не дает оснований для наименования их украинцами уже в средние века, восточнославянское население Молдавского княжества он уже называл русинами⁵⁵.

Однако табу на разработку русинской темы оставались в силе. Игнорируя результаты исследований П.П. Бырни и Л.Л. Полевого, молдавские медиевисты по-прежнему ограничивались констатацией «присутствия старинного русского населения в цинутах между Днестром и Карпатами»⁵⁶ и проводили мысль о том, что молдаване, расселившись в конце XIII-XIV вв. в центре и даже на юге Пруто-Днестровского междуречья, незамедлительно ассимилировали славян, сохранившихся там после татарского нашествия. Некоторые исследователи, избегая обобщений, публиковали новые документальные подтверждения известных летописных свидетельств о пополнении славянского населения Молдавского княжества вследствие миграций, вызванных религиозными гонениями на православных и социальными притеснениями в Речи Посполитой⁵⁷, другие данные, посвященные частным вопросам истории русинов. Но под воздействием идеологического прессинга, отступая от принципа историзма, именовали их украинцами.

Показательна по противоречивости позиция виднейшего этнографа Молдавии конца XX в. В.С. Зеленчука. «Украинские [?] поселения, расположенные на севере области, - вопреки уже установленным наукой фактам утверждал он в книге «Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в.» (1979), - были такими же древними, как молдавские». Далее следовало положение о все-таки более древнем происхождении славянских поселений: «Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что с VI до начала XIII в. культура Восточного Прикарпатья носила ярко выраженный славянский характер. На территории между Карпатами и Днестром с конца VII до IX в. существовала славянская культура, получившая название Лука-Райковецкая - Хлинча». Затем автор попытался оспорить факт проживания потомков насельников Древней Руси в Молдавском княжестве: «Молдавское население, расселившееся в конце XIII-XIV вв., поглотило оставшиеся там группы славян». И, наконец, опровергая собственный тезис о быстрой ассимиляции русинов молдаванами, этнограф привел данные о существовании в Молдавии русинского населения в XIX веке⁵⁸. Это была политически обусловленная позиция. Десять лет спустя В.С. Зеленчук, не приводя каких-либо аргументов, вновь повторил необоснованное положение о том, что после образования Молдавского государства молдаване ассимилировали проживавшее в Карпато-Днестровских землях славянское и даже тюркское население⁵⁹, вероятно, татар. От рассмотрения судеб русинского населения средневековой Молдавии этнограф уклонился.

Таким образом, накопление в научном обороте сведений об истории и культуре русинов Молдавии в 50-е - 80-е гг. XX в. шло только попутно, в процессе изучения истории и культуры молдавского этноса. Ни одной специальной монографической работы, ни одной научной и даже газетной статьи, посвященной истории русинского населения Молдавского княжества, в рассматриваемый период так и не было опубликовано.

г) Украинская историография: замалчивание существования русинов в Молдавии

Классик украинской историографии львовский профессор а затем советский академик М.С. Грушевский (1866-1934), сыгравший одну из ведущих ролей в обосновании украинской национальной идентичности, не отрицал этнокультурной самобытности русинов, использовал в своих публикациях этнонимы «русины» и «русские люди», а в работе «История Украины-Руси» привел сведения об ускоренной ассимиляции румынами и венграми русинского населения Трансильвании в XVIII-XIX вв. Однако русины (руснаки) Бессарабии остались вне сферы его внимания. О вторжении казаков и татар в 1650 г. в Молдавию и ее «жестоким опустошении» он сообщает походя, одной строкой, как о войне против чуждого народа⁶⁰. Учитывая эрудицию историка, игнорирование им самого факта проживания в Молдавии потомков древнерусского населения нельзя объяснить его неосведомленностью. Это было признание особой, отличной от малороссиян (будущих украинцев), этнокультурной идентичности русинов.

Позицию замалчивания существования русинов в Молдавии заняла и украинская советская историография. О проживании в средневековой Молдавии даже не русинов, а, как признавала молдавская историография, «восточнославянского населения», в трудах, посвященных истории Украины, не упомянуто. Показательно описание похода войска Богдана Хмельницкого в Молдавию в 1650 г., данное в обобщающем труде «История Украины» (1979). Столица княжества Яссы, отмечено авторами, была занята казаками без боя, молдавские полки, собранные господарем, присоединились к крестьянско-казацкому войску. Однако никаких разъяснений причин, ни социальных, ни этнокультурных, столь необычного или, наоборот, если вспомнить походы Ивана Подковы и других запорожских претендентов на молдавский престол, закономерного поведения молдаван, в книге не дано⁶¹. Безосновательно удревняя распространение этого термина в качестве этнонима, украинцами именуют русинов

средневековой Молдавии и авторы обобщающих этнологических работ⁶².

Избегают упоминать о существовании русинов в Молдавии и украинские историки-эмигранты. Именуя их украинцами, отмечают приоритет их расселения на Буковине⁶³. Сознательно путая понятия, Наталия Полонская-Василенко пишет о борьбе «украинских» бояр за власть в Молдавии в конце XIV столетия, якобы завершившейся победой «румынской» (в действительности - волошской) династии Мушатинов, и безосновательно определяет княжество как «национально необозначенное» государство. Молдавского господаря Стефана Великого историки-эмигранты, не приводя каких-либо доказательств, снисходительно объявляли покровителем «украинской» культуры, а описывая участие казаков в войне против турок на территории Буджака в 1609 г., признавали, что в ходе их похода «были разграблены Килия, Измаил и Аккерман», не упомянув о том, что значительную часть или большинство их населения составляли русины. Начало «румынизации» Буковины они, также не приводя фактов, связывают с правлением господаря Василия Лупу (1634-1653)⁶⁴.

д) Современное состояние исследований истории и культуры русинов Молдавии

В 90-е гг. XX в. по причинам венаучного характера даже попутная разработка вопросов истории и культуры славянского населения Карпато-Днестровских земель в научных и учебных учреждениях Молдавии была прекращена. Исключив из своих работ упоминания о славянах средневековой Молдавии, историки-румынисты довели до абсурда метод фальсификации истории, еще в XIX в. введенный в обиход румынской историографией. Документальная база истории русинов все же пополнена материалами, опубликованными в двух томах сборника «Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи», охватывающих период 1671-1710 и 1711-1750 гг.⁶⁵ Однако названный сборник издан с нарушениями научных принципов публикации исторических документов; молдавские тексты, на-

писанные в оригинале кириллицей, опубликованы в латинской транскрипции. Автор работы «Отношения румын с восточными славянами до 1812 г.»⁶⁶, безосновательно оспаривая свидетельства летописцев и игнорируя результаты исследований П.П. Бырни, Л.Л. Полевого, Н.Д. Раевского и других ученых, предпринял попытку «опровергнуть» сам факт проживания славян в Молдавском княжестве. Умалчивают о существовании в Молдавском княжестве русинского населения и разработчики курса «история румын». А о славянах и венграх, проживающих за пределами «румынского пространства», они в издаваемых ими учебниках и учебных пособиях упоминают, как правило, в негативном плане⁶⁷.

Неизученность истории русинов Молдавии осложняет освоение этой темы и исследователям, сохранившим верность научному подходу. В XIV в., отмечено в «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (1997), первом обобщающем труде по национальной истории, созданном после перехода Молдавии к независимости, «Днестровско-Карпатские земли продолжали интенсивно заселяться волохами из-за Карпат и древнерусским населением из Галицкой Руси», но весь курс истории Молдавского княжества вновь построен почти без упоминаний об этническом составе его населения⁶⁸.

Однако русинские сюжеты закономерным образом присутствуют в трудах, посвященных истории Молдавии, даже в случаях, когда отношение исследователей к самому факту существования в средневековой Молдавии славянского населения остается не вполне определенным. «Местным русским населением» и русскими крестьянами безоговорочно именуется жителей Северной Молдавии XV столетия польский историк Здислав Сперальский⁶⁹. Идеолог молдавизма В.Н. Стати, наоборот, поддержал несостоятельный тезис о быстрой ассимиляции славян молдаванами в центральной и южной частях Пруто-Днестровского междуречья и попытался заменить используемый молдаванами по крайней мере со времен летописца Григоре Уреке (XVII в.) этноним «рушь» странным термином «протомолдаване». Переселение «русских», т.е. русинов, в Молдавию из Галицкой Руси и Подолии, осуществленное Стефаном Великим, исследователь, забывая об угоне

населения Молдавии в те же годы на север польскими войсками, трактует как главную причину существования в Молдавии многочисленного русинского населения еще в конце XVII столетия. По поводу известного высказывания Стефана Великого (1503), в котором использована характерная для языка русинов частица «ся»: «взял есми ту букату земле хочю щоби ми ся достало», ученый присоединяется к справедливому выводу румынского автора о том, что господарь «говорил по-русски», никак, однако, не объяснив его языковой компетентности⁷⁰.

Замалчивание проживания потомков древнерусского населения в Молдавии остается традицией украинской историографии. В школьных учебниках Украины отсутствуют не только этноним «русин», но и упоминания о наличии предков современных украинцев в Молдавском княжестве. Отсутствие упоминаний о русинах Молдавии при описании таких событий украинской истории, как восстание Дмитрия Мухи - Андрея Борули (1490-1492), поход Ивана Подковы и его правление в Молдавии (1577), а также походы Богдана Хмельницкого, создает у учащихся ложное представление о моноэтничном составе населения княжества и о существовании украинско-молдавского межэтнического конфликта в позднем Средневековье. Показательно также исключение украинской историографией из контекста украинской истории столь замечательного исторического деяния руснаков Северной Бессарабии как поднятое ими совместно с молдаванами Хотинское восстание 1919 г., направленное против румынской оккупации⁷¹, - очевидно потому, что состоялось оно под лозунгами воссоединения Бессарабии с Россией, а правительство Центральной Рады отказало повстанцам в поддержке.

Вместе с тем находящийся в научном обороте фонд данных о русинской идентичности пополняется в результате региональных и краеведческих исследований историков и этнографов. На материалах участия русинов в «москвофильском» и «народовском» движениях конца XIX - начала XX в. профессору Черновицкого университета А. Добржанскому удалось вскрыть механизм подавления русинского самосознания властями Австро-Венгерской империи и польско-ка-

толическими кругами Галиции в конце XIX - начале XX в.⁷² Этнокультурные особенности русинов Буковины и Северной Бессарабии выявлены Г. Кожолянко в обстоятельном исследовании «Этнография Буковины»⁷³. Вопросы истории русинов Карпато-Днестровского региона затрагивают также зарубежные русинские, точнее, карпаторусские историки⁷⁴.

Российская украинистика признает иерархичность уровней этнического сознания современных украинцев. Галиция в XII в., явствуя из фундаментального труда «Украинцы» (2000), изданного Институтом этнологии и антропологии РАН, отмечено его авторами, включала Поднестровье, а изначальные самоназвания жителей Южной Руси - русин, русич, руснак, руський - так и не исчезли из лексикона жителей Закарпатья, Галиции, Подолья. Осознавая себя украинцами, они сохраняют генетическую связь с древнерусским населением, именуясь русинами (руснаками); осознавая принадлежность к краю, называют себя карпаторусами. Упомянуты в книге и региональные самоназвания украинцев: буковинцы, верховинцы, волыняне, галичане, запорожцы, казаки, малороссы, ополяне, подгорцы, пинчуки, подоляне, севрюки, слобожане, степняки, тавричане, червонорусы, черкасы, черноморцы, а также этнографические группы: бойки, лемки, гуцулы. Выделен авторами и нижнеднепровско-прутский антропологический тип украинцев. Прутский вариант отличается более интенсивной пигментацией и большим развитием третичного волосяного покрова, он характерен для населения Северной Молдавии и Хотинщины, которое говорит на особом поднестровском диалекте. Упомянуты и другие особенности культуры русинов Бессарабии. Однако этноним «русин» используется авторами труда только применительно к украинцам, в начале XX в. эмигрировавшим в Канаду. Остается необоснованной попытка авторов трактовать появление термина **Украина** как свидетельство «завершающегося этапа формирования украинского этноса» уже с XII столетия⁷⁵.

Переходной в концептуальном плане стала работа В.П. Степанова (2001), посвященная истории этнографического изучения русинов Бессарабии. Исходя из этнокультурных реалий, автор признал наличие у коренного восточно-

славянского населения Молдавии особенностей, отличающих его от украинцев, в том числе особого русинского этнического сознания и самоназваний «русины», «руснаки» и «русские люди». Отметил историк и то обстоятельство, что русины Бессарабии никогда не жили в составе Украинского государства. Однако, разделяя официальную трактовку украинской этничности, автор не сделал вывода о том, что русины Молдавии частью украинской нации не являются, именуя их этнографической группой украинцев - «бессарабскими украинцами»⁷⁶. Формальные основания для такого заключения дают результаты политики подавления этнического сознания русинов, проводимой в Бессарабии с 1918 г. Судя по материалам переписи населения 1989 г., ни один житель республики русином себя не назвал. Однако это обстоятельство вряд ли дает основания утверждать, что людей, помнящих о своем русинском происхождении, в Молдавии нет.

Научные итоги предшествующего периода исследований раннесредневековой истории русинов Карпато-Днестровских земель удалось подвести авторам обобщающей коллективной монографии «И... разошлись славяне по земле» (2002 г.). С привлечением новых, не использованных прежде источников ими обоснована непрерывность славянского присутствия в этих землях в VI-XIII вв. н. э. Признавая запустение этих земель и нестабильность их политического статуса уже в конце XII - первой половине XIII в., исследователи вместе с тем заключили, что «в землях к востоку от Карпат славяне продолжали обитать и позднее, даже после многих десятилетий господства Золотой Орды»⁷⁷. Тем самым перед исторической наукой был вновь поставлен вопрос о судьбах древнерусского населения в составе Молдавского государства, когда условия существования стали менее опасными. Продолжено пополнение фонда артефактов культуры руснаков Молдавии. Памятники устного народного творчества украинцев северных районов республики, собранные и опубликованные фольклористом В.Д. Панько, позволяют выявить его отличия от фольклора потомков малорусских поселенцев XIX - начала XX вв. и представляют собой вклад в обоснование этнокультурной самобытности русинов Молдавии⁷⁸.

Закономерным продолжением предшествующего этапа русинских исследований явился выход в 2004 г. в свет монографии С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», в которой история русинов Молдавского княжества кратко рассмотрена в общем контексте проблемы русинской идентичности. Справедливо рассматривая живущих ныне в Украине, Словакии, Сербии, Польше, Румынии, Молдавии русинов и их потомков, помнящих о своем этническом происхождении, как части населения Древней Руси, не вошедшей в состав русской, украинской и белорусской наций, автор убедительно обосновал автохтонное происхождение русинов Карпато-Днестровских земель и факт их проживания в Молдавском княжестве на протяжении всего периода его существования. Буковина и север современной Молдавии, удалось показать исследователю, входили в зону первичного славянского этногенеза (IV-VII вв.), и присутствие славян на этих землях с тех пор было непрерывным. Мирный характер взаимоотношений русинов Восточного Подкарпатья с молдаванами в период образования Молдавского княжества автор резонно объясняет общностью православной веры волохов и русинов, волошко-русинским составом населения Семиградской Руси (Трансильвании) и тем обстоятельством, что поход Богдана на восток представлял собой волошко-славянское предприятие. Оригинально мнение автора о том, что славянские сельники Карпато-Днестровских земель являлись прямыми преемниками скифо-сарматского мира⁷⁹.

Особую наглядность повествованию С.Г. Суляка придает использование им при анализе миграций русинов Буковины в Бессарабию в XIX в. и этнокультурных процессов, происходивших в их среде в XX столетии, документов, относящихся к истории его собственной семьи и родного русинского села Булгак. Наличие в Молдавии множества граждан, официально идентифицирующих себя как украинцы, молдаване или русские, но знающих о своем русинском происхождении, выявили презентация книги, состоявшаяся 9 июня 2004 г. в помещении Департамента межэтнических отношений Республики Молдова, и отклики на это событие, поступающие в общественную организацию «Русь». Актуальность изучения

истории русинов Молдавии подтверждена также научной дискуссией по вопросам русинской истории, развернувшейся в Молдавии в 2003 г.⁸⁰ и положительными откликами на выход монографии С.Г. Суляка в периодической печати Молдавии и за рубежом⁸¹.

Таким образом, главные достижения в изучении культуры русинов Молдавии связаны с российской дореволюционной этнографической наукой. История руснаков Молдавского княжества и Бессарабии получала лишь попутное освещение в контексте истории Молдавии и общей истории русинов. Дальнейшее замалчивание историками самого факта проживания русинов в Молдавском княжестве в Средневековье и в Новое время, а их потомков в Молдавии в наши дни не имеет научных оснований и препятствует созданию подлинно научной истории Молдавии. Русинов Молдавии не могут более оставаться народом без истории. Логика исторического познания требует написания специального труда, посвященного истории потомков древнерусского населения, принявших участие в формировании Молдавского государства, молдавской народности эпохи феодализма и современной молдавской нации, защите Молдавии, в развитии ее экономики и культуры.

Только после создания такого труда история русинов нашего края войдет в массовое сознание народов Молдовы, заинтересует деятелей культуры и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва, 2004. С. 219.

2. См. подробнее: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическое вторжение в Республику Молдова // Мысль [Кишинев], 2000, №1(9); Его же. Молдовенизм. Историографический очерк // Мысль, 2003, №2(20).

3. А се ведя: Уреке Г. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971. П. 66, 70, 118 ш.а.; Костин М. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972. П.116, 166; Некулче И. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1974. П. 291, 305.

4. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 147, 151.
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. Санкт-Петербург, 1899. С.297-297 // Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 174.
6. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т.25. Москва-Ленинград, 1949. С. 344-345.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград, 1950. С. 176.
8. Степанов В.П. Проблема сохранения инонационального населения в условиях национального меньшинства в Республике Молдова: по результатам этносоциолингвистического исследования украинского населения села Мусаит Тараклийского уезда // Moldova intre est si vest: identitatea nationala si orientarea europeana. Chisinau, 2002. P. 207.
9. Суляк С. Указ. соч. С. 10, 96-122.
10. Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988. П. 232-244.
11. См.: Славяно-молдавские летописи. Москва, 1973.
12. А се ведя: Уреке Гр. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1988; Костин М. Летописецул Цэрый Молдовой де ла Ааронводэ ынкоаче. Кишинэу, 1972; Костин М. Опере. Кишинэу, 1989; Некулче И. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1974; Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
13. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты. Составители: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная / Под ред. П.В. Советова. Т. I (XV в. - первая четверть XVII в.). Кишинев, 1961; Т. II (XV- XV вв.). Кишинев, 1978; Т. III (1601-1640). Кишинев, 1982; Т. V. Кишинев, 1987; Т. VI. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи (1671-1710). Кишинев, 1992.
14. A se vedea: Documente privind istoria Romaniei. A.Moldova / Red. resp. Mihail Roller. Vol. I-V. Bucuresti, 1951-1957; Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I-III. Bucuresti. Ed. Acad. Romane. 1975-1990; Documente privind istoria Romaniei. A.Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor de locuri / Intocmit de A.I. Gonta. Bucuresti. Ed. Acad. Romane. 1990; Documente privind istoria Romaniei. A.Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor personale / Intocmit de A.I.Gonta. Bucuresti, 1995.
15. A se vedea: Cronicele Romaniei sau letopisetetele Moldovei si Valahiei. Ed.: M.Kogalniceanu. Vol. I-III. Bucuresti, 1874. Характеристика молдавских летописей XVIII в. см.: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 50-56; Руссев Е.М. Мол-

давское летописание - памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982.

16. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские документы. Составители: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная / Под ред. П.В. Советова. Т. VII (в двух частях). Кишинев, 1975.

17. Мирон Костин был идеологом польской партии молдавских бояр, а ее вождем являлся его брат Величко Костин. Отношение летописца к русским людям сформировалось в молодости, когда он сражался на стороне польских войск против казаков, предводительствуемых Богданом Хмельницким. Позднее, в 1682-1684 гг., М. Костин в течение двух лет жил в Польше в почетном плену, где и создал свой исторический труд. Этнокультурной враждой отмечено и его отношение к русинам Молдавии. В бытность логофетом, когда ему довелось руководить борьбой против гайдуков в Путнянском цинуте, населенном преимущественно русинами, М. Костин отличался жестокостью, вряд ли возможной по отношению к соплеменникам. Однажды, когда были захвачены в плен 40 человек, по приказу М. Костина они, пишет И. Некулче, «...были изрублены каждый на четыре части, отдельные изрубленные части человеческих тел сложил на перекрестках дорог». Сын Мирона, Николай Костин, также признает, что в борьбе с гайдуками его отец «...сколько ловил, [столько] сажал на кол, и из трупов образовались целые холмы... и все равно не мог их истребить.» (Цит. по: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. С. 276)

18. Costin M. Opere. P. 233.

19. Costin N. Scrieri. In doua volume. Vol. I. Chisinau, 1990. P. 98,99.

20. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 7,38.

21. См.: Cantemir D. Hronicul vechimii a romano-moldo-vlahilor. Bucuresti, 1906. P. 325 // Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев. 1978. С. 86.

22. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001. С. 64-70.

23. См.: Защук А.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Санкт-Петербург, 1862; Его же. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Санкт-Петербург, 1863.

24. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. II. Очерки Днестра. Санкт-Петербург, 1863. С. 129.

25. См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной РГО. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским. Т. 1-7. Санкт-Петербург, 1872-1877; Отчет о деятельности юго-западного Императорского РГО за 1874 год, составленный правителем дел П.П.Чубинским. Киев, 1875.

26. Купчанко Г.И. Некоторые историко-географические сведения о Буковине // Записки юго-западного отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Киев, 1875.

27. См.: Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905; Его же. На севере Бессарабии. Варшава. 1910; Его же. Материалы по этнографии бессарабских русинов. Киев, 1905.

28. См.: Накко А. Бессарабия (Историческое описание). Т. 1-2. Одесса, 1875-1876.

29. См.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. Санкт-Петербург, 1892.

30. См.: Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборникъ. Издание газеты «Бессарабець» / Под редакцией П.А. Крушевана. Москва, 1903.

31. См.: Берг Л.С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. Петроград, 1918.

32. См.: Бессарабия и Северная Буковина / Под ред Н.С.Державина. Ленинград, 1940.

33. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Санкт-Петербург, 2000.

34. Подробно см.: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическая агрессия против Молдовы // Мысль [Кишинев], 2000, № 2(10).

35. A se vedea: Xenopol A. D. Istoria romanilor. Editia a 3-a. Vol. I-XIV. Bucuresti, 1896; Ed. A 4-a. Vol I-XIV. Bucuresti, 1913.

36. A se vedea: Iorga N. Istoria romanilor. In 10 Volume. Iasi-Bucuresti, 1988; Idem. Istoria romanilor pentru poporul romanesc. Valenii-de-Munte, 1908; Idem. Neamul romanesc in Basarabia. Vol. I-II. Bucuresti, 1995-1997; Idem. Histoire des relations russo-roumaines. Antologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Bucarest, 1995.

37. A se vedea: Nistor I. Istoria Basarabiei. Bucuresti, 1991.

38. A se vedea: Boldur A. Istoria Basarabiei. Bucuresti, 1992.

39. A se vedea: Ciobanu St. Basarabia. Monografie. Chisinau, 1993; Idem. Problema ucraineana in lumina istoriei. Radauti, 1997.

40. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. С. 119.
41. A se vedea: Panaitescu P. Istoria romanilor. Chisinau, 1992.
42. Подробно см.: Шорников П. Молдовенизм. Историографический очерк // Мысль, 2003, №2(20).
43. A se vedea: Constantinescu-Iasi P. Relatiile culturale romanoruse. Bucuresti, 1954; Bezviconi Gh. Contributii la relatiile romanoruse. Bucuresti, 1962.
44. А се ведя. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977; История литературий молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу, 1986; История Молдавской ССР. Том I. Кишинев, 1987.
45. См. подробно: Суляк С. Указ. соч. С. 128-129.
46. См.: История Молдавии. Кишинев, 1951; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965.
47. См.: История Молдавской ССР. Кишинев, 1984.
48. См.: Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953; Его же. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. № 89; Его же. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. Москва, 1966; Его же. Древнерусская культура Поднестровья (X-XII вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
49. См.: Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969; Его же. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV- нач. XVI в.). Кишинев, 1984.
50. См.: Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979; Его же. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.
51. См.: Великанова М.В. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. Москва, 1975; Ее же. Антропология средневекового населения Молдавии. Москва, 1993.
52. А се ведя: Леженде, традиций ши повестирь орале. Алк.: Гр. Ботезату / Суб ред. луй В.М. Гацак. Кишинэу, 1975; Театру популар. Алк.: Г.И. Спатару ши Ю.И. Филип / Суб ред. луй Н.М. Бэешу ши В.А. Чиримпей. Кишинэу, 1981. Фолклор дин степа Бэлцулуй. Кишинэу, 1988; Фолклор дин кымпия Сорочий. Кишинэу, 1989.
53. См.: Чебан И.Д. Молдавская народная лирическая поэзия. Необрядовая песня. Кишинев, 1973; Гацак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. Москва, 1975; Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней сред-

невековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. Москва, 1977.

54. А се ведя: Креация популарэ (Курс теоретик де фолклор ромынеск дин Басарабия, Транснистрия ши Буковина). Кишинэу, 1991.

55. А се ведя: Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэри-тень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988.

56. См.: Параска П.Ф. Ла извоареле приетений попурулуй молдовенеск ку попареле рус ши украинян. Кишинэу, 1986.

57. См.: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствове-дения. Кишинев, 1977; Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978;

58. См.: Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Ки-шинев, 1979.; Загородная Е.М., Зеленчук В.С. Популяция РСС Молдовенешть. Кишинэу, 1983.

59. Зеленчук В.С. Население Молдавской ССР (социальные и демографические процессы). Кишинев, 1987.

60. См.: Грушевський М. Історія України-Руси. Том I. До по-чатку XI віка. Львів, 1904; Его же. Ілюстрирована історія України. Донецьк, 2003.

61. Історія Української РСР. Том 2. Київ. 1979.

62. Украинцы. Народы Европейской части СССР. Москва, 1964 (Народы мира); Украинско-молдавские этнокультурные взаимо-связи в период социализма. Киев, 1987; Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. Москва, 1991.

63. Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993.

64. Полонська-Василенко Н. Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т.2. Київ, 2002.

65. См.: Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи. 1671-1710. Сост.: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Кишинев, 1992; Moldova in epoca feudalismului. Vol. VIII. Documente moldovenesti din secolul al XVIII-lea (1711-1750) / Carti domnesti si zapise. Intocmit de L. Svetlicnaia, D. Dragnev, E. Vociarov. Chisinau, 1998.

66. А се vedea: Gonta I. Relatiile romanilor cu slavii de rasarit pina la 1812. Chisinau, 1993.

67. А се ведя: Panaitescu P.P. Istoria romanilor. P.II. Chisinau. 1990; Панаитеску П.П. История румын. Кишинев, 1991; История румын. Античность и средневековье. Учебник для VIII класса. Проф. Хадриан Дайковичиу, проф. Помпилиу Теодор, проф. Иоан Кымпяну. Кишинэу, 1993; Ожог И.А. История румын. Ч.І. Древ-няя и античная история. Кишинев, 1993; Niculita I. Istoria romanilor.

Епоса veche. Chisinau, 1997; Dragnev D., Dragnev E. Istoria medie a romanilor (pina la mijlocul secolui al XVII-lea) . Chisinau, 1997; Idem. Istoria moderna a romanilor. Partea I. (mijlocul secolului al XVII - 1848). Chisinau, 1997; Vizer B. Istoria contemporana a romanilor. Chisinau, 1997; История румын. Новейшее время. Учебник для 9-го класса. Кишинев, 1999; Niculita I. Istoria romanilor. Perioada antica. Manual. Chisinau, 1999; Istoria noua a romanilor. Partea I - II. 1848-1918. Manual pentru clasa VIII. Chisinau, 1999; История румын. Знаменательные страницы. Учебник для 4-го класса. Chisinau, 1999; Никулицэ И. История румын: Древний период. Экспериментальный учебник для V класса. Кишинев, 1999; Istoria romanilor. Pagini ilustre. Manual pentru clasa IV. Chisinau, 1999; Istoria Basarabiei (De la inceputuri pina in anul 1998). Chisinau, 2001; Esanu A. Cultura si civilizatia medievala romaneasca: Din evul mediu timpuriu pina in sec. 17. Manual pentru invatamintul superior. Chisinau, 1996; Idem. Contributii la istoria culturii romanesti (Moldova medievala). Bucuresti, 1997; Новая история румын. Часть II. 1848-1918. Учебник для VIII класса). Кишинев, 1999.

68. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997, 1998; Второе издание, переработанное и дополненное, вышло в свет в 2002 г.

69. См.: Сперальский Зд. Молдавские авантюры. Бэлць, 2001.

70. A se vedea: Istoria Moldovei in date. Elaborata: Vasile Stati. Chisinau, 1998; Stati V. Istoria Moldovei. Chisinau, 2002; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003; Stati V. Stefan cel Mare Voievodul Moldovei. Chisinau, 2004; Штефан Великий, Господарь Молдовы. Кишинев, 2004.

71. См.: Коляда І.А., Крилач К. І., Юренко С.П. История України. Підручник для 6-7 класів. Київ, 1999; Лях Роман, Темірова Надія. История України з найдавніших часів до XV століття. Підручник для 7 класу. Київ, 2000; Власов В. История України. Підручник для 8 кл. загальноосвіт. Навч. закл. Київ, 2002; Турченко Ф.Г. Новітня історія України. Частина перша. 1917-1945. 10 клас. Підручник для серед. загальноосвіт. шк. Київ, 2000; Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України (1945-1998 рр.) Підручник для 11-го кл. серед. шк. Київ, 2000.

72. См.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999.

73. См.: Кожолянко Г. Эмиграция трудового населения Буковины в конце XIX - начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). Кишинев, 1991; Кожолянко Г. Етнографія Буковини.

Чернівці. 1999. Т.1.; Т.2. Чернівці, 2002.

74. См.: Магочій П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Ужгород, 1994; Его же. Карпатськы русины. Торонто, 2000. Штумпф-Бенедек А. Сосіды добрі и вшеилякі. Русины, gens fidelissima. Ужгород, 2001.

75. См.: Украинцы. Москва, 2000. С. 19, 21, 44, 57, 60. См. также: Восточные славяне: Антропология и этническая история. Москва, 1999.

76. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001.

77. См.: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев, 2002.

78. См.: Панько В. Заговоры севера Молдовы. Бельцы, 2002.

79. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.

80. См.: Суляк С. Миграции русинов Буковины в Бессарабию // Национальные образы мира: единство - разнообразие - справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г. Кишинев, 2003; Шорников П. Культурное многоцветье Молдавского княжества // Там же; Суляк С. Руснаки Бессарабии: Почему им нет места в учебниках истории? // Мысль, 2003, № 4 (22); Руснак В. Идея общерусского единства у русинов // Мысль, 2004, № 1 (23); Буркут И. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль, 2004, № 2 (24); Суляк С. Замена этнонима - прелюдия этнокультурной трансформации // Там же; Его же. Этнокультурная идентичность руснаков Бессарабии в начале XX века // Вестник Славянского Университета. Кишинев, 2004. Вып. 11; Шорников П. Молдавская «Картина мира» в Средневековье // Там же; Степанов В. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (Продолжение темы) // Мысль. 2004 № 3(25).

81. См.: Токарский А. Русины не сдаются // Кишиневские новости, 2003, 18 июня; Кто они - русины? // Русское слово [Кишинев], 2004, № 11(74).; Дрейзлер М. Давно живут в Молдове руснаки // Независимая Молдова. 2004, 24 июня; Андреева Д. Русины - коренное население Молдовы // Аргументы и факты - Молдова. [Кишинев]. 2004. № 24(416); Наний В. Осколки Руси? // Коммунист [Кишинев], 2004, 2 июля; Зозуляк А. Интересна книжка о Русинах Молдавии... // Народны новинки [Пряшев, Словакия], 2004, Ч. 51-51; Осколки Святой Руси // Бесида [Крениця-Лігниця, Польша], 5/2004.

Николай ТЕЛЬНОВ

О славянах в Молдавии в раннем Средневековье

О проживании славян в Днестровско-Карпатских землях давно известно из сообщений византийских авторов и русских летописей (Федоров, 1960, с. 173-184; Рафалович, 1972, с. 8-20; Седов, 1982, с. 129-132). Надежные подтверждения письменным данным были получены благодаря многочисленным археологическим источникам, которые впервые начали изучаться лишь в послевоенное время. В результате многолетних археологических исследований на этой территории выявлено значительное число различных славянских памятников, и на десятках из них проведены археологические раскопки (Тельнов, 1988, с.3). Учитывая изученный археологический материал и сопоставляя его с письменными источниками о древних славянах, можно представить более или менее достоверно историю славянского населения края.

По мнению исследователей, до середины первого тысячелетия нашей эры можно говорить лишь об отдельных элементах славянской культуры и эпизодических появлениях незначительных групп славянского населения в регионе (Федоров, 1960, с. 65, 170-172).

Картина заметно меняется во время заключительного этапа «великого переселения народов», когда славяне занимают в нем ведущую роль и начинают расселяться на значительные пространства (Седов, 1995, с. 3-6).

Днестровско-Карпатские земли после разрушительного нашествия гуннов почти полностью опустели. В конце V - начале VI в. эти земли интенсивно начинают заселяться славянами. Славяне, исконные земледельцы, хотя и продвигались относительно медленно, но зато прочно осваивали заселенную территорию и приносили в район своей колонизации экономическую и социальную стабилизацию, необходимую для существования оседлого земледельческого хозяйства.

К концу VI – началу VII в., заселив значительную часть территории Днестровско-Карпатских земель, славяне, сломив границу Византийской империи на Дунае, заселили значительную часть территории Балканского полуострова (Третьяков, 1982, с. 92-94).

Письменные источники указывают, что земли к северу от Дуная были заселены славянскими племенами склавен и антов. Готский историк VI в. Иордан писал: «Склавлены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину ...» (Иордан, 1960, с. 72). Из сообщения ясно, что в VI в. владения склавен и антов между собой соприкасались и пограничной рекой между ними был Днестр.

В иных византийских источниках этого времени анты неоднократно упоминаются на землях, расположенных западнее Днестра. Так, Прокопий сообщает: «... славяне и анты ... имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега» (Прокопий из Кесарии, 1950, с. 156), или в другом месте: «... жившие по Истру варвары гунны, анты и славяне ... наносили римлянам неисцелимый вред ...» (Прокопий из Кесарии, 1950, с. 295). Таким образом, Прокопий указывает, что места соприкосновения склавен и антов располагались в нижнем течении Дуная. Он четко различает склавен и антов, но уже ничего не сообщает о Днестре как о пограничной реке между двумя союзными племенами.

Археологические исследования позволили выделить материальную культуру антов, которая получила наименование пеньковской, и материальную культуру склавен, которая именуется пражско-корчакской. Ареал этих культур совпадает в основном с данными письменных источников о размещении антов и склавен (Русанов, 1976, с. 12-55, 85-112; Седов, 1979, с. 101-133).

Таким образом, по имеющимся данным, Днестровско-Карпатские земли в VI – VII вв. были заселены представителями двух военно-политических объединений славянских племен – антами и склавенами. Причем Днестровско-Прутское междуречье было заселено в значительной степени антами, хотя

нередки здесь и склавенские поселения, а в южной части междуречья проживали и, вероятно, контактировали со славянами и кочевники. К западу от Прута более распространены склавенские поселения.

В Нижнем Подунавье проживали и склавенны, и анты, которые сосуществовали, очевидно, с другими народами (Тельнов и др., 2002, с. 10-27).

После расселения славян они занимали большую территорию в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Со временем во многом единая славянская культура претерпела определенные изменения, и славянские племена разделились на восточных, западных и южных славян. Древнерусская летопись «Повесть временных лет» при перечислении и локализации восточнославянских племен на юго-западе восточнославянского ареала размещает тиверцев и уличей. О тиверцах говорится, что они «... сядяху бо по Днестру, присядяху къ Дунаеви. Бе множество ихъ: сядяху бо по Днестру оли до моря, и суть гарди их до сего дне...» (Повесть временных лет, Т-1, 1950, с. 14). О размещении тиверцев на этой же территории во второй половине IX в. говорит и анонимный баварский географ (Шафарик, 1948, Т.2, с. 136).

Уличи первоначально, до X в. проживали в Поднепровье. Племенные союзы тиверцев и уличей долго сохраняли свою независимость от Киева. В летописи под 885 г. сообщается, что Олег подчинил полян, древлян, северян и радимичей, а «съ уличи и теверци имяще рать» (Повесть временных лет, 1950, Т.1, с. 20-21). Со временем тиверцы признали верховную власть Киева, но еще не были включены в состав государства.

Так, во время похода 907 г. на Царьград тиверцы принимали участие в качестве союзников киевского князя, тогда как остальные древнерусские племена вошли в состав киевского войска. Тиверцы вошли в состав Древнерусского государства до начала 40-х годов X в., так как летопись во время похода на Царьград в 944 г. упоминает их уже в составе войска киевского князя. По данным «Повести временных лет», еще в 940 г. киевский князь Игорь «... съ уличи и съ древляны имяше рать». И лишь после взятия воеводой Игоря Свенельдом их главного города Пересечена уличи переселились на

территорию между Бугом и Днестром: «И беша седяше уличи по Днепру вьнизь, и по семь преидоша межю Бъгъ и Дьнестръ, и седоша тамо» (Шахматов, 1919, с. 373).

На территории Днестровско-Прутского междуречья известно значительное количество восточнославянских тиверских поселений, представленных древностями типа Луки-Райковецкой. Большинство из них являлись неукрепленными селищами, но к концу IX - началу X в., когда складывалась древнерусская культура, у тиверцев появляются и укрепленные поселения – городища. Городища располагались среди группы неукрепленных поселений и являлись убежищами для их населения (Алчедар, Екиматуцы, Царевка, Рудь и т.д.). Тиверские поселения преобладали в северной и центральной лесостепной части Молдавии. На юге Днестровско-Карпатского региона в IX-X вв. значительно были распространены поселения южных славян, которые по облику материальной культуры очень близки культуре Первого Болгарского царства, занимавшей Северо-Восточную Болгарию и Нижнее Подунавье. Южнославянские памятники в Днестровско-Прутском междуречье представлены в основном неукрепленными поселениями. Наряду с преобладающими славянскими традициями в южнославянской культуре заметны тюрко-болгарские культурные черты. Несмотря на это, южнославянская культура, как и восточнославянская, имеет довольно выраженный общеславянский облик (Федоров, Чеботаренко, 1974, с. 7-8, 40-52).

Как письменные источники, так и археологические данные свидетельствуют о том, что славяне были оседлым земледельческим народом. Их хозяйство было основано на пахотном земледелии и приселищном скотоводстве. Поселения, как правило, располагались рядом с плодородными участками, удобными для земледелия, и с заливными лугами, пригодными для выпаса скота и заготовки сена на зиму. К концу VI столетия византийские авторы стали говорить о землях задунайских славян как о богатом земледельческом крае. Так, Псевдо-Маврикий отмечал у них «... большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы» (Мишулин, 1941, с. 253). Выращивали славяне пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, го-

рох, лен, коноплю. Известно им было овощеводство и садоводство. Второй важнейшей отраслью производственной деятельности славян Днестровско-Карпатских земель было скотоводство, главным образом разведение крупного рогатого скота, свойственное, как правило, именно оседлому населению. Об этом свидетельствуют как византийские авторы, так и анализ костных остатков из славянских поселений Днестровско-Прутского междуречья. В стаде преобладал крупный рогатый скот, служивший, очевидно, и тягловой силой при пахотном земледелии. Второе место занимали свиньи, затем мелкий рогатый скот и лошади. Охота, рыболовство и бортничество играли в хозяйстве древних славян хотя и важную, но второстепенную роль.

Развитие пахотного земледелия и повышение его продуктивности создали условия для выделения ремесла в рамках примитивного натурального хозяйства славянских поселений. Металлодобыча и обработка металла находились в руках кузнецов-универсалов, а сами ремесла еще не вышли из общинной стадии. Среди видов домашнего производства у славян были распространены прядение и ткачество, обработка кожи, камня, кости, дерева и т.д.

К концу IX - началу X в. произошло дальнейшее развитие ремесленного производства, отразившееся в изготовлении разнообразных орудий труда и ремесленной продукции, в появлении ремесленных мастерских и центров с концентрацией нескольких видов ремесел (Алчедар, Скок, Рудь XX и т.д.). Изделия из цветных металлов в этот период все чаще изготавливались не кузнецами-универсалами, а специалистами-ювелирами, на что указывают украшения, при производстве которых применялся ряд сложных операций.

Заметное развитие получило и керамическое производство. В это время входят в употребление гончарный круг и гончарные горны, а керамическое производство начинает выделяться в самостоятельное ремесло.

В этот период процесс отделения ремесла от сельского хозяйства охватил, вероятно, наиболее развитые виды ремесленной деятельности - металлургию, кузнечное, ювелирное и гончарное дело. Следствием обособления ремесла было зарождение товарного производства и меновой торговли.

В VI-VII вв. славяне жили семейными родовыми общинами, достигавшими нескольких десятков человек. Такая община представляла собой небольшое поселение, состоявшее из 15-20 жилищ. Хозяйственные и производственные постройки в таких поселках были общими для всей общины. Со временем родовая община славян в Днестровско-Прутском междуречье начинает распадаться. Совершается переход от родовой к соседской общине, в которую входили семьи, не связанные родством. Эта община состояла из семей-соседей, живших на одной земле и владевших ею сообща, хотя уже каждая семья обрабатывала свой участок и собирала урожай с него только для себя. Развитие общественных отношений у славян в VIII-IX вв. и переход к соседской территориальной общине привели к появлению больших поселений. С IX в. у восточных славян в Днестровско-Карпатском регионе зарождаются феодальные отношения. В соседской общине выделяются зажиточные семьи, составившие общинную знать. Из ее среды избирают военных вождей – князей, наделенных властью над остальными общинниками. Значительная часть лучшей земли со временем попадает в руки старейшин и князей. Все более заметной становится имущественная и социальная дифференциация. Возникают первые предгосударственные объединения племен, которые в русской летописи названы княжениями. Процессы социально-экономического развития у южнославянского населения Днестровско-Прутского междуречья проходили в подобном же русле.

Возникнув в первой половине IX в., Киевская Русь в X в. переживала процесс интеграции, формирования своей государственной территории. В X в. Древнерусское государство вело войны не только за сохранение своей целостности, но и за распространение власти на другие племенные союзы-княжения восточных славян. Последними, как уже упоминалось, вошли в его состав уличи и тиверцы. В этот период границы Киевского государства простирались непосредственно до Дуная. Территория тиверцев и уличей для Киевского государства имела стратегическое значение ввиду ее удобного расположения по отношению к важным торговым путям, близости к морю и соседства с землями южных и западных славян. Владение этой территорией способствовало разви-

тию и укреплению экономических и культурных связей молодого Древнерусского государства с другими раннефеодальными государствами. Понимая все это и стремясь укрепить свою власть на Нижнем Дунае, киевский князь Святослав говорит: «... Хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек – золото, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угорь – серебро и комони, из Руси же – скоро и воск, медь и челядь» (Повесть временных лет, 1950, с.39-40). И позже эта территория не теряла своего ключевого значения для Древнерусского государства. Ведя борьбу за его единство и укрепление, в начале XII в. Владимир Мономах, по выражению летописи: «... посажа посадники по Дунаю». Вхождение Поднестровья в состав Киевской Руси благотворно сказалось на культурных и экономических взаимоотношениях с центральными областями государства, а также на торговых и культурных связях Поднестровья с другими государствами: Первым Болгарским царством, Византией, Чехией, Венгрией и т.д. Здесь оживилось развитие феодальных отношений. Они более интенсивно проходили в экономическом развитии, в общественных отношениях, в дальнейшей специализации ремесел, в зарождении раннегородских центров и т.д. Материальная культура восточнославянского населения Днестровско-Прутского междуречья стала составной частью материальной культуры Древнерусского государства. Единообразие древнерусской культуры четко прослеживается от Поднестровья и Прикарпатья до Чернигова и Новгорода, т.е. в границах Древнерусского государства. Со времени вхождения восточнославянского населения Днестровско-Прутского междуречья в состав Киевского государства оно приняло прямое участие в формировании древнерусской народности. Вместе с тем расположение этих племен на юго-западной окраине восточнославянского мира, их этнические контакты с соседями и политическая обстановка в регионе способствовали усложнению этногенетических процессов. Особенно осложняли ситуацию кочевники. Под их давлением значительная часть славянского населения вынуждена была переселиться в дальние пределы Галицкого княжества и другие более безопасные места. Но, тем не менее, определенное его коли-

чество оставалось в более или менее защищенных местах. Древнерусское население Днестровско-Прутского междуречья вместе с волохами приняло участие в создании Молдавского государства, часть этого населения позднее вошла в состав молдавской народности. Многие из потомков этого населения сохранили свои этнокультурные особенности до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Москва, 1960.
- Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. ВДИ, 1941, № 1. С. 230-284.
- Повесть временных лет. Т.1. Москва-Ленинград, 1950.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. Москва, 1950.
- Рафалович И.А. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.
- Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Москва, 1976.
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. Москва, 1979.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. Москва, 1982.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. Москва, 1995.
- Тельнов Н.П. Некоторые итоги и задачи изучения славянской культуры VI-IX вв. на территории Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1983. Кишинев, 1988. С. 3-19.
- Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. «...И разошлись славяне по земле». Кишинев, 2002.
- Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА № 89, 1960.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 6. Кишинев, 1974.
- Шафарик П.И. Славянские древности. Санкт-Петербург, 1848. Т. 2.
- Шахматов А.А. Повесть временных лет. Петроград, 1919.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

Сергей СУЛЯК

Русины: этапы истории

(часть 1)

*Наука же должна базироваться
не на личных мнениях и вкусах,
а на непротиворечивой версии,
которую следует отыскать.*

*Л. Н. Гумилев**

История восточнославянского населения, сохранившего самоназвание насельников Древней Руси – русин, и которое, несмотря на многовековое проживание в составе разных государств, не утратило свою историческую память, этнокультурную специфику, язык, в основе которого лежит древнерусский язык, заслуживает более глубокого изучения. Это поможет объяснить не только историю зарождения и формирования русинского этноса, но и феномен осознания им своей общности, сохранения этнокультурной специфики столь длительный исторический период.

История славян насчитывает более 3500 лет. Мнения о том, что отделение славянской языковой семьи от общего индоевропейского массива произошло во второй половине II тысячелетия, сегодня придерживаются авторы большинства современных учебников по истории России¹. Не отрицается и громадное влияние на восточных славян скифо-сарматского мира². Введена в научный оборот трактовка слова «анты» как «жители окраин». То, что имя «анты» могло быть позаимствовано у аланов южнорусских степей, предположил видный российский языковед Ф.П. Филин в 1962 г.³ Именно таковыми были восточные славяне по отношению к ираноязычному скифо-сарматскому миру⁴. Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии восточных славян

* Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Санкт-Петербург, 2002. С. 461.

настолько велики, что в науке поставлен вопрос о славяно-иранском симбиозе. Название «анты» сохраняется с III по VII вв.⁵ Среди сарматов наиболее крупным племенным союзом были аланы (по-русски - ясы). Основная аланская орда обособилась в конце IV в. в Пруто-Днестровском междуречье и на территории современной Румынской Молдовы. Река Прут была известна как «Аланская река». Возможно, к этому периоду, считал Г. Вернадский, можно отнести основание Ясы (Иаси), города «ас», т.е. аланов⁶. Он же полагал, что регион Нижнего Буга и Пруто-Днестровское междуречье были территориями ранней антской цивилизации⁷, а анты были славянами, управляемыми аланскими родами⁸.

В VI-IX вв. возникают восточнославянские племенные союзы. Летописный рассказ Нестора в «Повести временных лет» о расселении восточнославянских племен был подтвержден археологическими раскопками уже в XIX в. Названия перечисленных в летописи племенных объединений были связаны либо с местностью проживания (поляне жили в полях, древляне - в лесах и т.д.), либо с родом занятий (к примеру, слово «хорваты» – от древнеиранского «пастух, страж скота»). До сих пор, правда, не решен вопрос: были ли это самоназвания племенных союзов или так их называли соседи. В контексте исследуемой темы интерес представляет расшифровка племенного названия тиверцев, «яже суть толковины»⁹. Советские академики А.А. Шахматов и Б.А. Рыбаков трактовали слово «толковины» как союзники, помощники (считая, что слово «толока» подразумевает общественную помощь). Ранее это слово понималось как толмачи, переводчики¹⁰. Восточнославянское население Пруто-Днестровского региона наряду с пахотным земледелием занималось скотоводством. В русинском языке слово «толока» означает пастбище. Поэтому, на наш взгляд, тиверцы, которых взял с собой князь Олег в 907 г. в поход на греков, были пастухами по роду занятий, о чем и свидетельствовал летописец.

В IX-X вв. восточнославянские племена входят в состав Древнерусского государства. В это время происходит консолидация восточных славян в русскую народность¹¹. Самоназвание русского населения - русин - встречается во многих русских летописях¹². Данный этноним сохранился до сих пор в

Западной Украине, Словакии, Польши, Сербии, Румынии, Молдавии и других странах, где проживают потомки насельников Древней Руси. Долгое время он сохранялся и в Восточной Руси. Тверской купец Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» (конец XV в.) упоминает, что он «не бесермин, а русин»¹³.

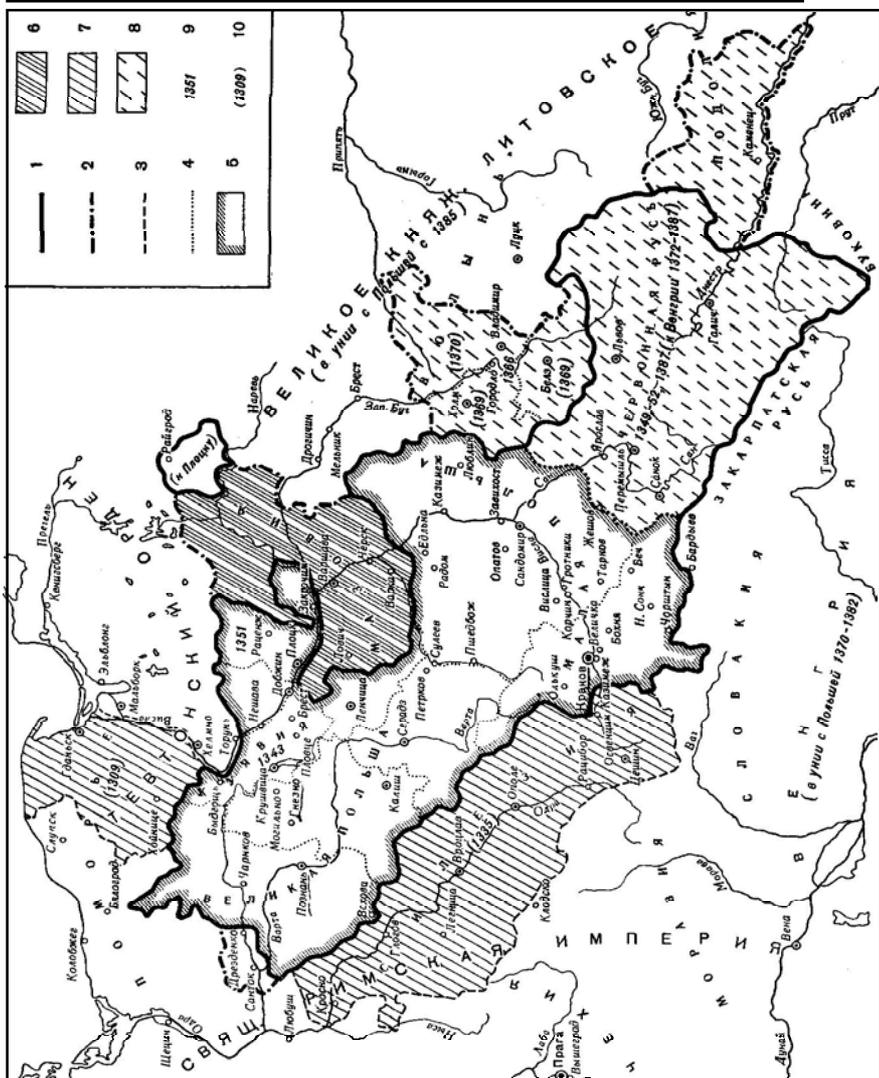
В XI-XII в. на землях, где проживали белые хорваты, уличи и тиверцы, возникло сильное Галицкое княжество¹⁴, первое государство, которое создали предки современных русинов. Рост влияния княжества связан с воспетым в «Слове о полку Игореве» Ярославом Осмомыслом (1153-1187). На рубеже XII-XIII столетий Роман Мстиславович Волынский объединяет Галицкую землю и Волынь (ее населяли потомки дулебов - вольняне, бужане)¹⁵ в одно большое государство, пережившее татаро-монгольское нашествие и просуществовавшее до конца XIV в. Княжество занимало северо-восточные склоны Карпат и территорию между Днестром и Прутом. После того, как Роман захватил Киев, его владения оказались не меньше, чем Священная Римская империя Фридриха Барбароссы. Русские летописи называли его «самодержцем всея Руси». Короткое княжение Романа, считал Б.А. Рыбаков, упрочило положение западнорусских земель и подготовило их дальнейший расцвет¹⁶. Высшего политического и экономического расцвета княжество достигло при его сыне Данииле (1201-1264). Большую часть своей жизни он провел в борьбе с галицкими боярами и иноземными захватчиками. Лишь к 1249 г. князю Даниилу удается окончательно утвердить свою власть в Галиче. Крупными городами княжества были Галич, Перемышль, Ярослав, Холм, Владимир, Червен, Тереховль, Белз, Берестье, Луцк, Дрогочин, Львов.

Набеги печенегов и половцев вызвали отток населения из Северного Причерноморья. Потомки уличей и тиверцев в XI-XII вв. вынуждены были отступить на север и запад, в основном в Карпатские горы. Они положили начало заселению Семиградской Руси (Трансильвании) и Северной Венгрии¹⁷. Татаро-монгольское нашествие вызвало еще больший отход населения с юга Руси. Часть его отошла в северные и западные пределы Галицкого княжества, в результате чего население княжества увеличилось, часть - в пределы соседних госу-

дарств, на Нижний Дунай и Северо-Восточную Русь. На присутствие русского населения в Юго-Восточной Польше (предков современных лемков) указывает наличие большого количества русских православных церквей близ Кракова и в других местностях в XIII-XIV вв.¹⁸

После гибели прямых наследников Даниила Галицкого около 1324 г. Галицко-Волынское княжество становится ареной борьбы между Венгерским, Польским королевствами и Великим княжеством Литовским и Русским. Ее итогом становится экономическое разорение края. В 1389 г. Галицкая Русь была окончательно присоединена к Польше, Волынь досталась литовским князьям. В 30-е годы XIV столетия в состав татаро-монгольского государства Золотой Орды включена центральная лесостепная часть Пруто-Днестровского междуречья. Северный берег Черного моря попал под контроль монголов раньше - во второй половине XIII в.¹⁹ Таким образом, к концу XIV в. Галицко-Волынская Русь утратила свою государственность, а ее земли были присоединены к Польше, Литве и Золотой Орде. Другая область, населенная предками нынешних русинов, - Угорская Русь оказалась в XIII в. в составе Венгерского королевства. Процесс вхождения вышеперечисленных территорий в состав других государств был весьма длительным, наталкивался на сильное сопротивление местного населения. В современной историографии борьба населения Западной Руси против иноземных захватчиков должного освещения до сих пор не получила. Труды дореволюционных историков после 1917 г. были преданы забвению²⁰. Наработки советских историков, например, В.Т. Пашуто с его классическими монографиями «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (Москва, 1950) и «Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век)» (Москва, 1956) и т.д., в силу политических причин тоже в целом оказались невостребованными.

В XIV в. началась волошская колонизация (которую правильнее было бы назвать волошко-русинской) восточных и северных склонов Карпат. В ней приняли участие и русины Семиградской Руси. Вместе с волохами и семиградскими русинами русины Пруто-Днестровского междуречья создают православное Молдавское княжество (1359). Его образова-

Польское государство во второй половине XIV в.

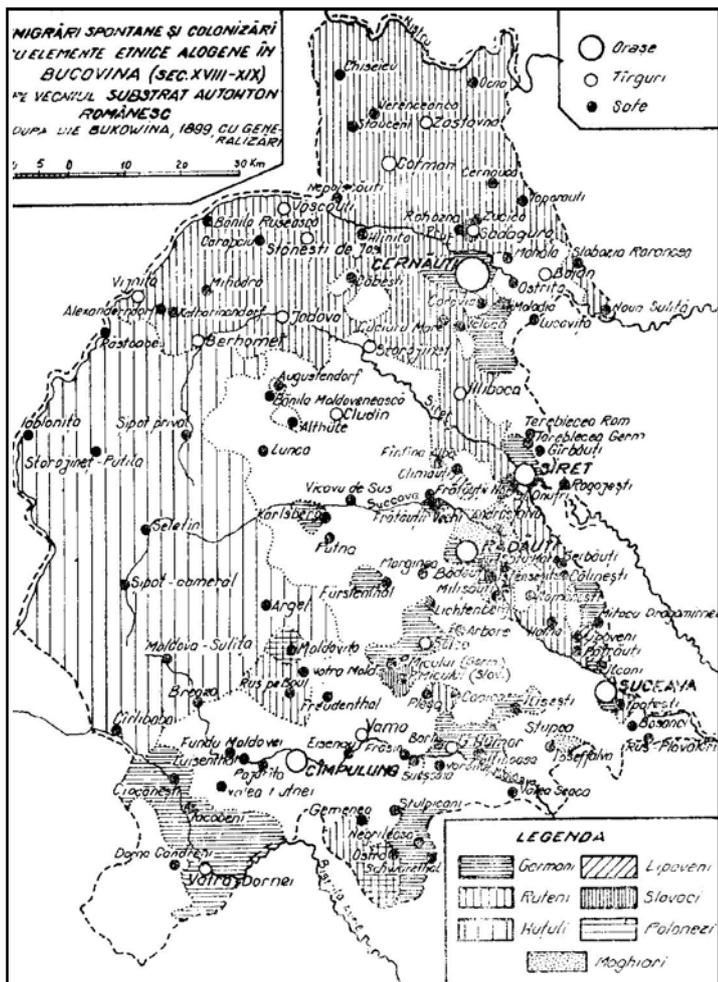
1 - общая граница земель Польской короны около 1370 г.; 2 - границы вассальных княжеств и временно зависимых земель; 3 - границы польских земель, находившихся к 1370 г. под властью Священной Римской империи и Тевтонского ордена; 4 - границы земель; 5 - собственно польские земли в составе Польского королевства; 6 - вассальное княжество Мазовия; 7 - польские земли, захваченные Священной Римской империей и Тевтонским орденом в первой половине XIV в.; 8 - земли Галицко-Волынской Руси, захваченные Казимиром III в 1340-1349 гг.; 9 - дата присоединения к Польше; 10 - дата утраты Польшей.

Источник: История Польши. Т.1. Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. Москва, 1954.

нию предшествовали победы литовско-русских князей над татарами и распространение власти литовских князей до Черного моря и правого берега Днестра. Образование Молдавского княжества произошло в период усиления агрессии против Западной Руси, что позволило местному населению избежать прессинга католицизма. Воеводы начального периода молдавской истории Богдан I Основатель (1359-1365), Лацко (1365-1374) были русинами по происхождению²¹. Русины присутствовали в составе правящих кругов на протяжении всей истории княжества, русский язык того времени до конца XVII в. был официальным языком. В XIV в. русины составляли 40% населения Молдавского княжества и оказали огромное влияние на основы молдавской государственности, материальную и духовную культуру молдаван. Многие города Карпато-Днестровских земель конца XIV - начала XV в., вошедшие в состав Молдавского княжества, перечислены в Новгородской и Воскресенской летописях как русские. Среди них Белгород, Сочява, Серет, Бая, Ясский торг, Романов торг, Хотин и т.д.²² Современный румынский город Галац на Нижнем Дунае - в прошлом русский Галич²³. В средние века в Молдавском княжестве русины проживали компактно, населяя в основном его северные и северо-восточные земли. Значительная часть из них так и не была ассимилирована. Таким образом, Молдавское княжество с самого начала было волошско-русинским государством. Его создание - первая после раздела Галицкой Руси удавшаяся попытка образования государственности у русинов.

В конце XIV в. началась инкорпорация Великого княжества Литовского и Русского в Польское королевство, которая завершилась объединением Польши и Литвы в Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.) и принятием религиозной унии в Бресте (1596). Стремясь укрепить свою власть в русских землях, польские и венгерские короли добивались ослабления православной церкви. Молдавское государство оказывало помощь русинам, находившимся под властью католических государств. Она проявлялась не только в совместных действиях против мадьяров и поляков²⁴. Молдавия помогала сохранять православие на землях, вошедших в состав католических держав²⁵. В конце XVI в., после введения Брес-

тской унии, сохраняется духовно-каноническая связь галицкого и закарпатского духовенства с Молдавской православной церковью²⁶. Многие православные иерархи Галицкой православной кафедры и Мукачевской епархии отправлялись на посвящение в Молдавию. Последним православным архиереем всей Карпатской Руси (Мукачева и Марамороша) был епископ Досифей, принявший хиротонию в 1717 г. в Молдавской церкви. Подписи на сохранившихся письмах владыки свидетельствуют о его местопребывании и юрисдикции: «Милостию Божию Архиепископ православный Дософей

Источник: Iacobescu M. Din istoria Bucovinei. Vucirești, 1993. Румынский историк указывает районы компактного проживания немцев, румынов, гуцулов, липован (русских старообрядцев), словаков, поляков, венгров в Австрийской Буковине в XVIII-XIX вв. Но нельзя согласиться с утверждением ученого, что русины, которых он подразделяет на рутенгов и гуцулов, некоренное население.

Марамороский. Администратор Метрополии Молдавской...»²⁷. Испытывая жесткий прессинг католических властей, православие в Галицкой и Угорской Руси постепенно угасало. Православных священников становилось все меньше, новых иереев некому было рукополагать, так как границы Молдавии для русинов были закрыты, чтобы никто из них не смог получить хиротонию у православного епископа в Сучаве или Яссах²⁸.

В XVI вв. Молдавское княжество стало данником Оттоманской Порты. Под османское иго после Мохачской битвы (1526) попала большая часть Венгерского королевства. После австро-турецкой войны (1683-1699) и подавления восстания Ференца Ракоци II (1703-1711) вся Венгрия оказалась под властью Австрии.

После разделов Польши Австрия получила Восточную (1772) и Западную Галичину (1814-1815). Новое административное объединение было официально названо «Королевство Галиция и Лодомерия вместе с Великим княжеством Краковом и княжествами Освенцимом и Затором». В 1774 г. Австрия оккупировала северную часть Молдавского княжества (большую часть Буковины), а два года спустя по договору с Турцией присоединила эту территорию к своим владениям.

Русины в Австрии не имели своей административной единицы и жили в составе этнически смешанных территориальных единиц. Включение населенных русинами территорий в состав Австрийской империи поставило под угрозу этнокультурную идентичность русинов. Русинская народность стояла накануне полной потери своего национального обличья²⁹. Русинское (русское, руськое, руское) население составляли «хлоп да поп». Большая часть духовенства находилось на низком культурном уровне и была ополячена, орумынена, омадьярена. Дворянство в силу политических причин в массе своей отказалось от своей этнокультурной идентичности еще раньше. Австрийское правительство оказалось неспособным прийти на помощь местному населению, которого оно притом совершенно не знало, опасаясь только его родства с русским народом, отмечал российский дореволюционный исследователь К. Арабажин³⁰.

Некоторые территории бывшего Галицко-Волынского княжества отошли к России. Часть Молдавского княжества - территория Пруто-Днестровского междуречья (Бессарабия) – вошла в состав Российской империи в 1812 г. в результате русско-турецких войн. В 1793-1795 гг. в составе Российской империи оказались Волынь и Восточное Подолье. Холмская (Забужная) Русь хотя тоже отошла к России, административно находилась в Царстве Польском, и местное население продолжало испытывать национально-религиозный гнет. Вопрос о выделении Холмско-Подляшского края (Люблинской и Седлецкой губерний) от собственно польских областей до первой мировой войны так и не решился.

(Продолжение в № 3)

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. Учебник для вузов. Москва, 2005. С. 13; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. Москва, 2005. С. 11; История России. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. Под редакцией член.-корр. РАН А.Н. Сахарова. Москва, 2005. С. 23.
2. См.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. С. 11-12; История России. Т. 1. С. 24-27.
3. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. Москва-Ленинград, 1962. С. 60.
4. История России. Т. 1. С. 33.
5. См. подробнее: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 19-35.
6. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва, 2000. С. 151.
7. Там же. С. 173.
8. Там же. С.171.
9. Повесть временных лет // Повести Древней Руси XI-XII века. Ленинград, 1983. С. 35.
10. Рыбаков Б.А. Уличи (Историко-географические заметки) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXXV. Москва-Ленинград, 1950. С. 4.
11. Автор сознательно избегает употребление термина «древнерусская народность», который был введен в оборот советскими

историками по идеологическим мотивам. Еще в 1950 г., «для того чтобы устранить возможность смешения понятий «народность» по отношению к великорусской, украинской и белорусской народностям XIV-XVI вв. и «народности» русской IX-XI вв., В. В. Мавродин предлагает «признать правомерным вслед терминам «древнерусский язык», «древнерусская литература», «древнерусское искусство» и термин «древнерусская народность» (*Советская историография Киевской Руси. Ленинград, 1978. С. 38.*). Термин «Киевская Русь» был взят советскими историками «как условное обозначение Древнерусского государства вначале с реальной столицей Киевом, а в период феодальной раздробленности – с Киевом как символом «исторического и общерусского единства». Он рассматривался как эквивалент понятий «Древняя Русь», «Древнерусское государство» (*Там же. С. 11*). К сожалению, понятия «Русь», «Русская земля» до сих пор связывают только с Древнерусской государственностью. Как и прежде, не упоминается существование в других районах Европы территорий с именем «Русь». Исследователи продолжают отбрасывать все, что не вписывается в традиционную версию изложения исторических событий. «Забыто», что существовало четыре Руси в Прибалтике (остров Рюген и прилегающая часть континента, устье Немана, устье Западной Двины, западные области Эстонии – провинции Роталия и Вик), Дунайская Русь, королевство Ругиланд (по немецким источникам) на территории Нижней Австрии и Верхнего Норика. Позднее (в X-XIII вв.) на месте Ругиланда упоминается «Ругия» или «Русь», «Рутенская марка». Игнорируется, что на землях лужицких сербов в Тюрингии до 1920 г. существовало два русских княжества «Русь» и «Русская земля» (Reuss и Reussland) (*Введение христианства на Руси. Москва, 1987. С. 43-45*). В русских летописях писалось: «Сватоплуг, моравский кроль... в то время держал Русские земли» (*ПСРЛ. Т. 22. Ч.2. Петроград, 1914. С. 255*). В состав Великой Моравии входили Паннония и Норик. Сопоставление накопленных сведений приблизили бы нас к разгадке многих «белых пятен» ранней истории славян, формирования русской народности и происхождения самого названия «Русь».

12. См.: Московский Летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. Москва- Ленинград, 1949. С. 344-345; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград, 1950. С. 176.

13. Никитин Афанасий. Хождение за три моря // История отечества в романах, повестях, документах. Век XV-XVI. Москва, 1987. С. 451. О древнем происхождении слова «русин» и его сохранении не только в Юго-Западной, но и в Северо-Восточной Руси писал

профессор Г. Геровский (1886-1959). См.: Геровский Г. О слове «русин» // Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 190-192.

14. Нам кажется, что полемика по вопросам, все ли земли восточных славян входили в состав Древнерусского государства и на какой период, в данном случае не имеет принципиального значения и служит сиюминутным политическим задачам: жители окраинных территорий осознавали себя русскими, и их историческая, культурная, религиозная принадлежность к русскому миру не вызывает сомнений. Представители этих областей на протяжении всей истории, несмотря на проживание вне русской государственности, вносили свой вклад в общерусскую историю и культуру. К примеру, население легендарного Берладского княжества, находившегося на территории Добружи (ныне – юго-восток Румынии), активно участвовало в общерусских делах. Так называемые выгонцы галицкие сражались в битве на Калке (1223) (*Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Приложения. Продолжение Суздальской летописи по академическому списку. Ленинград, 1928. С. 506*).

15. Дулебов во второй половине VI в. «примучили» авары, вынудив часть племени присоединиться к ним и переселиться в верховья Тисы. См.: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С.39, 59.

16. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. Москва, 2004. С. 339.

17. Нидерле Л. Славянские древности. Москва, 2001. С.172-173.

18. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 1. Сочинения. Т. 1. Москва, 1956. С. 284.

19. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 52, 54.

20. Зубрицкий Д. История древнего Галицко-русского княжества. Львов, 1852-1855; Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873; Филевич И. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-володимирское наследие. Санкт-Петербург, 1890, и т.д.

21. Румынский историк Николае Йорга считал, что преждевременная смерть Лацко помешала основать русскую династию в Молдавии. См.: Iorga Nicolae. Histoire des relations russo-roumaines // Histoires des relations roumaines. Anthologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Bucarest, 1995. P. 358.

22. См. подробнее: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. С. 69-81.

23. Казанский П.Е. Современное положение Червонной Руси // «Украинская» болезнь русской нации. Москва, 2004. С. 509.

24. Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь (Историко-этнографический очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXIX. 1875. Июнь. С. 386-390.

25. О дарении Креста Соборной церкви Рождества Святого Иоанна Крестителя в Перемышле воеводой молдавским Алексан-

дром в 1557 г. см.: Добрянский А. Ведомость историческая о месте Перемышли // Лірвак з-над Сяну. Перемиські друки середини ХІХ століття. Перемишль, 2001. С. 252. О немалых пожертвованиях молдавских государей галицким церквям см.: Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь. С. 391-392.

26. Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь. С. 391-392; Гавриил (Кризина), игумен. Православная Церковь в Закарпатье (век ХХ). Киев, 1999. С.13.

27. Гавриил (Кризина), игумен. Православная Церковь в Закарпатье (век ХХ). С. 18.

28. Там же. С. 20.

29. Немного о терминологии. О том, что **Галиция** скорее немецкое или польское название, писал в 1916 г. профессор П.Е. Казанский. По-русски ее надо называть **Галичина** (*Казанский П.Е. Современное положение Червонной Руси. С. 506*). Как обоснованно заметила современная российская исследовательница Н. М. Пашаева, термин **Галичина** с ударением на последнем слоге, а не **Восточная Галиция** принят в исторической литературе и наиболее полно отражает понятие. Им обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне находятся в составе Западной Украины - Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области - а также Польши - Лемковщина с ее Перемышлем. Термины **Западная Украина** для обозначения Галиции и **украинцы** для галичан появились лишь со второй половины ХІХ в., когда в национально-освободительном движении края произошел раскол, породивший антагонизм русских галичан и галичан украинцев. Термин **украинец** носил тогда не этнический, а скорее национально-политический характер (*Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине ХІХ-ХХ вв. Москва, 2002. С.5*). **Русин** (нем. **russin**) в единственном числе, во множественном - **русский** - самоназвание населения Галичины, Угорской Руси и Буковины. В свою очередь русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: **бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне** и другие. **Рутены** - средневековое латинское название русских. Этот термин употреблялся преимущественно поляками и немцами (нем. **rutnenen**) (*Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. Санкт-Петербург, 1899. С. 296-297*).

30. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Москва, 1996. С.207.

31. Арабажин К. Галицко-русское литературно-общественное движение // Брокгауз Ф. А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. VII А. Санкт-Петербург, 1892. С. 914.

Всеволод МЕРКУЛОВ

Историческое единство Руси

По историческим источникам с глубокой древности известно огромное количество упоминаний и свидетельств о Руси. Все они столь же разнообразны, сколь и многочисленны. В то же время этот документальный материал осмыслен далеко не в полной мере (многие ценные источники даже не переведены на русский язык). Иной раз кажется, что официальная историография боится вводить в научный оборот новые документы, предпочитая тиражировать устоявшиеся исторические схемы. Боится она, видимо, и новых постановок проблем, способных изменить существующий взгляд на события прошлого. В этом заключается главная причина того, что первостепенная для отечественной истории проблема - проблема начала и становления Руси - так же далека от своего решения, как и три столетия назад, когда она была впервые поставлена в науку. В итоге, исторические оценки принципиально не меняются веками, а заблуждения все больше укореняются в сознании людей.

Пренебрежение научными проблемами тем временем привело не только к забвению родной истории, но и стало одним из тех трагических факторов, которые подвели русскую нацию к критической черте самоуничтожения. «Остановить депопуляцию народа, - пишет И.В. Власова, - можно только тогда, когда в первую очередь в мышлении народа проявится новое самосознание, произойдет восстановление «украденной памяти» и «государственного инстинкта» в его историческом, географическом, психологическом аспектах, характерного для народа на протяжении тысячелетия, в течение которого были хозяйственно освоены 21 млн кв. км земель и создано государство»¹. И ключевым моментом нового самосознания должно стать осмысление единства русского народа, возможное на богатом историческом материале. Вопреки целенаправленной политике, стремящейся к разобщению русских, история показывает нам обратные примеры.

Средневековые европейские авторы переводили названия «Русь», «Россия» то как «Ройсен» (Reussen), то как «Руссия», «Ругия» или «Рутения». По наблюдениям М.Н. Тихомирова, в собственно русских источниках формы «Росия» и «Россия» появляются с XV века, постепенно утверждаясь в следующем столетии². Византийские авторы называли русов «росами», и позднее имя Россия укрепилось вместе с преемственностью Восточной Римской империи. Однако академик О.Н. Трубачёв указывал на то, что греческое написание можно интерпретировать и как Руссия³.

Существует мнение, что первоначальное родовое имя древних русов звучало «рузи» или «ружи». При этом представляется логичным, что мягкий звук «с» появился под влиянием славянских языков, а исконный «русский» вариант звучал приблизительно как «Ружь» или «Рузь». Русы начали контактировать со славяноязычным населением на Балтике не ранее VI-VII веков. До этого времени (да и после, в неславянских источниках) русов называли *rugi* и *ruteni* (*rutini*). А.В. Назаренко в свое время проанализировал группу из пяти этноконов, оканчивающихся на - *gozi* из «Баварского географа» и признал, что *Ruzzi* - это «одно из древнейших упоминаний имени «русь»⁴. Получается, что руги - это название русов в германских языках, где слог «gi» традиционно заменяет произносимое сочетание «жи». Отсюда также вендское название острова *Rujan* (нем. Рюген), то есть «Ружан».

Рутены (*rutini*, *ruteni*, *rutheni*) - латинизированный вариант написания имени русов, употребляемый через слог «ti» (*te*, *the*), читаемый как «ци». Это название является самым близким латинским искажением имени «русины» (*ruszeni*), которое доносят до нас летописи и «Русская Правда». По сей день на Западе карпатских русинов называют рутенами, а Карпатскую Русь - Рутенией. Но почему же переводчики с латыни (или с языков, подвергшихся ее влиянию) всегда пишут именно «рутены», а не «русы» (русины), то есть не переводят правильно? Мы же не оставляем неизменным немецкое *Deutsch* при переводе на русский и не пишем «народ дойч», а переводим это слово как «немцы», «немецкий народ». Также *Deutschland* не переводится как «страна дойч», а только Германия.

И перед нами вовсе не праздный вопрос - мол, каждый пишет так, как ему больше нравится. Ругов или рутенов никогда не существовало! Эти названия должны правильно переводиться на современный русский язык как «русы». Приведенные лингвистические факты свидетельствуют о том, что германские и латинские хронисты воспринимали на слух имя «русы» (рузи, ружи) и «русины», записывая его в соответствии с грамматическими правилами своего языка, то есть «руги» или «рутены».

В противном случае получается полный абсурд. Известный исследователь балтийских древностей А. Гильфердинг считал ругов германцами, а русов - славянами⁵. Ему вторил другой не менее именитый ученый Г. Ловмянский, который также полагал, что русы не были изначально идентичны ругам, и отождествление произошло будто бы позднее в славянских пределах, в Киеве, но не в славянской среде. Имя *Ruthenia*, по его мнению, также появилось в восточнославянской среде⁶. Не ясно только, как латинское название могло возникнуть у славяноязычных?!

Но зачастую под прикрытием «научной» путаницы скрывались конкретные политические замыслы, как это было, например, в трагические времена геноцида карпатских русинов австро-венгерскими властями. Тогда была выдвинута «теория», что русские в Закарпатье - это не русские, а некий другой народ - «рутены». При этом правительство Австро-Венгрии преследовало цель разобщить русский народ и лишить Российскую империю верного союзника в лице карпатских русинов. Итог этой псевдонаучной фальсификации хорошо известен - десятки тысяч русских мучеников в Талергофе и Терезине⁷.

Достаточно давно существует точка зрения, что Ругией, Русией или Росией называли только Киевскую Русь⁸. Стронники данной версии приводят в доказательство тот факт, что в хрониках княгиню Ольгу называли «*regina Rugorum*», то есть королева ругов. Позднее Даниил Галицкий в договоре с Тевтонским орденом был назван «*primus rex Ruthenorum*». И так далее. Но эти факты скорее доказывают, что и русы, и руги, и рутены - это вариации названия одного народа. А шла ли речь о Киевской Руси или о какой-

либо другой Русской земле, в данном случае не столь важно. Профессор А.Г. Кузьмин первым осмыслил этимологическое родство имени «Русь» и производных от него (руги, роги, рузы, руцы, рутены), сделав вывод, что русы разных областей Европы оказываются родственниками. А название зависело от диалектических различий, появившихся в результате длительного изолированного друг от друга проживания⁹.

Отметим, что в исторической литературе существует также широко распространенное заблуждение рассматривать географическое название Русь (или понимать Русь только как географическое название) без связи с родовым именем¹⁰. «Русью» летописи называли и народ, и государство; в каком смысле было употреблено это слово, в каждом конкретном случае можно определить только из контекста. «Род русский» полностью отождествлялся с Русским государством, Русью.

Другое заблуждение, известное в историографии, - это оригинальная гипотеза о Руси как о профессионально-социальном термине. С.А. Гринёв полагал, что русы были военноконным сословием славян. Он считал, что само название Русь дали этим всадникам готы, немного исказив слово «конь». Отсюда произошли наименования «Russ», «Reuter» и позднее «Ritter»¹¹. Немногим позднее профессор В.А. Брим озвучивал подобную версию с норманистской расстановкой акцентов. Он считал, что слово «Русь» скандинавское и в переводе обозначает «дружина»¹². Но ни в первом, ни во втором случае такая трактовка ничего не проясняет, хотя уже давно подмечено, что термин «Русь» близок по значению к военной тематике. Если согласиться, что в этимологической основе названия Русь лежит воинская терминология и оно близко к обозначениям различных оттенков красного цвета (традиционного для воинства), то почему оно не могло обозначать воинственный род, претендовавший на власть и могущество. Алые паруса кораблей, красные плащи и щиты, дорогие мечи - отличительные признаки внешнего облика русов, которые неоднократно упоминаются в источниках, указывая на знатность и воинственность рода.

Название Русь известно по всей Европе. Традиционно «русскими» считались южнобалтийские земли, остров Рюген и часть Поморья. «Русская земля» (Ругиланд) существовала на

Дунае во время Великого переселения народов, ее связывают с государством короля Одоакра, свергнувшего последнего римского императора. В.Н. Татищев приводил сообщение Птоломея, который располагал «рутен» во Франции (провинция Руверже) и называл их столицей город Руезиум. В Восточной Европе имя «Русь», помимо Поднепровья, было известно в Прикарпатье, Приазовье и Прикаспии. Область «Рузика» входила в состав Вандальского королевства в Северной Африке.

Но все же русской «прародиной» была Южная Прибалтика, где исторические источники называли четыре географических центра Руси. Их условно определил А.Г. Кузьмин¹³. Во-первых, имеется в виду варяжская Русь, располагавшаяся в Мекленбургской области, откуда, по летописной легенде, был призван князь Рюрик с братьями. Это были земли «вандалов», в которых правила «русская» династия. Во-вторых, «руским» в науке традиционно считался остров Рюген с примыкающим к нему побережьем. В-третьих, провинция Роталия и Вик с островами Эзель и Даго были «рускими». И, наконец, в-четвертых, выделяется «Русь» в устье Немана и Западной Двины. Некоторые авторы также выводили отсюда Рюрика.

Однако очевидно, что перечисленные центры были в определенной степени независимы друг от друга. Вполне вероятно, что они возникали и переживали расцвет не в одно время. При том, что легенда об общем происхождении бытовала у всех северных народов.

Римский историк Тацит писал: «В древних песнопениях, - а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, - они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн - прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине - гермионами, все прочие - стевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсы, гамбриины, свебы и вандилии, и что эти имена подлинны и древние»¹⁴.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что Тацит пишет о «германцах»; он причислял к последним все народы, «которые сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими», в том числе венедов¹⁵. Вандалы, с которыми венеды были в близком родстве (или оба названия вообще относились к одной группе народов) также традиционно считаются «германцами» (разумеется, не в смысле современных немцев или их предков!). Иной смысл вкладывал в название и сам Тацит, для которого «германцы» - это родственники, родственные народы (от латинского *germanus* - родной). И только в этом значении отнесение вендо-вандальской группы народов к «германцам» может считаться оправданным.

Наиболее ранние сведения о происхождении народов, племен и отдельных родов содержались в эпосе, этногенетических преданиях, мифах. Начиная со средневековья, авторы исходили из библейской легенды о происхождении народов. По «Повести временных лет», варяги, свеи (шведы), мурмане (норвежцы), готы, русь, агляне (англы), фризы, венеды и некоторые другие происходили от колена Иафета¹⁶. Летописец указывает как раз на «германское» родство, перечисляя именно те народы, которые составляли основу северной антропологической группы, ареал которой охватывал побережье Северного и Балтийского морей.

По генеалогическим источникам, собственно «русский» вопрос проистекал из вандальских древностей. Но в современной науке проблема вандалов ставится скорее в области истории древнего мира и средних веков, что логично при отношении к вандалам как к «варварам-германцам», участвовавшим в разрушении Римской империи. При этом определенная подмена все же происходит, в том смысле, что в науке «варварские» народы традиционно считаются предками современных германоязычных народов.

В то же время наши сведения о вандалах очень скудны. Имя вандалов-силингов сохранилось в названии Силезия (немецкое название - Шлезвиг). Горный массив, разделяющий Силезию и Богемию, носил название «вандальских гор». Судя по всему, вандальский род силингов остался на Балтике, когда во второй половине II в. н.э. вандалы-асдинги начали движение с берегов Одера на юг. Они приняли участие в марко-

манской войне, и в 174 г. император Марк Аврелий отвел асдингам земли в Дакии.

Позднее вандалы приняли решительное участие в войнах с Римом в 70-х г. III в. в Подунавье, хотя ранее лишь эпизодически участвовали в военных конфликтах. Летом 270 г. вандалы и сарматы вторглись в пределы Римской империи, но потерпели поражение от армии Аврелиана. Согласно мирному договору, вандалы обязались поставить для римского войска две тысячи всадников и выдать заложников из самых знатных родов¹⁷.

В IV в. вандалы были разбиты готами и вытеснены из Дакии. При этом в битве пал король асдингов Визимар, с которым связывают основание города Висмар на мекленбургском побережье Балтики. На протяжении всего Великого переселения народов вандалы и русы вели кровопролитные войны с готами. По легенде, вандалы вели свое происхождение от мифического короля Антура I, который был женат на богине Сиве. Позднее Сиву как покровительницу плодородия и жизни особенно почитали варяги, ее главное святилище находилось в Ратцебурге в Вагрии.

В 1521 г. Николай Маршалк опубликовал свою знаменитую генеалогию мекленбургского правящего дома, которая восходила к III в. до н.э., к первому вандальскому королю Антуру. Маршалк свидетельствовал, что в XV-XVI вв. в некоторых местностях Мекленбурга еще сохранялись вандальские обычаи, которые иначе назывались вендскими¹⁸. Впоследствии его данные подтверждал советник мекленбургского герцога Иоанна Альберта I (1555-1591) Андреас Мюлий, который считался последователем Маршалка¹⁹. А немногим позже - ректор Бернхард Латом²⁰.

Себастьян Мюнстер в своей «Космографии» 1588 г. говорил, что население Мекленбургского герцогства составляли венды, вандалы, герулы и ободриты²¹. Королем вандалов на Балтике был Вислав, который считался прямым предком Радегаста, последнего короля вандалов и основателя династии королей вендов и ободритов. В.Н. Татищев понимал его как Вышеслав или Вечеслав²².

Интересно, что по некоторым родословиям братом Вислава был легендарный «король герулов и ругов» Одоакр, низ-

ложивший императора Ромула Августула. Иероним Хеннинг полностью отождествлял генеалогии ругов и герулов, возводя их к Одоакру²³. Другие авторы вели род Одоакра от вождя гуннов Аттилы. Кстати, имя Вислав встречается в вендо-ободритских генеалогических таблицах вплоть до 1325 г. Последний князь Вислав был единственным известным в Северной Германии миннезингером, с его смертью прервалась древняя правящая династия на острове Рюген, который отныне вошел в состав Померанского герцогства.

Остров Рюген занимал особое место на Балтике. Вне сомнения, это был значительнейший религиозный и политический центр, о котором сохранилось множество свидетельств. Известность острова была столь велика, что о языческом святилище на рюгенском мысе Аркона писали даже арабские авторы: «У них [русоволосых варваров] есть храм на высокой горе. Он очень удивителен своей постройкой, кладкой, разнообразием красок, помещенными в нем драгоценными камнями и изображениями восходов солнца, устроенными в окнах, сделанных в этом храме»²⁴. После этого по тексту списка следует описание страны Варанк (Вагрии?), близкой по своему географическому расположению к острову Рюген.

Отдельное значение может иметь изучение Руси на юго-восточном побережье Балтики. На нее обращали внимание многие хронисты и историки. У Адама Бременского Пруссия граничит с Руссией, те же данные находим у Титмара Мерзебургского. Пётр Дюсбургский (XIV в.) помещал в устье Немана страну Руссию. В Житии св. Ромуальда устье Немана также названо Руссией, а король этой области - Нетимер - королем русов. О том, что даже в XVI в. неманская область называлась Русью, свидетельствует приписка к Житию св. Антония Сийского. Эти источники приводил Н.М. Костомаров, также обращая внимание на то, что «варяжские» имена из договоров Руси с греками близки к литовским²⁵.

О Карпатской Руси интересные сведения сообщает польский хронист Матвей Меховский. В 1517 г. он опубликовал в Кракове «Трактат о двух Сарматиях», где подробно описывал земли, населенные русским народом: «Ограничена Руссия - с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, кото-

рую жители называют Днестром (Niestr); с востока - Танаисом, Меотидами и Таврическим островом; с севера - Литвой, с запада - Польшей. ...У Сарматских гор живет народ русский (Ruthenorum), во главе которого стоят знатные люди из поляков... Столица Рутении - укрепленный город Львов с двумя замками - верхним и нижним»²⁶.

По сей день два народа - великорусы и русины (значительно удаленные географически друг от друга) - именуют себя «русскими», на основании чего можно предположить, что общее самоназвание уходит корнями в глубокую древность. Русинская проблема сегодня приобретает острую политическую актуальность, главным образом, на Украине, которая не желает признавать русинскую идентичность.

Матвей Меховский продолжает, указывая на земли, откуда происходили русины: «[Рассказ о немецком завоевании винделиков (вандалов, - В.М.) в Поморье] Тем не менее, до сего дня винделики и славы остаются в тех местах около Любека, Ростока, Мисны, но не в городах, а в селах и деревнях, особенно те, что называются сарбы и винды. Остаются еще и старые имена поляков и винделиков в названиях мест, замков и городов: ведь и Любек, и Росток, и Мекельсбург (Мекленбург, - В.М.) - имена польские»²⁷.

Вне сомнения, Меховский использовал уникальные источники и наблюдения, что делает его сочинение особенно актуальным. Он выдвигал цельную гипотезу о вандалах, которые, по его мнению, вместе с другими родственными племенами произошли из Польши²⁸. Понятно, что в своем сочинении он слишком превозносил поляков, сам будучи представителем этого народа.

Генеалогическая традиция, восходившая к вендо-вандальской древности, нашла яркое выражение в исторической литературе. Но сегодня эта традиция оправдана не только с точки зрения культурного наследия, но и с позиций современной науки. Изучение вендо-вандальской группы на южном побережье Балтийского моря может дать богатый материал для существенного пересмотра устаревших научных положений. Ни венды, ни вандалы не были «славянского» происхождения (антропологически установлена их близость к северной расово-культурной группе), что также позволяет

иначе взглянуть на проблему так называемых «балтийских» или «полабских славян» в свете их контактов с древними русами. Западные «славяне» обнаруживают значительно меньше славянского культурного компонента, нежели восточные и, тем более, южные славяне. Эти данные, конечно, могут свидетельствовать только о кризисе теории «славянской общности» и необходимости ее существенной корректировки. Однако отдельной проблемой остается соотношение вендов-вандалов с «германцами». Принципы господствующей в современной науке методологии, различающей народы по культурно-языковым, а не по культурно-антропологическим признакам, пока не позволяют приблизиться к решению этих важных вопросов. Хотя очевидно, что в этнической истории культурный и языковой факторы явно вторичны по отношению к антропологическому происхождению. Как очевидно и историческое единство «рода Русского», прославленного на протяжении многих веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова И.В. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е годы / Русские. Москва, 1997. С. 140.
2. Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 94.
3. Трубачёв О.Н. Русский – российский. История двух атрибутов нации // Рязанский ежегодник. 2000. С. 36.
4. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. Москва, 1993. С. 26-31, 41.
5. Гильфердинг А. История балтийских славян. Москва, 1994. С. 34.
6. Ловмянский Г. Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 47, 51.
7. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф. Москва, 2001.
8. См. например: Кур А.А. Из истинной истории наших предков // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 237.
9. Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. Москва, 1988. С. 137-138.
10. Алейников В.Е. Исторические регионы Руси. Новая концепция. Минск, 1994. С. 38-58.

11. Гринёв С.А. Была ли конница у древних руссов? Киев, 1895. С. 10, 16.
12. Брим В.А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Исторический сборник. 1923. № 1. С. 5-10.
13. Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? Москва, 1993. С.4.
14. Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. Санкт-Петербург, 1993. С. 338.
15. Там же. С. 355-356.
16. Новгородская IV летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Москва, 2000. С. 2.
17. Подробнее см.: Ременников А. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х годах III в. н.э. // АН СССР. Отделение истории. Античное общество (труды, конференции по изучению проблем античности). Москва, 1967.
18. Lisch G.C.F. Jahrbucher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Schwerin, 1848. S. 3.
19. Mylius A. Chronica von der ersten Ankunfft der Hertzoge zu Mecklenburg. Lipsiae, 1600.
20. Latomus B. Genealochronicon Megapolitanum d.i. eine Historische Beschreibung der Stamm bäume u. Blutverwandtnisse aller Meckl. Könige, Herzöge, Fürsten u. Herren auch Frauen u. Fräulein, auch aller Affinitäten oder Schwägerschaften. 1610.
21. Sebastian Münster. Cosmographie. Basel, 1556.
22. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч.1. Санкт-Петербург, 1768. С. 16.
23. Henninges M.H. Theatrum genealogicum. — Magdeburg, 1598. Т. 4. S. 957.
24. Абд ар-Рашшид ал-Бакуви. Китаб тахлис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар. Москва, 1971. С.108. Сам источник восходит к концу XIV в., список - к XV в., но речь идет о событиях не ранее конца XI века. Автор благодарит за указание на этот источник Е.С. Галкину.
25. Костомаров Н. Русская республика. Москва, 1994. С. 19-20.
26. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Москва-Ленинград, 1936. С. 95.
27. Там же. С. 75.
28. Там же. С. 78.

Василь ЯБУР, Анна ПЛИШКОВА

Академик Н. И. Толстой о русинском языке

Ликвидация централизованной коммунистической власти в конце 80-х и в начале 90-х гг. принесла возможность возрождения русинской национальности в Центральной и Восточной Европе. Одним из основных требований русинских организаций было убедительное требование иметь свой кодифицированный литературный язык, сформированный на основе русинских говоров, которым бы русины могли пользоваться как материнским литературным языком в прессе, в книжных публикациях, на радио, телевидении, в культурных организациях, а главным образом в школах всех типов. Из этого видно, что возобновление постановки языкового вопроса среди русинов находится опять в центре внимания во всех тех европейских государствах, где проживают русины. Без решения проблемы литературного нормативного языка трудно решать проблемы культуры, школ и т. п. На основании таких воззваний появляются первые попытки отдельных авторов и авторских коллективов составить орфографические нормы, формообразовательные нормы и т. д. Первый международный семинар о проблематике русинского языка в 1992 г.¹ рекомендовал принять так называемую романшскую модель (модель романшев в Швейцарии) формирования русинского литературного языка на основе русинских говоров особо для каждой области (т. е. государства), где проживают русины. Из этого следовало, что в Украине, в Словакии и в Польше будут формироваться особые варианты русинского языка, которыми будут пользоваться русины в указанных областях. Одновременно начнется процесс формирования общерусинского литературного языка.

1. Vědecký seminář o kodifikaci rusinskeho jazyka. Slovanský přehled. Praha, 1993. S. 232.

В Словакии мы начали ускоренными темпами готовить такой вариант русинского языка на основе западноземплинского и восточноземплинского говоров. За два года интенсивной работы нам удалось подготовить к кодификации тот основной минимум, которого данный процесс требует. Торжественный акт кодификации русинского литературного языка в Словакии состоялся 27 января 1995 г. Он стал для многих актом неожиданным, но приятным, а для других наоборот. Информация о кодификации появилась не только в средствах массовой информации, но также во многих научных (главным образом славистических) журналах. Материалы этого торжественного акта и основные доклады из последовавшей за ним научной конференции были опубликованы в сборнике под названием «A new Slavic Language iz Born / Zrodil sa nový slovanský jazyk», который вышел под редакцией проф. П. Р. Магочи в 1996 г. Мы особо гордимся тем, что вступительное слово к этой публикации написал выдающийся славист и великий покровитель языка югославских русинов академик Никита Ильич Толстой. По техническим причинам мы в указанном сборнике не могли напечатать текст в оригинале. Он был опубликован в переводе на английский и словацкий языки. Поэтому с благодарностью пользуемся данной нам возможностью впервые представить здесь русский оригинал статьи Н.И. Толстого без дальнейших комментариев.

Литературный язык Подкарпатской Руси

Прошедший 27 января 1995 г. в Братиславе акт кодификации карпаторусинского литературного языка Восточной Словакии свидетельствует об исторически устойчивой тенденции разрешить литературно-языковую проблему Подкарпатской Руси, находящейся на периферии Восточной Славии и соприкасающейся с западнославянским (словацкий и польский) и неславянским (венгерский и румынский) этноязыковым миром.

Проблеме литературного языка Подкарпатской Руси уже более трех веков, если иметь в виду, что первые так называемые русинские тексты стали появляться в XVII в. Диалектная дробность, соседние культурно-языковые традиции, религиозный, социально-политический и прочие факторы существенно влияли здесь на пути выбора языка культуры – от церковнославянского в его великорусской и украинской редакциях и украинского и великорусского литературных языков до предложений и проектов литературного языка на местной диалектной основе. Если бы была написана полная история письменности и литературного языка на Подкарпатской Руси, то мы бы увидели, что этот регион Славии был своего рода испытательным полигоном в деле создания оптимального варианта литературного языка. Историческая память, говорящая о близком родстве Подкарпатской Руси с огромным украинским этноязыковым ареалом и о тесных его связях с великорусской культурно-языковой традицией (вспомним бытовавшие здесь традиции так называемых народовства и русо- или москвофильства), не позволила забыть о местной культурно-языковой традиции, известной под названием «русинизм». Сейчас мы являемся свидетелями того, что именно этот третий путь начинает принимать более или менее четкие очертания, результируясь в виде литературного языка, который будет обслуживать культурные нужды части населения Подкарпатской Руси. Возрождение русинской литературно-языковой и культурной идеи переживает сейчас Закарпатская Украина, а также лемковские регионы Польши. Что касается бачских русинов Югославии, то, как известно, у них прекрасно кодифицированный и хорошо развитый литературный язык, созданный в начале нашего века Гавриилом Костельником. Все это, а также усилия по созданию в последнее десятилетие западнополесского литературного языка в Белоруссии, попытки писать и печатать на славянских говорах польского и белорусского происхождения в Литве, мучительные поиски единых норм литературного языка кашубами Поморья и др. говорит о том, что литературно-языковой и культурный регионализм, расцвет которого наблюдался еще до второй мировой войны, отражает объективную потребность иметь, помимо общецетнической лите-

Василь ЯБУР, Анна ПЛИШКОВА,
Институт по изучению национальных культур
Пряшевского университета, Пряшев (Словакия)

Некоторые черты русинских говоров Словакии

В ноябре 1992 г. в курортном центре Бардеевске Купеле (Словакия) состоялся рабочий семинар небольшой группы ученых, писателей и журналистов из девяти стран мира, который поставил перед собой задачу координации современных тенденций образования стандартного русинского литературного языка. В резолюции семинара, состоящей из 12 пунктов, ее участники рекомендуют сначала формировать три варианта русинского языка для отдельных областей, на которых проживают русины, а литературный язык каждой области строить на основе самого распространенного диалекта.

Этот стандарт в Словакии начал отрабатываться на основе двух самых распространенных диалектов: западноземплинского и восточноземплинского, которым мы будем уделять основное внимание. Земплинские русинские говоры представляют собой переходные говоры от лемковских к среднекарпатским, с преобладающим количеством языковых явлений среднекарпатских говоров. В них отражены фонетические и морфологические явления, которые характерны:

- а) для всех говоров восточнославянской группы,
- б) для украинских (особенно западноукраинских) говоров,
- в) для карпаторусских (или русинских) говоров.

Мы не будем останавливаться на тех явлениях, которые являются общими с остальными восточнославянскими (главным образом, с украинскими говорами), а приступим к описанию лишь тех признаков, которые характерны для вышеупомянутых русинских говоров.

Фонетические признаки:

1. Сохранение различия между старыми Ъ и І, т. е. сохра-

нение древнерусского Ъ, напр.: бык, звык, мыти, пыск, рык и т. д. Этот гласный, соответствующий общеславянскому Ъ, в карпатских говорах заметно отличается от великорусского Ъ несколько пониженной артикуляцией. В большей части карпаторусинских говоров этот гласный заднего ряда, т. е. более задний, чем русское Ъ (мы его относим к заднему ряду и средневысокому подъему). Максимально четко произносится под ударением между твердыми согласными и особенно после заднеязычных к, г, г, х, которые способствуют его приближению к гортанному звуку. Особенно в этой позиции оно заметно отличается от русского Ъ, напр.: кый, кыснути, роки, гынути, загыбель, хыжа; жыто, пыск, сыпати, рыти, тыкати, вшытко и т. д.

В остальных позициях, т. е. перед мягкими согласными, его произношение продвигается немного вперед, но все-таки не совпадает с русским Ъ и никогда не сопровождается оттенком І или И, характерным для русского Ъ, напр.: гыря, міхырь, быля, дыня и т. д.

Фонема Ъ является весьма характерной для карпатских русинских говоров. Семичленная система гласных звуков русинских карпатских говоров отличается от шестичленной системы гласных украинского литературного языка как раз наличием фонемы Ъ.

Выступает она здесь в разных позициях:

а) на месте древнерусского Ъ, напр.: бык, кышка, рык, сын, жыти, хыжа и т. д.;

б) на месте Ъ, Ь в общеславянских сочетаниях ТРЪТ, ТРЬТ, ТЛЪТ, ТЛЬТ в слабой позиции, где Ъ может выступать перед и после плавного, напр.: блыха, гырміти, лыгати, дрыва, кыршити, кыртіця, слыза, стырчати, тырвати, тыркотайло, фыркати и т. п.;

в) на месте Ъ перед Й у имен прилагательных муж. р., напр.: білый, молодой, вовгкый, мокрый, чорный и т. п.;

г) на месте Ъ в конце приставок перед Й, напр.: выйти, зыйти, обыйти, надыйти и т. п.;

д) на месте напряженного древнерусского Ъ, восходящего к Ъ перед Й в сильной позиции, напр.: мый(те), вый(те), рый(те) и т. п.;

е) на месте И после Ж, Ш, напр.: жывы́й, жыла, жыти, шыти, шыро́кий, мышы, душы, хыжы и т. п.;

ж) на месте других гласных в ограниченном количестве слов, напр.: вывѣрка, гыря, мѣхырь, нырѣти, одты(ль), одкы(ль), шы́ршинь и т. п.;

з) на месте различных гласных в некоторых заимствованных словах, напр.: апатыка, гынглявы́й, дылі́, дышель, жыван, шы́пतालь, шына, машына и т. п.

2. Как уже было частично упомянуто в п. 1б, в древнерусском языке редуцированные гласные Ъ, Ь, находящиеся в положении после плавных согласных, в сильной позиции прояснялись в О и Е. В слабой позиции в русских наречиях изменились тоже в О, Е, в украинских в И, в белорусских в Ы, а в среднекарпатских русинских - тоже в Ы, напр.: блыха, слыза, дрыва, брыскати и т. д. В русинских говорах вокальный элемент на месте редуцированного гласного может выступать не только после плавного согласного, но и перед ним, что эти говоры до определенной степени сближает со словацкими, напр.: кырвавы́й (krvavý), гылтати (hltat'), дыргати, дырвити, тырвати, кыршити, кыртіця и т. д.

3. В преобладающем количестве слов сохраняется в исходе слова древнерусское мягкое Р' из РЬ, напр.: дротарь, колесарь, ременарь, облачарь, коминарь и т. п. Что касается названий профессий, то, как видно уже из примеров, суффиксы -арь/-ярь, -ырь сохраняют мягкость Р, напр.: чопнарь, качмарь, малярь, столярь, пастырь, а в суффиксах -ор, -ер она утрачена, напр.: кантор, дохтор, монтер, шофер и т. д.

Мягкое Р' в современных русинских говорах выступает также на месте древнерусского Ь в сочетании ТРЬТ, напр.: верьх, верьба, серьп, церьков, терья и т. д.

4. Исконно мягкие шипящие в наших говорах стали твердыми (как и в украинском языке), напр.: жывіт, жыла, жылавы́й, жыто, шыло, шыти, машына и т. д.

Но согласные Ч, Щ, ДЖ (в отличие от украинского языка) являются всегда мягкими, напр.: ч'істо, ч'ітати, моч'іти, печ'і, щ'іт, пищ'ати, блищ'ати, медж'і, рідж'а и т. д.

5. Весьма характерным фонетическим явлением для преобладающего количества карпатских русинских говоров является сужение Е, О перед гласными высокого подъема У, І,

а также перед суженными Ê, Ô, что О. Брох¹ назвал вокальной гармонией слога, напр.: kôni, на vôzi, на bêrêzi и т.д.

Другие лингвисты уточняют позиции произношения данных узконапряженных гласных, так как они встречаются чаще, чем указывал Брох. Один из знатоков карпатских русинских диалектов Г. Геровский² говорит, что произношение узкого напряженного оттенка гласного Е наблюдаем и в позиции перед мягким согласным, напр.: têpêr, têrnya, vêpêr, vêrx и т. п., а особый напряженный оттенок звука О - в позиции перед мягким согласным и перед слогом с (у) неслоговым, напр.: в бôлôti, gôlôu, slôuo, pôlôua, kôrbôua и т. д.

6. В русинских говорах "А (т. е. А после мягких согласных) не подверглось дальнейшим изменениям, напр.: десять, девять, зять, ярь, яруга, яма, ягода, роблять, косять и т. д. (в многих восточнославянских говорах изменилось в Е).

7. В окончании именительного и винительного падежей существительных среднего рода после долгих или кратких мягких согласных и шипящих из старых сочетаний согласных с Ё сохранился А (т. е. у существительных среднего рода из -ИЙЕ, -ЬЕ), напр.: мытя, копаня, смітя, жытя и т. д.

8. Согласный Л немягкий звучит как средний (или как т. н. „европейское“ Л), это отразилось, например, при составлении норм русинской орфографии, напр.: культурный, офіціальний, геніальний и т. п., но — школьський, валальський, малярський и т. д.

9. В большинстве русинских говоров сохраняются мягкие согласные Д', Т' без перехода в Г', К', напр.: t'isto, t'isnyi, tl'ti, st'ina, d'ido и т. д.

10. Выпало і (неслоговое) в позиции между гласными в творительном падеже единственного числа существительных женского рода, напр.: руков, ногов, землѐв, головов, тварѐв, путѐв, школов и т. д.

11. В русинских говорах, имеющих І на месте общеславянского О в новозакрытых слогах, согласные перед этим І в части говоров остаются твердыми, напр.: дїм, нїс, волїв (от вол), рїк, рїс, братїв, стїй и т. д.

12. Появились вторичные Л' и Н' после губных, а именно: л' после губных неносовых, напр.: здоровля, жеребля, кровлѐв, дубля, трафляти и т. п., и н' после М, напр.: мнясо, пам-

нять, камняный и т. п., хотя возможны и произношения без „л“ и „н“ - здорова, памјать и т. п.

13. Диспалатализация (отвердение) С‘ в суффиксе –С‘К — (из -ЬСК), причем можно наблюдать интересное явление в том смысле, что данный суффикс сохранил за собой способность смягчения предшествующей согласной, напр.: валальский, жываньский, паньска, сомарьска, школьський, професорський, словеньський, біляньський и т. д.

14. Ударение свободное (разноместное и подвижное), но в карпатских русинских говорах слабее, чем в русском или украинском языках.

Морфологические признаки:

15. В дательном падеже единственного числа мужского рода основы на -О, -Ю, -У известно окончание –ови у существительных обозначающих как одушевленных, так и неодушевленных. Можно наблюдать распространение этого окончания и на имена существительные среднего рода, напр.: сынови, чоловікови, конёви, пастырёви, дітвакови, ід стромови, ід колови, йди ід облакови, привяж ід колесови и т. д.

16. В склонении существительных с основой на мягкий согласный (там, где в украинском сохраняется Е, из общеславянских Ё и Ъ) в русинских диалектах встречаем в падежных окончаниях обыкновенно О, напр.: Василёви, Ковалёви, конёви, землём, телятём, шандарёви, шандарём, ножом и т. д.

17. В предложном падеже единственного числа существительных мужского и среднего родов и в дательном и предложном падежах единственного числа существительных женского рода с основой на мягкий согласный и шипящий находим окончание -И, напр.: на земли, на поли, на кони, на пути и т. д.

18. Кроме полных форм, употребляются также краткие формы личных местоимений, напр.: мене/ня, тебе/тя, од себе/од ся, мі, ті, сі, го, му, ня, тя, ся и т. д.

19. В 3-м лице единственного числа возвратных глаголов 1-го спряжения отсутствует -ть, напр.: мыє ся. Кроме того, возвратная частица ся является значительно подвижной у всех возвратных глаголов, напр.: сміє ся; він ся сміє; він ся дуже сердечно сміє; молить ся; він ся молить; мати ся каждый вечер дуже довго молить и т. д.

20. Будущее время глаголов несовершенного вида образуется только сочетанием личных форм глагола ‚быти‘ и инфинитива полнозначительного глагола, напр.: буду спати – будуть спати, будеш співати – будеме співати, буду ся молити – будете ся молити и т. д.

21. Особые личных флективные морфемы у глаголов в форме прошедшего времени и в формах кондиционала в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа, кроме форм

я спав, я спала,

ты спав, ты спала,

я бы спав, я бы спала,

ты бы спав, ты бы спала,

широко распространены и формы:

спав ем — спав есь,

спала ем – но и – спала-м,

спала есь – спала-сь,

спала бы ем – спала бы-м,

спав бы есь – спав бы-сь,

спала бы ем – спала бы-м,

спала бы есь – спала бы-сь и т. д.

Данные указатели лица прикреплены не к глаголу, а к определенному месту высказывания (фразы), напр.: Што съте вчера вечур робили? На траву съме так нескоро ходили. Де съ був? В Сосновці м був и т. д.

22. Отсутствие форм инфинитива на –Т‘ и употребление только форм инфинитива на –ті и –чі (от основ на к, г), напр.: несті, писаті, красті, сидіті, мочі, речі, лячі, товчі и т. д.

23. Употребление возвратной частицы "ся" не слитно с глаголом, так как она может стоять и перед глаголом, и может отделяться от него одним или несколькими словами, напр.: мыє ся, він ся мыє; він ся каждый день скоро рано мыє студенов водов и т. д.

24. Употребление указательного местоимения сей, удвоенных указательных местоимений сесь (сеся, сесе), но в землянских говорах главным образом – тот, тотя, тото и сложных — тамтот, тамта, тамто, тамты (или тамтоты).

25. Употребление числительного — еден, една, едно.

26. В родительном и дательном падежах местоимений мягкого различия употребляются флексемы -ого, -ому с мягки-

ми согласными перед окончаниями, напр.: од нёго, ку нёму, сёго, сёму.

27. В 3-м лице единственного числа глаголов 2-го спряжения при ударении на основе наличие только форм на -ть, напр.: ходить, робить, носить и т. п. (отсутствие иных форм).

28. Наличие только мягкого -Т' в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа форм настоящего и простого будущего времени, напр.: косить - косять, видеть - видять и т. п.

29. Одной из самых важных отличительных черт является наличие только окончания -ме в 1-м лице множественного числа настоящего и простого будущего времени, напр.: ходиме - прийдеме, пишеме - напишеме, сидиме - встанеме, сміеме ся, співаеме - співайме - співаме и т. д. Большое значение этой черте придает Л. А. Булаховский³, который по этому поводу пишет: „Ясно, що словакізми (східні словакізми), як-от: tyrt із *trъt: хырбет, кырви (т. е. chrbát, kvi); зміна -nk-у групу з твердопіднебним -n-; окремі слова з -ra-; -la- із колишніх *tort, *tolt; закінчення орудного мн. -ма у прикметників і займенників (молодыма, шумныма, нашыма – приклади наші); префікс da- замість de- в словах dakoly, dašto та ін. або окремі слова harda, tuňi, lem, haša – є лише більш-менш випадкові нашарування з сусідніх словацьких говірок... За щось більше могло би промовляти закінчення першої особи множини -ме, ...“

Н. Н. Дурново⁴ считает (в отличие от многих других лингвистов), что окончания 1-го лица множественного числа -мо и -ме „по-видимому, сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других славянских языков.“

30. В инфинитиве и претерите глагола ‚быти‘ сохраняется ‚ы‘, напр.: быти, быв, была, были сьме и т. д.

В словаре (в лексике) карпатских русинских говоров, кроме присутствия унгаризмов, словакизмов, заимствований из румынского и немецкого языков, важно отметить сохранение ряда слов, которые в остальных восточнославянских языках не сохранились. Их не так уж мало (т. е. это не только „окремі слова“), напр.: белник, волосн'і, колосновати, мачка, нанашка, пліча, пішник, пырть, стрычний брат, т'ічний

брат, ямарь, красный (в зн. - красивый), полокати, діл, ріни, куча, лазиво, пивніця, порткы (гачі), повала, пуджало, валёк, заушніця, коминарь, біглязь, чей (ачей), пі(у)д (pôjd) и много других.

Заклучение

Мы полностью разделяем и поддерживаем мнение тех лингвистов, которые утверждают, что карпатские русинские диалекты являются типичными говорами языкового пограничья, замкнутости в горах и особых исторических условий развития. В течение длительного времени здесь шел процесс формирования отдельных диалектов, между которыми в различные периоды устанавливались сложные взаимоотношения. Это был тот район, где нарушалось четкое противопоставление основных славянских языковых групп и возникали новые образования, характеризующиеся сочетанием разнородных признаков. В иных исторических условиях, как утверждает С. Б. Бернштейн⁵, в Карпатах могла бы сформироваться самостоятельная славянская языковая группа, в которой гетерогенные диалектные признаки представляли бы внутреннее единство.

Эти особые условия, с одной стороны, способствовали сохранению многих своеобразных, старинных черт и слов, в других местах вымерших, а с другой – перенятию большого количества языковых явлений из соседних западноукраинских и западнославянских диалектов и языков, что, на наш взгляд, подтверждает самостоятельность карпатской группы восточнославянских диалектов, называемых русинскими.

Мы позволим себе нашу статью закончить следующей цитатой:

„В настоящее время существуют три русских литературных языка: 1) собственно русский, 2) украинский и 3) белорусский; сюда можно присоединить и попытки создания четвертого русского литературного языка — карпаторусского.“⁶

ЛИТЕРАТУРА

1. Брех О. Угрорусское наречие села Убли. Санкт-Петербург, 1899.

2. Геровский Г. Jazyk Podkarpatské Rusi. In: Československá vlastivěda III, Jazyk, Praha 1934.
3. Л. А. Булаховський: Питання походження української мови. Київ, 1956. С. 206.
4. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. Изд. Наука. Москва, 1969. С. 209.
5. Бернштейн С.Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // VII международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. Москва, 1973.
6. Дурново Н.Н. Указ. соч. С. 27.

Анна ПЛІШКОВА

Сучасны сферы фунгованя кодифікованого русиньского языка на Словеньску

Проблем літературного языка Русинів в середнёевропскім просторі і точніше в ареалі Карпат має веце як тристорічну історію. Языковий вопрос, який характерізовав культурный і політичний живот Русинів, явить ся як історічний проблем уж од 17. стороча а пережив аж до сучасности, кедь стоїме на порозі 21. стороча. Діалектна роздробленость, культурны і языковы традиції сусідів, набоженьскы, соціално-політичны і іншы факторы мали в тім регіоні значный вплив на выбераня языка регіональной культуры: од церьковно-славянського в ёго (велико)руській і українській редакції, українського і (велико)руського літературных языків, аж по проекты літературного языка заложены на містній діалектній основі.

Як бы была написана комплетна історія письменства і літературного языка Підкарпатьской Руси і сусідніх русиньских областей, потім бы ся указало, же тот регіон Славян – в словах вызнамного слависты Нікіты Тольстого – був своєю сорты „пробным простором творіня оптимальной варианты списовного языка“ (Magocsi, 1996). Но наперек близкости русиньского ареалу з великим українським етнічно-языковым ареалом, но і наперек тісним контактам з (велико)руськов культурно-языковов традицієв, історічна память Русинів предці лем не дала їм забыти на містну культурно-языкову традицію. І зато в сучасности можеме быти свідками того, же якраз тот путь в карпатьскім ареалі набывають конкретны контуры, а то в подобі кодифікованых варіантів русиньского літературного языка.

Зновуоживліня языкового вопросу меджі Русинами є в центрі увагы нелем на Словеньску, але і в околитых країнах, де жыють Русины. Одповідь на вопрос, што є причінов актуалізації ці зновуоживліня языкового проблему в карпатьскім

ареалі по паді тоталітних режимів, выстигують слова Сергея Ткачова, же є то природный рефлекс, природна реакція на „револучность“ зреализованых змін, котрых зачаток сягать к роспаду двох імперій - Ракусько-Угорської і (Велико)Руськой (Ткачов, 1995). В звязи з тым ся родить цілый ряд проблемів в области культуры, школства, медій ці сполоченьско-го жывота, про вирішїня яких як першооснова выступав тзв. языковый вопрос ці точніше вопрос нормативного літературного языка.

Зачаток процесу кодифікації

Револучность добы, 1989 рік, як в северovýchдній Европі в цілім, так і в бывшій Чесько-Словенську, яка повалила силу тоталіты, не могла не засягнути і Русинів на северovýchді Словенська. Уж 26. новембра 1989, значить лем 10 днів по револучных акціях у Празі, в Пряшові vznikать “Ініціативна група русинів-українців за перебудову“, яка такой на першій мітінгу выголосила, же “народностный вопрос Русинів в Чесько-Словенську нігда дефінітивно вирішений не був“ (Зозуляк, 1989). Доказом повідженого був і 20. януара 1990 в Пряшові міморядный зьезд „Культурного союзу українських трудящих“ (КСУТ) за участи нелем делегатів містных організацій КСУТ, але і делегатів многих русиньских сел выходного Словенська, представителів обидвох церквей – доведна понад 450 делегатів і гостів. Уж на тім зьезді делегаты з русиньских сел, главно з области Меджілаборець, остро одсудили минулый період українзації, „як найтемнішу сторонку нашої історії“, вымагали скінчити з українзаціїєв як продуктом тоталітного комуністичного режиму, ліквідацію КСУТ і створіня новой русиньской організації (Магочій, 1993). Наперек тому, рішїня зьезду не принесло успокоїня, яке Русины чекали як сатісфакцію за минулы рокы народностной і языковой негачії. Як реакція на даный факт в Меджілабірцях ся сформовав „Културный рух Русинів“, програмным цілём якого ся стало „оброджїня Русинів“. Меджі програмными цілями руху був і такый: „Треба створити русиньский літературный язык на основі діалекту Лабірціны, який бы як повинный предмет ся учів у 1. - 5. класах ОШ, на який бы потім подля жела-

ня родичів і на основі інтересу навязовав український літературний язык“ (Магочій, 1993).

Потреба ці непотреба русиньського языка ся аналізувала в пресі і за округлыма столами. Выслідком діскусій было, же до того часу друкований орган ЦК КСУТ, тыжденник Нове життя, який в револучных часах перестав быти органом ЦК КСУТ, перетрансформовав ся на „тижневик русинів-українців Чехословащини“, в якім зачали выходити дві сторонки на русиньскім діалекті під назвов „Голос русинів“. Пестрость русиньських діалектів, нараз офіціально презентована з того періодіка, стала ся силным імпульзом на приправу першых норм будучого русиньського літературного языка. Из пропозицієв норм, базованых на шпеціфіках лабірського діалекту, як першый вышов отець Франтішек Крайняк, парох Греко-католицької церквы св. Василя Великого в Меджілабірцях. А наслідно матеріали публікованы в рубріці „Голос русинів“ зачали діставати подобу языковой нормы і стали ся оснований приправлєваных матеріалів до нултого чісла часопису Русин (1990).

Зачінаючи 1990 роком, в пресі не утихали діскусії о тім „хто сьме“, як і о языковім вопросі. Сітуація зачала іншых дімензій наберати по трансформації лабірського руху до новой русиньской організації в Меджілабірцях – Русиньской оброды 25. марта 1990, цілєм якої подля штатуту ся стало - „пропаговати культуру, звыкы, традиції, історію у СВОЇМ ВЛАСТНІМ ЯЗЫКУ, формов культурно-освітної роботы, новинок, розгласу, телевізії і под“. (Русин, 1990) Потреба кодифікації русиньського языка зачинать быти найактуалнішов, наведе выжадованов штатнымя органами перед заведжінєм русиньского языка до офіціальных сфер жывота Русинів – медій і школ. Тот факт зарівно ся став главнов темов полемік меджі представителями проукраїньской і прорусиньской орьєнтацій в Чесько-Словеньску, але і в іншых европських країнах, де Русины жыють.

Главно проукраїньскы учены в Чесько-Словеньску з роспаками принимали каждую ініціатіву в аспекті створєваня норм будучого літературного языка, які поступно градовали і переростали аж до негатівістичных позіцій, з яких выголошovali „непотребность“ тзв. русиньського літературного язы-

ка, к створёваню якого, подля них, з філологічного аспекту неекзістує нияка причіна (Stec, 1992), і ароганції, яка дедале частіше ся зьявлявала при характеристиках окремых особностей, залучившых ся до приправы норм. Появліня на світ далшого русиньского періодіка – „Народных новинок“ (1991) а з ним періодічности підкреслёваня потреби уніфікованых норм русиньского языка, принесло новы силы і новы приступы к нормованю языка.

Дедале частіше ся споминать думка створіня научной інштитуції, цілём роботы якої бы было вирішыти принципалны вопросы перед зачатём процесу кодифікації і приступити к роботі над потребныма кодифікачныма приручниками. Важнов подієв на пути к досягнутою того ціля было зорганізованя 1. Меджнародного конгресу о русиньскім языку в 1992 р., найважнішы пункты резолюції якого ся дотыкали концепчных вопросов: 1. кодифікація русиньского языка бы мала быти основана на живім языку, 2. каждый із штирєх русиньских регіонів бы мав узаконити властный варіант літературного языка, заснованый на переважаючім діалекті, 3. русиньский язык бы мав вжывати азбуку (Magosci, 1996). Тоты основны принципы ся стали ведучов идеєв, котров ся в далшых роках керовали кодифікаторы русиньского языка з розлічных регіонів. Першый конгрес зась підтримав думку потреби русиньской научной інштитуції, яка до двох місяців досправды в Пряшові vznikла. Інштитут русиньского языка і культуры од своего взнику служыв як координачный центр роботы кодифікаторів русиньского языка зо вшыткых країн, де жыють. Заслугов доц. ПгДр. Юрія Панька, к. н. в сполупраці з редакцієв Народных новинок був створеный першый проект правил русиньского правопису (1994) і словник русиньской термінології („Русиньско-русько-українсько-словенсько-польский лінгвістичных термінів“ (1994). Під веджінєм другого діректора інштитуту Доц. ПгДр. Василя Ябура, к. н. Вышли в 1994 році далшы кодифікачны приручники – доповнены правила русиньского правопису, орфографічний словник, букварь і чітанка і зачала ся робота над граматіков.

Жаль, винов зміненой політичної ситуації на Словеньску в другій половині 1994 року офіціално ся кінчіть діятельство інштитуту, але практично роботы над кодифікацієв кулміно-

вали а і наперек великим обштрукціям з боку як українофілів, так і окремих працівників штатной справы, 27. януара 1995 року в Братіславі був русинський язык на Словенську офіціално выголошений за кодифікований. Важне є, же даный факт акцептовали представителі культурного, сполоченьского, політичного і научного жывота Словенської републікы, што документовали нелем своєв участєв на нім, але і фінанчнов дотацієв акту кодифікації, звязаного з научным семінаром з меджінароднов участєв славістів.

Святочным актом кодифікації перша етапа работ над языком ся скінчила, але перед Русинів на Словенську і їх репрезентанта – Русинську оброду поставила такой дакілько новых пріорітних задач, реалізуючі котры ся обчековала і одповідь на вопрос уятя ся кодифікованого русинського языка в розлічных сферах культурно-сполоченьского жывота Русинів в условіях Словенської републікы. Іде главно о сферу сполоченьску, умелецьку, публіцистичну, конфесійну, школьску і літературну.

Сполоченьска сфера

Русинський язык, точніше єго діалекты, все были основным засобом комунікації меджі переважнов частєв Русинів, і в сучасности ся дана традиція у великій мірі утримує. Жаль, силный вплив асіміляції – завинений і ліквідацієв малокласных школ з языком навчаня народности по русинських селах, і інтеграція молодых Русинів до школ міських з языком навчаня словенським – ся не міг не одбити і на способі комунікації меджі Русинами, а главно молодов генерацієв, яка і в традично русинських селах при побіжній комунікації в сучасности часто вжывать язык словенський. І здасть ся їм то природным явом, бо як в медіях, так школах, церквах а часто і дома мають можность чути словенський язык, розумлять го і знають.

В інакшій позиції ся находить середня і старша генерация Русинів, вихована іщі на впливах русофілства, українофілства, або докінця карпаторуських традиціях, яка – тотя усвідомленіша часть – або крїтізує сучасне упушчання молодых людей од старых традицій, або – тотя менше свідома часть – мовчить і беспомічно ся призерать на даный став, припадно

приучать ся комунікації в словенськїм языку зо своїма внуками ці правнуками.

Наперек такїй ситуації, штат створив условия на фунгованя материнських языків народностных меншин жыючих в Словенськїй републиці і в сфері сполоченськїй, кедь в 1999 році прияв Закон о вжываню языків народностных меншин. На ёго основі наслідно по списованю людей (2001), в 92 селах Пряшівского краю, де жыє мінімално 20% Русинів, закон гарантує право на вжываня материнского языка в уряднім контактованю, напр. на сільських урядах, поштах, в шпытальях, на судах, в школах, церьквах і іншых інштїтуціях, де, треба підкреслити, же містны русиньскы діалекты ся беспосерднё выужывали і перед приятём споминаного закона. Подля нас, русиньскый язык, респ. ёго діалекты на Словенску в уряднім контактованю ся вжывать в омного бівшій кількості сел, а то і в таких, в котрых подля штатїстїкы жытелі даной народности не творять 20% населїня, але в скуточности в каждоденній комунікації вжывають переважно дакотрый з русиньських діалектів. Кількість сел, на якы в будучности ся може росшырити платность споминаного закона на хосен народностной меншыны, залежить лем од нїй самой – ці при далшых списованях людей буде у бівшій мірі декларовати свою приналежность к русиньскїй народности і такому же материньскому языку.

Умелецька сфера

Під умелецьков сферов, попри діяльствї многих екзїстующіх аматерських сільських колектївах, розвиваючих і пропагуючих переважно фолклорне богатство Русинів, будеме розумїти главно діяльство единого у світі русиньского професїонального театру – Театру Александра Духновїча у Пряшовї з ёго співацько-танечным колектївом „Пульс“. У своїй історїї бив театер интересный тым, же ся став першов „україньсков“ культурнов інштїтуцієв, яка в пряшівскїм регіонї vznikла по другїй світовїй войні з назвов „Український національний театр“. Іронїчно, же якраз она в половинї 90. років 20. стороча ся стала зась першов прорусиньскы орьентованов, у своїм діяльствї як перша зачала вжывати русиньскый діалект. Но в своїй основї тот факт мож цалком добрі

порозуміти: пряшівський театр як заяздовий все був і є одказаний на публіку регіонів северовыходного Словеньска, в якім гро населіня творить русиньске етнікум з материньским языком русиньским. З цілём утримати собі приязень публікы така зміна была немінуча. А револучны події 1989 року лем ускорили акт зміны і самой назвы театру (октобер 1990), яка в пореволучных условиях вызерала скоріше як анахронізм.

Наперек даным змінам, веджіня театру од зачатку 90.-х років 20. ст. репертоар ставляло двоязычно – по русиньскы і по українскы. Спершу пропорціонално, але інтерес публікы собі і ту выжадав зміну. Резултатом неприниманя жытелями русиньских сел гер театру в українським языку, є сучасный ёго репертоар, який ся грає лем по русиньскы. А не суть то лем гры містных авторів, але і світова класіка. Модерный приступ ку театру гостюючіх режісерів звязаний з вжыванём людём зрозумілого языка, принесли тій культурній інштитуції в послідніх 10 роках успіх нелем на домашніх, але і на світовых сценах, фестивалах. Діятельство драматічного колектіву театру ся стає предметом рецензій словеньской театралной критікы, яка го оцінює уж дакілько років за найліпшыи професіоналный народностный театр на Словеньску, але ёго роботу зрівнує і з найліпшыма словеньскыма театрами. Оцінінём ёго професіоналности є і двойразова номінація герця русиньского театру на престижну цілословеньску ціну „ДОСКІ“ за найліпшыи герецькый выкон сезоны.

Публіцістична сфера

Публіцістична сфера вжываня русиньского языка є презентована главно друкованыма періодікама Русиньской оброды – тыжденником „Народны новинкы“ і двоймісячником „Русин“. Обидва зограла найважнішу роль при формованю нормы русиньского літературного языка а потім при уводжованю кодифікованой подобы русиньского языка до жывота. Главно „Народны новинкы“ ся стали тым періодіком, де ся вели і ведуть діскусії нелем на народностны, церьковны, але і на языковы темы, ку котрым можуть ся слободно высловлєвати їх читателі, але і шырша громада. Їх заміряня є цілословеньске, но з акцентом на регіоны северовыходного Словеньска. напротівагу, часопис „Русин“ є орьентований

інтеррегіонально, што значить, же своє місто в нім мають Русини зо вшытких країн карпатського ареалу (Словенсько, Україна, Польско, Мадярьско, Сербія), враховано Чеськой републіки, Споеных штатів америцьких і Канады. Часопис ся занимать і вопросами русиньской літературы, як і набоженьского жывота Русинів.

Културно-сполоченьскый живот Русинів в їх материньскім языку на Словенську суть призначены обгосподаревати і дві електронічны – верейноправны медіі – Словенська телевизія і Словенський розглас, повинностєв яких зо закона є высылати і про жытелів СР, яки творять народностны меншыны. Покры в Словенській телевизії, Главній редакції народностного высыланя в Кошіцях ся закон по часі і жадостях Русинів днесь респектує, выслідком чого є výroба самостатных русиньских магазінів, сітуацію ся не дарило на хосен Русинів ани по 10 роках змінити в Словеньскім розгласі, а то наперек екзистенції Главной редакції народностно-етнічного высыланя в Пряшові, де своє пропорціональне заступліня мали бы мати вшыткы народностны меншыны і їх материньскы языки на теріторії выходного Словенська. Наперек тому офіціалный погляд веджіня Словенского розгласу і в такій сітуації быв, же дана інштитуція односно Русинів „дотримує вшыткы законы“, причім реалізація тзв. „русиньско-україньских“ релаций „є повно в згоді із реално народностнов сітуацієв“ (Плішкова, 2001). Но реална сітуація была така, же Русини іщі ініціатівніше ся зачали домагати самостатного радіовысыланя з Пряшова, на основі чого веджіня наконець мусило приступити на конкретны зміны і ту: в першім ряді од 1. 9. 1998 на диференцоване высыланя про Русинів і Українців, яке але по пару місяцях назад заныкло, а дале – по новых протестах Русинів – к выписаню конкурзу на 2 міста редакторів до „тіму высыланя в русиньскім языку“, што і так дефінітівному вирішіню проблему не помогло. Наслідно Русиньска оброда ся обернула з офіціалнов жадостєв помочі проблем рішыты на меджінародну інштитуцію – Раду Европы до Штрасбургу, яку підпорила петічныма підписами за самостатне русиньске высыланя жытелів Словенской републіки. Тиск Русинів на компетентны інштитуції і по приязных выслідках списованя людей (май 2001) про Русинів предці лем спосо-

бив, же в рамках новой організаційної структури, яку Словенський розглас прийняв зачатком року 2002, ся редакція справодайства в прашівськїм радїю офіційно розділила на самостатны часты, єднов з яких є офіційно декларованый і „тім русиньского высыланя“ (Плішкова, 2001).

Конфесійна сфера

Нїжна революція в Чесько-Словенську мала позитівный вплив, главно на грекокатолицьку церкву. Наперек тому, же єй найвышшы кругы все веце мїнять свою орьєнтацію на словенську – преферують выслугованя і нелїтургічных частей церковных обрядів по словенськы, а то і в селах з перевагов по русиньскы бїсїдующего населїня – в тїй самїй церкві є 20 священників, які просаджують тенденцію, жебы релїгїйны книжки ся перекладовали до русиньского языка і вжывали ся на богослужбах і на годинах релїгїї. Найвызначнїшым з них є о. Франтішек Крайняк з Меджілаборець, який за помочі мїстного духовенства і лаїків переложыв до русиньского языка основны церковны тексты, котры ся в сучасности ужывають в дакотрых парохїях з домінуючїм жытельством русиньской народности. Суть то: Апостолы на недїлі і свята цілого року переложены о. Франтішком Крайняком до лабірського діалекту (1985) і Євангелїя на недїлі і свята цілого року (1986), які по удїліню імпрїматуру вышли в кодїфікованїй нормї русиньского языка в 1999 році. Окрем того Ф. Крайняк переложыв Тайны: крещїня, міропомазаня, евхарїстія, покаяня, манжелство, елеїпомазаня (1986); Крестна дорога Господа нашого Ісуса Хрїста (1988); молитвеник св. ружанця (1992); Малый грекокатолицькый катехїзм про русиньскы діти (1984), Євангелїє од св. Іоана (2002).

Покры іде о православну церкву, тотя обвинює грекокатоликів з помаганя процесу латїнізації і словакізації. Притїм, в аспекті заставлїня того процесу і выявлїня своєї позїції односно русинства, русиньского языка і можности приближыти ся к віруючїм якраз таким способом, як часть священників грекокатолицької церкви, доднесь не выявила свою позїцію. Подобно як в грекокатолицькїй церкві, і в православнїй по многих русиньскых селах служать священники родом Словацї, яких не барз інтересує народностный аспект їх діятель-

ства. Окрем того, історично якраз православна церквова ся звязує з політиков наступу комунізму в бывшій Чеськословенській републіці, в рамках якої є зась обвинёвана з українофілства і русофілства. Хоць і в рамках той церкви екзистують духовны, які бы были охотны помагати процесу заведжіня русиньского языка до православных храмів в регіоні северовыходного Словеньска, офіціална позиція ей найвысших кругів затыль хыбить. Значіть, обидві церкви выходного обряду, діючі в регіоні, де компактно жыють Русины, очівидно суть орьєнтованы каждая іншым боком. А десь всередині зістають Русины, які суть часто одказаны на милость або немилость церковных ерархів або окремых священників, ці ся в них проявить народностне чутя і ці суть охотны акцептовати народностне чутя своїх вірників. Право чути материньский язык у церквах выходного обряду доднесь на Словеньску ся не реалізує на достатній уровни. Лем пронародно роздумуюча часть грекокатолицьких священників на Словеньску робить конкретны кроки на зміну сітуації, бо можность захраны як выходной традиції своёй церкви, так народностного аспекту в ній видить у зряджіню уряду єпіскопа шпеціално про Русинів ці парохії з домінуючим русиньским жытельством. Першым кроком к тому, може, є створіня функції вікаря (2003) в рамках Грекокатолицького єпіскопского уряду в Пряшові.

Школьска сфера

Дану сферу Русины поважують за найважнішу од самого зачатку возроджованя русиньской народности і русиньского языка. Ведучі представителі Русинів собі усвідомлєвали, же абы ся цалком не вытратив ці не вымер русиньский язык, треба зробити вшытко про то, жебы був зась заведжений до основных школ, але лем там, де о то проявлять інтерес родичі, значіть, на базі добровольности.

Недавна історія говорить, же бывшы русиньскы (респ. руськы) школы были насилным адміністративным способом в 1952 році змінены на україньскы. Переважна часть Русинів тоту зміну не прияла, а то з той причіны, же україньский язык не поважовали за свій материньский язык. І зато Русины зачали масово свої діти посылати до школ словеньских.

Факт, же в минулых 45 роках ся школы в русиньскых містах і селах пословенчили, Русины не принимали як трагедію. Выходивши з реалности, же русиньскы школы, так як і русиньска ідентичность подля закона ся стали про них неприпустныма, україньску орьентацію в животі і школстві з бівшой части принимали як чужду, орьентація на словеньскый язык про них была найраціональнішым рішінём. Ведь Словеньско было і є штатом, котрого Русины обчанами суть, были і будуть, а з того выходили, выбираючі собі і языкову орьентацію в школстві.

Аж конечно кедь на кінці 20. стороча і жытелі Словеньска дістали можность выпробовати живот в демократічній републіці, в новых условиях ся і в Русинів назад зачало пробуджовати роками придушоване народне сумліня. Новоприниманы законы демократічній републікі, возроджуючий процес Русинів і їх материньского языка – вдяка сістематічному дожадованю ся Русиньской оброды на Словеньску – зачали акцептовати, внаслідку чого од школьского року 1997/1998 в 12 основных школах северовыходного Словеньска бив проявленный інтерес родичів школярів завести выучованя русиньского языка. К тому акту были приправлены і з помочов штату выданы вшиткы потрібны педагогічны документи (Konceptcia vzdelavania deti obcanov SR rusinskej narodnosti; Konceptcia vyučovania predmetu rusinsky jazyk; Ucebne plany pre zakladne skoly; Ucebne osnovy pre zakladne skoly), як і учебники русиньского языка про основны і середні школы. Але основнов задачов і в сучасности зістає освітна робота меджі родичами, жебы порозуміли вызнам даного процесу і записовали свої діти на выучованя предмету русиньскый язык і култура.

Пріорітов про Русинів в школьській сфері є як росшырєваня выучованя предмету русиньскый язык і култура на обидвох ступнях основных школ і дакотрых гімназіях в регіоні серевыходного Словеньска, так і выхова будучіх кваліфікованых педагогів про даный предмет. Наперек тому, же уж од 1993 року ся евідують снагы Русиньской оброды на Словеньску створити катедру русиньского языка і културы на котрійсь з пряшівскых факулт, докінця на тот ціль штат в 1994 р. выділив 1,5 міліона корун на ей заряджіня, доднесь

такої катедри ніт. Місто нёй в 1998 році vznikать як ректоратне працювіско Пряшівской універзіты Інштїтут народностных штудїй і чужїх языків, в рамках якого зачало як перше фунговати Одділіня русиньского языка і културы. Но таке рішїня лем на час вирішыло проблем приправы педагогів, і то не в повній мірі. Проблем є в тім, же выучованя русиньского языка в рамках Інштїтуту є в позїції предмету „волительного“: можуть собі го зволити штудувати – як проглублену форму штудїя – штуденты Педагогїчної факулты, а як меджіодборове штудїум штуденты хоцькотрой факулты Пряшівской універзіты, окрем штудентів Педагогїчної факулты Пряшівской універзіты, предмет русиньскый язык і култура штудують главно штуденты Фїлозофїчної факулты ПУ. Із споминаных прїчїн о штудїум офіціально абсентує інтерес богословців православної ці грекокатолицької богословской факулты, і хоць неофіціально о нёго інтерес проявлюють. Но винов абсенції самостатной катедры ніт можности, наперек значному інтересу, штудувати русиньскый язык і културу як самостатный штудїйный одбор, респ. в комбінації з якимсь іншим предметом, абсолвенты якого бы здобыли квалїфікацію і про вшыткы споминаны сферы културно-сполоченьского жывота Русинів. А створїня катедры очївидно є задачов, вирішїня котрой зїстане в сферї школства прїорїтнов в далшїм перїодї нелем про Русиньску оброду, але і про сучасных працювників Інштїтуту народностных штудїй і чужїх языків Пряшівской універзіты.

Лїтературна сфера

Лїтературна сфера Русинів на Словеньску є єдинов, де абсентує перерваня контїнуїты сучасности з минулостёв. Русиньска лїтература все мала особности, якы то з бївшов, то з меншов силов вступали на лїтературну сцену, в залежности од сполоченьско-полїтїчної сїтуації і од авторьского потенціалу. Лїтература творена в русиньскім языку vznikала як в часах, коли вшыткы Русины жыли в єдній імперїї і не мали забороны голосити ся к русиньскій народности – авторы А. Падальскый, І. Выслоцькый, А. Коцак, А. Вальковскый (18. ст., мотївованы і переселенецьков лїтературов, яку творили Русины в Северній Америці – Емілій Кубек, Штефан Варзаль,

Іван Ладіжінський); І. Ріпа, П. Лодій, М. Андрейковіч, А. Лабанц, Т. Подгаєцька, А. Крігер-Добрянська, М. Невицька, А. Духнович, П. Кузмяк, А. Павловіч (19. ст.); так і в новій Чеськословенській республіці а нескорше в повойновій Чеськословенській соціалістичній республіці (20. ст.) – авторы І. Жак, І. Новак, А. Цацара, А. Галгашова, Н. Гвозда, А. Галчакова, Ю. Матяшовска, Ш. Смолей, М. Полчова, Е. Цацара, А. Владыкова, О. Кудзей – творили наперек заказу русиньской народности, ку котрым по році 1989 прибыли авторы передтым пишучі по українськы - Штефан Сухый, Марія Мальцовска, Юрій Харитун, Миколай Ксеняк. А не іншак тому є і в самостатній Словенській республіці (на зачатку 21. ст.), коли по заведжіню до школ предмету русиньський язык і култура к споминаным старшым авторам, сістематічно публіковавшым свої творы главно в прилозі „Народных новинок“ - „Поздравлію Русинів“ і часописі „Русин“, ся зачінають поступно придавати і молоды авторы, школярі і штуденты, котры од кінця 2000 року ся зачали публікувати в кварталнику про русиньскы діти і молодеж „Русалці“ - далшій прилозі „Народных новинок“.

Говорячі о уровни літературного процесу Русинів Пряшівщины треба підкреслити, же не быти розлічных языковых впливів і орьєнтацій, як наслідку політичных впливів сусідніх країн, література Русинів Словенська в сучасности бы могла ся пышыти омного бівшым чіслом авторів а самособов і вышов умелецьков уровнєв. Но наперек тяжкій сітуації і стагнації розвитку літературы в русиньскім языку, котру розвиваючому ся літературному процесу з 20. років 20. ст., потім лібералізації сполочности в 60. роках, наслідно завдав період „будованя соціалізму і комунізму“, агресівно придусившый спробы о возроджованя русиньского народа і языка, народноязычна русиньска орьєнтація вытримала і пережыла, глядаючі і находжаючі силну опору як у фолклорній народній творчости, так в релігійно-церьковній письменности в русиньскім языку, якы мали од прадавна довгу традицію меджі Русинами. Зато не є ниякым чудом, же першы народны авторы – Іван Жак на Спішу, Іван Новак на Маковіці, Марія Дуфанцєва у Пряшові, Юрко Колинчак на Снинщині, Николай Горняк на Лабірщині – творили в тій традиції. Не каждому з

них ся пощастило надруковати свої поезії-співы в тогдышній пресі, але они вшиткы творили тот зародок, з котрого в повоиновых часах, окреме од 60. років, выросли і розвинули ся писательскы поетичны самородкы, з творчости котрых была выдана книжка „Зелений віночок, червоні квіточкы“ (1965). На тоту літературну творчость старшого покоління надвязовали высшеспоминаны поеты і писателі, зачінаючі свою літературну путь аж в повоиновых роках. В їх творчости ся уж выразніше проявлять амбіція літературно ся выділити меджі своїма сучасниками: є в них бівша снага освоїти собі теорію творіня літературных жанрів на основі освіти і особного інтєресу к літературі. Од такой літературной роботы був уж лем крок к літературній творчости на професіоналній уровни, котра у Русинів зачала взникати в 60. - 70. роках (Хома, 2000). Спомеджі выданых творів того часу можеме спомянути: антологію „Карпати піснею вчаровані“ (1974), зборникы: Івана Жака „Маковицькі нути“ (1960), Юстины Матяшовской „Орябинський вінок“ (1975), Николая Гвозды „Маковицькі дзвіночки“ (1976), Юрка Колинчака „Підвигорлатська бистрина“ (1977), Анны Галчаковой „Окрилені мрії“ (1978), „Балады“ (1984).

Література Русинів Словенська свого повного возроджіня заживать по 1989 році, коли ся мінять условія розвитку і про Русинів як народность наперед в Чесько-Словенській федератівній републіці а од 1993 року і в самостатній Словенській републіці. Вдяка підпорі штату при книжковім выдаваню літературы Русинів, виходять на світло новы зборникы поезій і прозовы творы а ку авторам знамым з минулых часів прибивають новы, котры переходять з українського або і (велико)-руського языків на русинський, бо тоту путь поважують за природну в сучасній етапі розвитку культуры Русинів, і докінця ініціюють в 2001 р. зрод писательского субєкту – Сполку русинських писателів Словенська. Спомеджі них треба спомянути в першім ряді поетів Штефана Сухого, який є автором штирєх книжок в русиньскім языку, зборників поезій „Русинський співник“ (1994) і „Енді сідать на машину вічности“ (1995), зборника повідань „Як Руснакы релаксують“ (1997) і стишковой книжки з нотами про основны школы з навчанєм русиньского языка „Азбукарня“ (2004); Юрка Харитуна (по-

етичный зборник „Гуслі з явора“, 1995), прозаїчку Марію Мальцовску, яка є авторков трёх зборників повідань в русиньскім языку: „Манна і оскомина“ (1994), „Під русиньскым небом“ (1998), „Русиньскы арабескы“ (2002), і книжки приповідок про діти „Приповідкова лучка“ (1995), котры в р. 2000 были выданы і формов магнетофонової казеты; і байкаря Миколая Ксеняка, автора книжки „О Камюньскых майстрах“ (1994), книжки повідань „Біда Русинів з дому выганяла“ (2002) і зборника баёк „Выбраны байкы“ (2002). Споми-наны авторы творять літературу професіональной уровни, яка може конкуровати іншоязычній літературі. Центром увагы сучасных русиньскых писателів суть проблемы чоловіка, села, народности, языка, але і філософічны роздумы над бытём в сучасній економічно нелегкій добі, традиції, церьков, народны ремесла. Вдяка приступности языка у своїх читателів здобывають сімпатії а вдяка якости окремых літературных жанрів суть перекладованы до інших языків і публікованы в словеньскых і заграничных періодіках. Доднесь трое найліпшы з русиньскых авторів Словеньска Ш. Сухый, М. Мальцовска і М. Ксеняк ся можуть похвалити престижнов цінов Александра Духновіча уділёванов Карпаторусиньскым научным центром в США за найліпшу книжку русиньской літературы.

ЛІТЕРАТУРА

Зозуляк, О. Перший крок Ініціативной групи. Нове життя. Пряшів, 1. XII. 1989. С. 2.

Магочій П. Р. Тривалість регіональних культур: Русини і українці на їхній карпатській батьківщині та за кордоном. Нью-Йорк, 1993. С. 66.

Magocsi P. R., ed. A New Slavic Language is Born/Zrodil sa nový slovansky jazyk. New York, 1996. P. XIII.

Плішкова А. Компетенція на зміну внуторной штруктуры высыланя є в руках шефредактора Пряшівского штудія – інтервю з централным діректором Словеньского розгласу в Братіславі, ПгДр. Ярославом Резніком // Народны новинкы/ Пряшів/ Ч. 11 - 14, 28. III. 2001. С. 5.

Плішкова А. Професіоналіта на першій місті – інтервю з шеф-редактором Главной редакції народностно-етнічного высыланя Словеньского розгласу в Пряшові, ПгДр. Войтехом Бачом // Народны новинкы. Ч. 11 - 14, 28. III. 2001. С. 5-6; Самостатне русинске высыланя зась на досяг руки? // Народны новинкы. Пряшів. Ч. 16-17, 25. IV. 2001. С. 1-2.

Становы Русиньской оброды на Словеньску. Русин. Меджілабірці, 1990 .

Ткачов С. Статус литературного языка русинов на Украине // Slavica Tarnopolensia. Ч. 2. Тернопіль, 1995. С. 21.

Tolstoj N. I. Introduction/U'vodom // Magocsi P. R., ed. A New Slavic Language is Born/Zrodil sa novy slovansky jazyk. New York, 1996. P. XIII.

Štec M. K otázke „rusínskeho“ spisovného jazyka. Prešov, 1992. С. 22.

Хома В. Русиньска література на Словеньску в остатніх роках // Русин. XI, 5-6. Пряшів, 2000. С. 2.

Юлиан РАМАЧ

Язык бачванско-сримских Руснацох

Язык бачванско-сримских Руснацох, приселених до нешкайшей Сербии ЧГ и Горватской штредком 18. вику, формовал ше у сиверовосточней Угорской (Мадярской), на территории на хторей ше сходза и преплетаю восточнославянски и заходнославянски язични характеристики. Руснаци свой язык волаю *руски язык*, а официално (по сербски) вола ше *русински језик*.

За руски язык характеристични тоти рефлекси праславянских гласох и гласових групох: **1.** њ > о (сон), винїмки: раж, диждж; **2.** њ > е (*нес, овес*), пред тим е змегчую ше консонанти **д, т, з, с, л, н** до **дз, ц, ж, ш, л', н'** (*дзень, лен*); **3.** ѓ (jat) > е (*место*), и (*вик*), ридко **а** (*цали*); **4.** ѣ > **а** (*чадо*), **е** (*месо*), ридко **я** (*вязац*), **ей** у числу *пейц*; **5.** Q (назал заднього шора) > **у** (*рука*); **6.** у (jeri) > **и** (пред таким **и** не змегчани консонанти **д, т, з, с, л, н**: *дим, ти, язык, сир, лиси*); **7.** љ > **ар** (*гарци*), ридко **ор** (*горбати*); **8.** љ > **ер** (*верба, верх*), **ар** (пред твардима **д, т, з, с, л, н**): *тварди, зарно*; **9.** љ > **лу** (*слуп*); **10.** љ > **ол** (*полни*); **11.** протетичне **й** (*елень*); **12.** аја, оја > **а** (*стац, пас*), ёја > **а** и **я** (*ја*) (*шац, вяц*); **13.** tort > **трат** (*врана*); tert > **трет** (*брег*), ридко **терет** (*чересло*); tolt > **тлат** (*глава*), telt > **тлет** (*плева*); ort- > **рот-** (*робота*), olt- > **лот-** (*локец*) и **лат-** (*лакомни*); **14.** g > гарлово **г** (*гора*); **15.** dj > **дз** (*ардза*), tj > **ц** (*плюца*) и **ч** (*онучка*); **16.** gt > **ц** (*моц*) и **ч** (*мочи*); kt > **ц** (*пец*) и **ч** (*печиц*); **17.** kv, gv > **кв, гв** (*квет, гвизда*); **18.** dl, tl > **дл, тл** (*модлиц, плетла*); **19.** без йотованих групох **bl, pl, vl, ml** (*поробени, справени*); **20.** консонанти **d, t, z, s, l, n** пред консонантами преднього шора змегчовали ше до **дз, ц, ж, ш, л', н'** (*дзецо, цело, цихи, жима, липа, небо*).

Сучасни руски язык ма 32 гласи: **5** вокали (**и, е, а, о, у**; не иснуе опозиция дуги – кратки вокали) и **27** консонанти: гамбово **б, п, м**, зубно-гамбово **в, ф**, зубно-алвеоларни **д, т, дз, ц, з, с, л, н**, алвеоларне **р**, предньоподнебни **дж, ч, д', т', ж, ш, л', н', й**, задньоподнебни **г, к, х** и гарлово **г**; сонанти **р, л, л', м, н, н', й**. Консонанти **д', т'** вигваряю ше скоро виключно у по-

жичкох: церковнословянських (*господь*), українських (*діло, тілесни*), мадярських (*вармедя, бутелар*), сербських (*ладя, мутькац*). Консонант **г** тиж найчастейше у пожичкох: мадярських (*сегинь, вагаш*), німецьких (*штранг*), сербських (*задруга*), рідше у домашніх словах (*гравчац, дробизг*). Акцент вше на предостатнім складу: приятель, ген. приятеля, дат. приятельови.

До 1923. р. Руснаци хасновали церковнословянське писмо (часто упрощене), у приватним живоце хасновали и мадярське и сербське писмо. Основопокладач руского литературного языка Гавриїл (Габор) Костельник у своєй *Граматики бачваньско-рускей бешеди* (1923) предложел на хаснованє українську азбуку и дал основни граматични и правописни норми. Руска азбука ма 32 знаки: **а, б, в, г** (гарлово), **г** (g), **д, е, є** (je), **ж, з, и, ї** (ji), **й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ** (шч), **ю** (ju), **я** (ja), **ь** (мєгки знак). Гласи **дз, дж, д', т', л', н'** означую ше з двома знаками **дз, дж, дь, ть, ль, нь**; кед ше гласи **д', т', л', н'** вигваряю пред вокалами **а, е, и, у**, їх мєгкосц ше означує зоз знаками **я, є, ї, ю**: **дя, дє, ді, дю, тя, тє, ті, тю** итд. Правопис фонетично-етимологійни: *одпутовац, подписац, дражка*.

Праславянски меновнічки деклинації у руским язизку звездени на два деклинації: **1. а)** меновніки хлопского роду: Н. *стол*, Г. *-а*, Д. *-у*, А. *стол*, И. *-ом*, Л. *-лє/-лу*, мн.: Н. *столи*, Г. *-ох*, Д. *-ом*, А. *столи*, И. *-ами*, Л. *-ох*; **б)** штреднього роду: Н. *место*, Г. *-а*, Д. *-у*, А. *место*, И. *-ом*, Л. *-це/-ту*, мн.: Н. *места*, Г. *-ох*, Д. *-ом*, А. *-а*, И. *-ами*, Л. *-ох*. **2.** меновніки женского роду: Н. *школа*, Г. *-и*, Д. *-и*, А. *-у*, И. *-у*, Л. *-и*, мн.: Н. *школи*, Г. *-ох*, Д. *-ом*, А. *школи*, И. *-ами*, Л. *-ох*. Закончєня ген., дат., инстр. и лок. мн. при шицких меновнікох исти: Г. *-ох*, Д. *-ом*, И. *-ами*, Л. *-ох*.

Прикметніки: Н. *добри* (с. р. *добре*), Г. *-ого*, Д. *-ому*, А. *як Н. або Г*, И. *-им*, Л. *-им/-ому*, ж. р.: Н. *добра*, Г. *-ей*, Д. *-ей*, А. *-у*, И. *-у*, Л. *-ей*, мн.: Н. *добри*, Г. *-их*, Д. *-им*, А. *як Н. або Г*, И. *-ма*, Л. *-их*. У деклинації меновнікох и прикметнікох не зачувана розлика мєдзи твєрдима и мєгкими основами (И. *з човеком – з коньом*; Г. *доброго – горнього*). Прикметніки не маю кратки форми.

Основни числовніки ше меняю до числа **пейц** (Н. *два*, Г. *двох*, Д. *двом*, А. *два/двох*, И. *двома*, Л. *двох*), од **шейсц** на

висше ше найчастейше не меняю. Зоз числовнікама од два на висше меновніки маю форму ном. мн.: **єден стол, два** (*три, иштири, пейц, шейсц, седем, осем, дзевец, дзешец, єденац, дванац...*, *дваецц, пейдзешат*) **столи (древа, школи).**

Дієсловни форми: **инфинитив** (на **-ц**): *читац, писац, презент: читам, -ш, -, -ме, -це, -ю, футур зложени* (дієслова незак. виду): *будзем (-ш, -е, мн. -ме, -це, буду) читац, футур прости* (дієслова зак. виду): *пречитам, -ш, -, -ме, -це, -ю, перфект: читал, -ла, -ло, мн. -ли* за шицки три роди; або: *читал сом (ши), читал, мн. читали зме (сце), читали, плюсквамперфект* (ридко): *я (ти, вон) бул читал, мн. ми (ви, вони) були читали*, або: *бул сом (бул ши, бул) читал, або: були зме (були сце, були) читали; императив: читай, 3. ос. най чита, мн. читайме, читайце, 3. ос. най читаю), потенциял: я (ти, вон) би читал, ми (ви, вони) би читали*, або: *читал бим (би сом), читал биш (би ши), читал (-ла, -ло) би, читали бизме (бисце, би), потенциял прешли: я би бул читал або читал бим (би сом) бул; дієприсловнік презента (читаюци, робяци) и дієприкметнік перфекта (пречитани, скошени, забити).*

У рускей народней лексики принешеной зоз старого краю основу твори праславянска лексика: *човек, дзеци, конь, крава, древо, жито, жем, небо, дом, палец, рука; добри, били; читац, бешедовац; крашнє, добре* итд.; вельо мадяризми: *кукурица, коч, пулька, варош, валал, бачи, легинь*; окрем того германизми: *луфт, барвенок, вербовац, ратовац* и др.; латинизми: *школа, Русадля, Вилія*; румунизми: *кляг, руметац*; церковнославянизми: *господь, молитва*. По приселеню до Бачкей нови лексични пасма - сербизми: *багрєн, бостан, брига, дерляча, кафана, тажиц, згодни, здраво* и др.; нови германизми: *трешка, генция, вексла*; нови мадяризми: *есєнц, овода*. Медзи керестурску и коцурску бешеду єст лєм мали розлики: кер. *бетелїна, бухти, ище, жовти* и др. - коц. *требиконїна, пампушки, ещи, жолти*; кер. *бешедовали, читали, писали*) - коц. *бешедовалї, читалї, писалї*).

До початку 20. вику руски язык хасновани у кругу фамелїї, а од виходу першого руского оригинального литературного твору – “3 мойого валала” Г. Костельника (1904) и од снованя РНПД «Просвита» (1919) достал нови дружтвени функції. Нешка є по уставу ровноправни з другима языками у

Войводици и хаснує ше у школах, на универзитету (Катедра за руски язык и литературу), у радио и на телевизії, у законодавству, администрації. Литературни язык ше розвива под моцним сербским уплївом (вельо калки: *овоцнїк, розпуст, класни старшина, розгляднїца*) и слабшим восточнославянским уплївом (литературни язык Угорскей Руси и українски язык): лексични пожички *вистка, звит, змист, надїя, потїха, город* и др. Периодика («Руске слово», календари), богата белетристика, прекладна литература, школски учебнїки.

Нормованє литературного языка по Г. Костельникови предлужел Гавриїл Г. Надь, а главна заслуга за нормованє припада Миколови М. Кочишови (школски учебнїки). О руским языку нешка пишу др Александер Дуличенко (*Jugoslavo-Ruthenica*, 1995), руски лингвисти др Юлиян Рамач, мр Михайло Фейса, мр Гелена Медєши (*Сербско-руски словнїк у двох томах*, 1995-1997, *Граматика руского языка*, 2002) и др.

ТЕКСТИ НА РУСКИМ ЯЗЫКУ

1. Як краль подаровал богачови бундаву за воли

Жителе єдного валалу ношели дарунки свойому кральови. Кажди му однес вола, краву, коня, овци, швинї и инше. А краль тиж каждому давал даяки дарунок: злати предмети, драги шмати, а тиж и конї, воли, крави и инше. А єден худобни селян мал лєм єдну козу хтора му давала млека, а на цудзей жеми ше му зродзели красни бундави. Вон гварел своєй жени: «Однешем кральови на дарунок бундаву.»

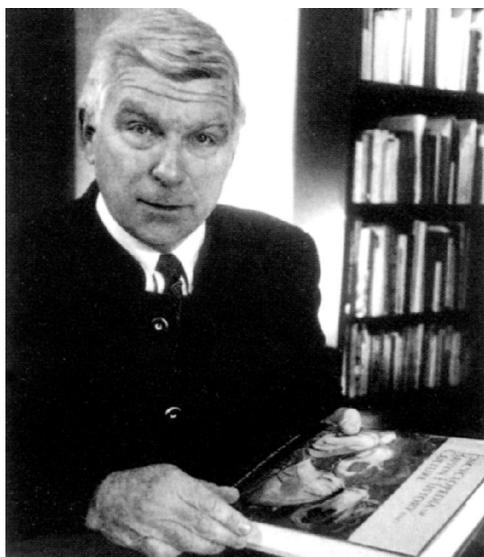
Привлекол вон якош бундаву до краля, поздравкал и гварел: «Принесол сом ци, найяснейши кралю, на дарунок бундаву.» Краль дзєчнє приял бундаву, а вєц вивєдол бидного и указал му свой маєток: вельки хлїви полни зоз статком, брадла слами и шена, заградки з квецом, вельки лес и у нїм високи дрєва: смєреки, сосни, дуби и др. и швидки єленї, сарнї, заяци. Питал ше краль бидному: «Маш ти таки статок, тельо жеми и таки лес?» А худобни му гвари: «Не мам, кралю найяснейши.» Краль му гвари: «Идз дому.» Пришол вон смутни дому, бо му краль не дал нїяки дарунок. А його богати сушєд ше шмєял з нього. Други дзєнь тот богач одвєдол кральови два красни воли и наздавал ше драгому дарунку од краля. Краль и йому указал свой вельки маєток: «Маш таки має-

ток?» «Мам» – гварел пишно богати. А краль му указал бундаву хтору достал од удобного: «Маш таки бундави?» «Не мам» – зашмеял ше богати. «Но кед не маш, я ци дам» – гварел краль и дал му бундаву. А тому удобному послал два воли цо му богати приведол. (*Руска народна приповедка*) У наведзеним тексту слова *бундава* “тыква” и *предмет* – сербизми, а слова *житель, селян, сосна* – восточнославянизми.

2. Ей, преходза роки, а младосц не вична. Лем цо ю спознаш, хващиш ю до руки и думаш дацо важне почац з ню, а вона скапе, випари ше як грудка шнігу на цеплей длані. И человек не може присц гу себе: тераз лем ту була, а дзе же є тераз. И блука человек, отлука ше од сна по яву и придзе гу себе пред жвератком – шиви ше бліща. Празне у души, празни думки на розум приходза и празни человек. Окрадути. Як кед би ше час зарек окрадуц человека теди кед ше найменей тому наздава. (*З приповедки Миколи М. Кочиша «Остатня надія»*)

Павел Роберт Магочий:

К 60-летию со дня рождения
выдающегося русиниста современности

Способность ученого быть объективным в своих научных выводах, независимым от устоявшихся общественных догм и идеологических «наработок», умение при этом искусно вести диалог с оппонентами, перекрывая их глубиной осведомленности в проблеме, не всегда сразу же приводят к победе здравого рассудка. Человечество знает немало грубых примеров временной победы ограниченных, заносчивых,

корыстных, любящих власть чиновников от государства и церкви над личностью ученого. Вспомнить хотя бы судьбу знаменитого астронома Галилео Галлилея...

Сегодня в Украине судьбу итальянского астронома в той или иной мере повторяет каждый ученый, политик, общественный деятель, осмеливающийся поднимать проблему признания русин – отдельного славянского народа, испокон веков живущего на склонах Карпат. Академик П.Р. Магочий – человек двух миров – свободной Америки и новорожденной Украины. Воспитанный в традициях свободного общества, он активно, без надежды на благодарность, помогает гармонизации межэтнических отношений в Украине. Его труды существенно влияют на имидж Украины в Америке и Канаде, укрепляют заинтересованность молодых исследова-

телей проблемами украиноведения и русинистики в англоязычном мире. Пройдет какое-то время, и эту истину будут оглашать в Украине с высокой государственной трибуны, но сегодня тут все с точностью до наоборот.

Не так давно мы встретились в Киеве, в самой престижной гостинице столицы «Премьер-палас», чтобы побеседовать и выпить кофе. Тут же, в фойе, журналистам давали интервью экс-госсекретарь США Мадлен Олбрайт и экс-президент Чехии Вацлав Гавел, иные важные гости, а за полчаса до этого я разминулся в дверях с бывшим кандидатом в президенты Украины, лидером Социалистической партии Александром Морозом, который в последнее время активно высказывается в защиту признания русинской национальности.

Павел Магочий органически вписался в представительство самых именитых, с мировым именем политиков, дипломатов, ученых, которые приехали 20 февраля 2004 г. в Киев для встречи с тогдашним лидером народной оппозиции, а теперь президентом Украины В.Ющенко, чтобы содействовать проведению честных президентских выборов в Украине. Это право он заслужил и фактом своего русинского происхождения, и своими научными результатами.

Родился П.Р. Магочий 26 января 1945 г. в городе Энглвуд, штат Нью-Джерси, США. Окончил Рутгерский университет (диплом бакалавра – 1966 г., магистра – 1967 г.). Его научные изыскания связаны с написанием диссертации в Принстонском университете (1972 г., звание Ph.D), а также исследованием украинской истории (в частности, и Галичины) в одном из наиболее значимых мировых научных центров – Гарвардском университете, которые продолжались до 1976 г. Одновременно он был первым главным редактором Гарвардской серии украиноведческих исследований (1979–1982 гг.).

С 1980 г. возглавляет кафедру украиноведческих студий Торонтского университета в Канаде, а в 1978 г. основал Карпаторусинский исследовательский центр, президентом которого является и поныне. В 1996 г. был избран действительным членом Академии гуманитарных наук Королевского общества Канады.

Проблемами Украины американский ученый начал интересоваться еще тогда, когда такого независимого государ-

ства на политической карте Европы не существовало. Сегодня он имеет в своем активе около 600 исследований в области истории, картографии, библиографии, языкознания, этнополитики и др. Все они касаются проблем Центральной Европы и Украины.

Важным является и другое: многие из его трудов, появившись в печати, сразу же вызвали волну отзывов и рецензий. Обсуждение ключевых аспектов его работ свидетельствует об общественной значимости проблем, поставленных исследователем. Вот почему, когда в начале 70-х годов молодой ученый избрал стратегической темой своих научных исследований проблему формирования русинского национального самосознания, это не просто вызвало (и продолжает вызывать!) сначала в Америке, а потом и в Европе многочисленные, иногда диаметрально противоположные отзывы, это свидетельствовало о сложности решения этой проблемы в будущем.

Русинство, законсервованное тоталитарными режимами, нигде не исчезло. Пребывая под запретом, оно развивалось по законам внутренней логики; в новых исторических реалиях постепенно вызревало в недрах государств-аннексантов, а со времени демократических революций конца 80-х гг. в XX в. снова заявило о себе в Украине, Словакии, Польше, Венгрии и Румынии.

Вот здесь и можно было бы использовать опыт ученого-русиниста П.Р. Магочия, его фундаментальные труды, такие как **«Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь, 1848-1948»** («Формирование национального самосознания: Подкарпатская Русь, 1848-1948», 1978 г. – на англ. языке, 1994 г. – на укр. языке в Ужгороде); **«Carpatho-Rusin Studies: An Annotated Bibliography»** («Карпаторусинские студии: аннотированная библиография», три тома: 1988, 1998, 2004); **«Our People: Carpatho-Rusins and Their Descendants in North America»** («Наш народ: карпаторусины и их потомки в Северной Америке», три издания: 1984, 1985, 1994); **«Русины на Словенську: Історичний перегляд»** («Русины в Словакии», 1993 г. – на англ. языке, 1994 г. – на русин. и слов. языках); его карту **«Росселеня карпатських русинів»** («Расселение карпат-

ских русинов», 1996, 1998), которая фиксирует все населенные пункты на исторических территориях проживания русинов.

Совсем недавно академик П.Р. Магочий реализовал (в соавторстве с доктором наук И. Попом) идею создания русинской англоязычной энциклопедии под названием «**Encyclopedia of rusyn history and culture**» (2002 г., Энциклопедия истории и культуры русинов). Уникальная работа большого формата насчитывает более полутысячи страниц. Содержащаяся в ней информация позволяет англоязычному читателю (фактически это весь научный мир!) глубже узнать историю, культуру и традиции карпатских русинов и является объективным источником изучения русинской проблематики. О том, что эта работа оказалась затребованной ученым миром, свидетельствует и тот факт, что тираж был раскуплен почти сразу же, поэтому в 2004 г. вышло второе, дополненное издание.

Наконец, в 2002 г. в Вашингтонском университете появляется его «**Historical Atlas of Central Europe**» («Исторический атлас Центральной Европы»), содержащий 89 цветных карт, которые представляют историческое развитие в течение VII–XX вв. одного из сложнейших регионов Европы.

Здесь непременно нужно вспомнить и о том, что Павел Магочий является редактором серии научных переводов «Классики карпаторусинской науки» (с 1987 г. вышло 11 томов). Он член-основатель Мирового конгресса русинов (1991), член Мирового Совета русинов (с 1991 г.). Он также наиболее популярный в русинском мире ученый.

В конце 80-х – начале 90-х гг. Украина оказалась не готовой решить русинский вопрос. В кулуарах заидеологизированной украинской академической науки эта проблема искусственно была трансформирована в проблему русинского национализма и сепаратизма. Академик из Канады был объявлен в Украине идеологом т.н. «политического русинства», хотя и сейчас никто из украинских этнологов и этнополитиков не удосужился дать более-менее четкое научное толкование этого «термина».

Иной путь избрали центральноевропейские страны. Они признали русинскую национальность, признали за русинами

в своих странах права национальных меньшинств. И это оказало существенное влияние на гармонизацию межнациональных отношений в Польше, Словакии, Венгрии, Румынии. Это так же стало красноречивым подтверждением объективности научных выводов академика Магочия о необратимости процессов русинского национального возрождения, сертификатом его высокого профессионализма в науке и его принципиальности, умения видеть перспективу.

Украина остается единственным среди государств Центральной Европы, в котором русины, проживая на своих исторических территориях, все еще остаются непризнанными де-юре. Кто-то здесь придерживается старых догм («Не пущать!»), кто-то осторожно пробует искать выход из положения... Как будто и не замечая при этом академика Магочия и его научного наследия, которое прошло проверку временем.

...Когда-то Галилео Галлилея принуждали отречься от своих научных выводов. Он утверждал, что Земля вращается вокруг Солнца. Высокомерные представители церкви этого не признавали, усматривали в его выводах угрозу своему существованию. Ну, и что им из этого формального покаяния? От капризов идеологов Вселенная своего движения не изменила! Разве Земля не вращается вокруг Солнца?!

Валерий ПАДЯК,
кандидат филологических наук

Михаил ДРОНОВ

Мария Дуфанец - поэтесса Пряшевщины *

*Люблю Вітчизну я свою
Під шпильми Карпат
І села ті, що в мрійливих
Обіймах їх лежать.*

*Люблю дрімучії ліси,
Діброви поля,
Чи в сонці вни купаються,
чи криє їх імла.*

*До мене говорять вони,
Коли життям іду,
І слів таких, хоч де б була,
Ніде я не знайду.*

Эти четверостишия принадлежат редко вспоминаемому сегодня пряшевскому автору - Марии Дуфанец. Тонкая и необычайно чувствительная личность, верная супруга и любящая мать - так характеризуют поэтессу хорошо знавшие ее люди. Поэзия Дуфанец, быть может, не всегда удачная с эстетической точки зрения, занимает особое место в контексте литературной истории Пряшевщины.

Мария Дуфанец родилась 14 октября 1903 г. в с. Геральтов Пряшевского округа в семье греко-католического священника Михаила Молчана. Любопытно отметить, что о. Молчан,

* Доклад на III Карпатоведческих Рудловчаковских научных чтениях, посвященных теме "Роль жінки у науковому, культурно-мистецькому та громадському житті краю" (Ужгород, 4 марта 2004 г.; был озвучен к.ф.н. Валерием Падыком).

твердо считавший себя славянином - «ruthen-ом»¹, хорошо для своего времени владел русским литературным языком, прекрасно знал творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Его перу принадлежат несколько довольно удачных русскоязычных рассказов («Опасная дружба»)². Несмотря на это, языком семейного общения длительное время оставался венгерский. Сохранению позиций венгерского языка способствовало и то обстоятельство, что почти сразу после рождения дочери о. Молчана перевели служить в венгерское село Чабад (неподалеку от Кошиц), где вообще никто не говорил по-славянски. Здесь Мария Молчан окончила начальную школу, после чего она отправилась на учебу в также венгерскоязычную пряшевскую «горожанку».

Однако во многом из-за политических перепетий того времени (в самом разгаре была первая мировая война) Михаил Молчан принял решение исправить свою ошибку и обучить детей русскому языку, который тогда считался эталоном восточнославянской литературной речи. Так вспоминала об этом сама Мария Дуфанец:

«В 1916 году, как мы с братом прибыли домой на каникулы с пряшевских школ, отец в один день заявил нам: «Я крепко верю в том, что Германия и Австро-Венгрия проиграют войну, наступит славянский свет, а вы знаете только по-мадьярски. Послезавтра начну вас учить по-русски»³.

Именно так Мария и ее младший брат Осип (впоследствии врач) приступили к изучению русского языка. Практическими пособиями им в этом служили старые номера фенциковского «Листка» и отдельные произведения Лермонтова. К сожалению, дети просто заучивали русские слова, не зная, где нужно правильно ставить ударение. Последствия данного методического недостатка сильно отразились на творчестве будущей поэтессы.

После окончания «Руськой учительской семинарии» в Ужгороде Мария в 1921 г. вышла замуж за известного общественного деятеля Теодора Дуфанца и переселилась в знакомый со школьных лет Пряшев, где стала домохозяйкой. Здесь, в Пряшеве и состоялся литературный дебют Дуфанец. Случилось это довольно неожиданно. В 1928 г. редактор греко-

католической газеты «Русское Слово» Степан Гойдич (родной брат епископа Павла Гойдича) предложил сотрудничать со своим изданием отцу Марии. М. Молчан подготовил ряд собственных материалов, но, зная о том, что его дочь пишет для себя стихи на венгерском языке, попросил Марию написать что-нибудь для газеты по-русски. Тогда на страницах «Русского Слова» и его приложения «Да прийдець Царствіє Твое!» появились первые стихотворения Дуфанец, подписанные стилизованным под великорусский стиль псевдонимом «Мария Михайловна» (представляющим не что иное, как имя и отчество поэтессы). Всего на страницах епархиальных изданий появилось около 30 ее стихотворений, в основном, конечно же, на религиозную тему. Назовем хотя бы некоторые: «Церковка», «Радость и горе», «При часовне», «Благодарение», «Воскресение», «Утешай отчаянных!».

Анализируя национальную ориентацию поэтов, публиковавшихся в довоенной пряшевской периодике, литературовед Илья Галайда отнес Марию Дуфанец к «руському (русинскому) направлению»⁴, как известно, ведущему полемику и с зарождавшимся на Пряшевщине украинофильством, и с крайними сторонниками общерусской идеи, пренебрегавшими местной восточнославянской культурой. Литературными кумирами для Дуфанец являлись не столько российские классические авторы, сколько Александр Духнович и Юлий Ставровский-Попрадов.

Несмотря на тяжеловесный искусственный литературный язык, в той или иной степени свойственный большинству русинской интеллигенции края, по мнению Галайды, уже в тот период в стихах Марии Михайловны намечается стремление к лирическому восприятию мира, к образному мышлению, раздумьям о родине⁵.

В качестве примера ранней поэзии приведем стихотворение 1928 г., посвященное 125-летней годовщине со дня рождения А. Духновича («Русское Слово», 1928, № 16):

*Въ начаѣ прошлаго столѣтїя
На небосклонѣ русской земли,
Засїяла и горѣла звѣзда
Въ лучахъ огня горячей любви.*

*И блескъ ея повсюду залился,
Чтобъ согрѣть измученныхъ людей;
Всей своей любовію стремился
Вывести народъ изъ рабства дней.*

*Яркая звѣзда надъ Карпатами
Долго блестала и горѣла,
А наконецъ своими лучами
Прощаясь съ родиной, - исчезла.*

*Блескъ ея и нынѣ въ нашей душѣ
Среди горей, заботъ, радостей...
Всегда вспоминаемъ о той звѣздѣ,
Объ геніи нашемъ прошлыхъ дней!*

В 30-40-е гг. поэтесса не публиковалась. Однако она продолжала писать, причем не только по-русски, но и по-венгерски. В конце 50-х гг. ее стихотворения «Токаик» и «Липовец», посвященные партизанской теме, вновь были представлены на суд пряшевского читателя, теперь уже на страницах журнала «Дукля». Говоря о послевоенном творчестве Дуфанец, нельзя не отметить заметного повышения культуры русского языка⁶. Правда, к тому времени нишу русского языка на Пряшевщине почти полностью занял язык украинский, менее популярный у населения, но, как посчитали «наверху», более подходящий для его нужд.

Поэтому начиная с 1961 г. Мария Дуфанец пробует писать свои первые стихотворения на украинском языке. Важную роль в ранее немыслимом для нее поступке, несомненно, сыграл Федор Лазорик - талантливый поэт-украинофил. Именно Лазорик помогал поэтессе дорабатывать отдельные миниатюры. В этот период стихи Марии Дуфанец появлялись практически во всех украинских изданиях Восточной Словакии.

В 1965 г. 24 ее стихотворения вошли в сборник художественных произведений восточнословацких украинских народных литераторов «Зелений віночок - червоні квіточки»⁷.

Примечательно, что из одиннадцати авторов сборника Дуфанец была единственной женщиной.

Зрелые стихотворения Марии Дуфанец отличаются самой разнообразной тематикой. Здесь представлены и злободневные сюжеты эпохи построения социализма (например, «Тракторист», «Атомна бомба», «Монолог льотчика-космонавта»), и чрезвычайно притягательные (даже не сильно отмеченные печатью времени!) поэтические этюды патриотического характера («Наші гори», «Рідне слово», «Рідна земле»). Но, пожалуй, вершиной ее творчества мы можем назвать именно лирические произведения, опубликованные в том же сборнике - «Натхнення», «Спиває ніч», «Місяць» и другие. Как образец авторского стиля процитируем хотя бы небольшое стихотворение «Метелиця»:

*Що за вітер, що за буря,
Що за білий океан!
Б'є в обличчя, б'є у спину,
Це готовий ураган!*

*І морозець не жартує,
Розпіка вогнем людей,
Розмальовує їх лиця,
Коле шпильками дітей.*

*Ні мені, ані пташатам
Не до співу про весну,
Хай метелиця іграє
Свою пісню зимову.*

По подсчетам Михаила Мольнара, с 1961 по 1968 г. М. Дуфанец опубликовала свыше сорока стихотворений на украинском языке⁸. Но после кончины в 1969 г. ее друга и наставника Федора Лазорика она не написала ни одного стихотворения на украинском. Венцом литературного творчества Дуфанец можно считать вышедший в 1972 г. персональный поэтический сборник «Моє дзеркало»⁹, в котором помещены стихи 60-х гг.

Хорошо знала поэтессу и Елена Михайловна Рудловчак. Они познакомились в 1965 г. во время работы над сборником «Зелений віночок - червоні квіточки», составителем которого была Е. Рудловчак. Деловое знакомство впоследствии переросло в настоящую дружбу, не угасавшую вплоть до кончины М. Дуфанец. В личном архиве Рудловчак сохранились рукописи ее неизданных произведений, в т.ч. не востребованной венгерскоязычной поэзии.

Елена Михайловна так оценила творчество Дуфанец:

«Интереси в неї багатогранні. Її поетичній натурі притаманне тонке відчуття краси і глибоке розуміння людської душі та людських настроїв, широке поетичне охоплення дійсності. Ніжний ліризм пронизує кожний її вірш, кожне схоплене нею явище. Багата фантазія робить такою ж багатою реальність її поезій. Любов до людини, до всього, що її оточує, - починаючи рідним краєм, рідним словом, трудовим і творчим натхненням, високим польотом людських здібностей і кінчаючи коханням та природою, - є рушійною силою поезії М. Дуфанець»¹⁰.

Несомненно, большим недостатком Дуфанец было слабое для литератора знание русского и украинского языков. Однако именно Мария Дуфанец органично восполняла на пряшевском Парнасе порой недостававшее последнему женское начало - с восприятием реальности, свойственным прекрасной половине человечества. Пожалуй, еще одним свидетельством значения поэтессы для всей литературы Пряшевщины является тот факт, что она осталась одинаково «своей» для сторонников и русинской¹¹, и украинской национальных ориентаций.

Сердце Марии Дуфанец перестало биться 16 мая 1980 г. Ее похоронили на Пряшевском городском кладбище рядом с могилой супруга.

ЛИТЕРАТУРА

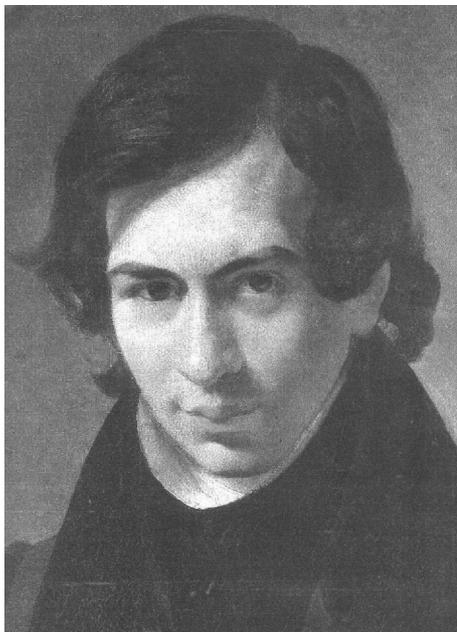
1. Мольнар М. Зустрічі культур. З чехословацько-українських взаємовідносин. Пряшів, 1980. С. 470.

2. Галайда И. Несколько маргиналий об украинской поэзии Восточной Словакии междувоенного периода // Жовтень

- і українська культура. Збірник матеріалів з міжнародного симпозиуму. Пряшів, 1968. С. 235.
3. Мольнар М. Указ. соч. С. 470-471.
 4. Галайда И. Указ. соч. С. 235.
 5. Там же. С. 235-236.
 6. Мольнар М. Указ. соч. С. 476.
 7. Зелений віночок - червоні квіточки. Упор. О. Рудловчак. Пряшів, 1965. С. 219-244.
 8. Мольнар М. Указ. соч. С. 480.
 9. Дуфанець М. Мое дзеркало. Поезії. Пряшів, 1972.
 10. Рудловчак О. Зелений віночок - червоні квіточки // Зелений віночок - червоні квіточки. С. 429.
 11. См., наприклад: Бескид Г. Забыта русинська поетка (Марія Дуфанцева, 14.10.1903 - 16.5.1980) // Русинський народний календарь на 2003 рік. Зост. А. Зозуляк. Пряшів, 2002. С. 95-96.

Александр НИКОЛАЕНКО

**Н.В. Кукольник
(1809-1868)**

В декабре 2004 г. исполнилось 195 лет со дня рождения русского писателя, искусствоведа, музыканта и общественного деятеля Нестора Васильевича Кукольника. Сегодня это имя предано забвению, а его творческое наследие остается более 150 лет не востребовано и не изучается. В то же время им сделан большой вклад в культуру XIX столетия, рассмотреть который с позиций социальной антропологии и осветить интереснейшие страницы экономической истории и исторической

географии давно сделалось актуальным.

Родился Нестор Васильевич в семье известного закарпатского ученого-просветителя В. Г. Кукольника, переехавшего в Россию в 1803 г. в царствование Александра I. Россия в это время нуждалась в просвещенных педагогах с энциклопедическими знаниями, так как намеревалась с их помощью и участием организовать собственную систему высшего образования. Сразу после переезда в Россию В. Кукольник стал профессором педагогического института, на базе которого впоследствии был создан Петербургский университет. Одно время он частным образом преподавал гражданское право

великим князьям Николаю (будущему Николаю I) и Константину, являлся автором ряда университетских учебников.

Нестор был младшим сыном профессора В. Кукольника. Родился он непосредственно в здании Петербургского университета, о чем сам вспоминает: «... я персонально имел честь родиться в этом голландском Петровском дворце, над седьмым крыльцом, и увидел свет Божий и Царство Русское из окон здания С.Петербургского университета»¹.

По национальности Н. Кукольник был русином (карпаторусом, как тогда говорили). Отец его, уроженец Угорской Руси, принадлежал к последователям А. Бачинского и происходил из древнего княжеского рода галицийских русинов, о чем он пишет сам в прошении на имя Александра I². По вероисповеданию В. Кукольник был униатом (греко-католиком), и по настоянию жены родившийся сын был крещен по униатскому обряду.

«По желанию матушки отец просил государя быть восприемником, - пишет Н.В. Кукольник, - 23-го октября М.М. Сперанский уведомил отца моего, что государь согласен, и назначил держать царское место министра просвещения гр. Петра Васильевича Завадовского; матушка была в восторге, но батюшка - не думая, и вот причина: надо было пригласить уже не простого попа, а самую важную особу униатского духовенства, каковым тогда и был полоцкий архиепископ Иоанн Красовский. Крестной матери в таких случаях не бывает, а жаль, потому что крестный отец для меня ничего не успел сделать...»³.

Н. Кукольник получил хорошее домашнее образование. Как он сам вспоминает, семейный круг общения состоял из русинов, переселившихся в Россию, и сегодня хорошо известных в истории культуры, таких как И.С. Орлай, П.Д. Лодий. В семье увлекались поэзией, искусством, историей, был семейный театр, ставились спектакли на темы из закарпатской истории. Декорации обычно изображали родные места, что оставило глубокий след в душе молодого Нестора.

«В числе трагедий a la Rasine (все произведения старшего брата Павла) была одна венгерская под заглавием «Эмерик», в которой я имел роль маленького сына Эмерика. Желая сделать отцу приятный сюрприз, Александр Васильевич (брат Н.В. -

А.Н.) откопал где-то вид Оффена или Буды, расспрашивал батюшку о разных особенностях местности, не давая заметить цели... В день представления на венгерскую трагедию натурально были приглашены все карпатороссы: и Орлай, и Балудьянский, и П.Д. Лодий. Дошло до пятого акта. Подымается занавес... Карпатороссы, несмотря на свои лета, вскакивают с места и первый П.Д. Лодий кричит с восторгом: «Буда, Буда!!!»⁴.

Воспитанный в подобных традициях, проявив интерес к музыке, поэзии и драматургии, Н. Кукольник считал себя русином, о чем впоследствии (1857 г.) писал: «Я был сын карпаторосса, хотя и до сих пор еще не видал родных Карпат. Эта любовь к далекой родине никогда не угасала»⁵.

В 1819 г. отец Нестора получает приглашение на должность директора Нежинской гимназии высших наук и с семьей переезжает в Нежин. Считается, что, сделав такой выбор, В. Кукольник добровольно отказался от должности ректора Петербургского университета, хотя есть данные, позволяющие усомниться в такой версии. В ходе выборов ректора университета В. Кукольник был избран лишь проректором: «Для чего же Петербургский университет выбрал себе проректора, а не ректора? - пишет митрополит Киевский Евгений (1819), - Кукольник стоит подлинного имени»⁶. Кукольнику было поручено возглавить временную «конференцию». «Конференция» профессоров ведала организацией учебного процесса, а хозяйственно-административные дела находились в руках ректора. Но ректор не был избран, так как претенденты (Э. Раупах и М. Балудьянский) набрали одинаковое число голосов. Назначен был француз Дюгуров. Этому назначению, по свидетельству того же митрополита Евгения, многие были удивлены. «Новому ректору Петербургского университета, - писал он, - знающие у нас дивятся, как он попал на сию степень из кое-каких учителей. Кукольнику дали ясно понять, где его место: ему было поручено организовать повторные выборы ректора, возглавляя «временную конференцию».

Сомнительно, чтобы в этой обстановке В. Кукольник мог выдвигаться на новые выборы. По крайней мере, официальных документов, подтверждающих, что он баллотировался

на должность ректора, нигде не приводится. По-видимому, эта ситуация наложила свой отпечаток на последующую судьбу В.Г. Кукольника, который в феврале 1821 г. внезапно умер. Есть версия, что в силу пережитого серьезного нервного напряжения он покончил жизнь самоубийством.

Нестор в 1820 г. поступает на учебу в гимназию. Но смерть отца не проходит бесследно. Мать Нестора начинает обвинять профессорский состав гимназии в смерти мужа, и руководство Харьковского учебного округа, куда входила гимназия, не находит ничего лучшего, как просто выселить ее из Нежина. Мать переезжает в подаренное (в аренду) императором имение вблизи Вильно, а сына помещает в Житомирское уездное училище. Вскоро она умирает, и Нестор остается один, на попечении старших братьев.

В 1823 г. директором гимназии становится И.С. Орлай, коллега отца, друг семьи. Нестор возвращается в гимназию, но год оказывается пропущенным, и он начинает учебу как бы с начала, на класс ниже тех, с кем начинал учиться. А среди них были ставшие потом известными деятели русской и украинской культуры, в частности, писатель Н.В. Гоголь, этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, профессор права Редкин, литератор Любич-Романович и др.

В этот период талантливому юноше приходится пережить трудные обстоятельства. Сразу после событий, получивших в русской истории название «восстание декабристов», молодой Нестор попадает под надзор III отделения. Поиски смутьянов и заговорщиков стали нормой. Следили все и за всеми. Гимназический надзиратель перехватывает письмо Нестора, подписанное аббревиатурой «Р.Б.Ш.». Об этом доносят по службе, с предположением, что молодой человек является членом некоей тайной «организации», понимая сокращение «РБ» как «рыцарь Братства». Это становится известным шефу жандармов, и за Нестором устанавливают негласное наблюдение. Ситуация усугубляется тем, что в это же время из-за дерзкого поведения отдельных учеников, вызвавших недовольство отдельных преподавателей, возникает пре-словутое «дело о вольнодумстве». Отдельных профессоров подозревают в том, что они знакомят гимназистов с трудами Канта, Монтескье и т.д., не рекомендованных для препода-

вания. У всех гимназистов делают обыск, находят «вещественные доказательства» и начинают собеседования с подозреваемыми. В число подозреваемых попадает и Н. Кукольник, проявивший интерес к трудами Монтескье, Канта, Локка и др. Он заявляет, что конспектировал их он по собственной инициативе. Тем самым как бы делается попытка вывести из-под подозрения читавшего «вольнолюбивые лекции» профессора Белоусова. Дело усугубляется показаниями Н.В. Гоголя, тетрадь которого с записями лекций Белоусова была изъята у одного гимназиста. Гоголь отказывается признать, что давал свою тетрадь именно этому гимназисту. Он показывает, что давал ее Кукольнику. Таким образом, получилось, что Н. Кукольник не просто интересовался nereкомендованными трудами, но и распространял их среди учащихся. К тому же во время обыска у Кукольника была обнаружена рукопись трагедии «Мария» (из времен Скопина-Шуйского), до нашего времени не сохранившаяся и признанная проверяющими «возмутительной»⁷.

Накануне выпуска Кукольника из гимназии для проверки накопившихся сведений по «делу о вольнодумстве» и разбирательства по существу в Нежин прибывает член Главного управления училищ Министерства Э.Б. Адеркас. Учащиеся, ранее дававшие показания, поддерживавшие Кукольника, под угрозой выпуска без аттестата отказываются от своих показаний и свидетельствуют против него. В конце концов, Кукольника вынуждают признать свою «вину». Дело закончилось для 20-летнего юноши печально. Он был лишен гражданского чина XII класса и золотой медали и еле добился справки о прослушивании курса. Старший брат увозит Н. Кукольника в Вильно без аттестата, с одной справкой. Здесь Кукольник начинает преподавать русский язык в местной гимназии и издает учебник русского языка для литовцев, за что удостоивается благодарности великого князя Константина. Но судьба опять вмешивается в жизнь молодого русина. В 1831 г. вспыхивает восстание поляков. Приходится срочно уезжать из Вильно. Клеймо «РБШ» ведь не снято.

«Врата жизни гражданской отворились передо мною в этом городе, - вспоминал позже Н. Кукольник о своем пребывании в Вильно, - там я был первый раз полезен обществу на

пути новом, трудном, патриотическом [...] Исполнители ревностные, разделяя намерения великого начальства и веруя в их пользу и справедливость по убеждению, мы трудились на новом пути неутомимом небезуспешно; и преподавание на русском языке истории нам помогало»⁸.

В Петербурге начинается новая жизнь и новые испытания. Сын карпаторуса, не пришедшийся по вкусу высшему начальству, греко-католик по вере, он может рассчитывать только на собственные силы. Он любит театр, живопись, бредит музыкой и решает испробовать свои молодые силы на этом поприще. Но первые попытки наталкиваются на естественное в таких случаях неприятие. Не окунувшись в столичные интриги, преклоняясь перед авторитетом Пушкина, Каратыгина, Брюллова, он действует прямолинейно, бесхитростно и ... оказывается ни с чем. Он за бесценок продает свою юношескую драму «Торквато Тассо», и тут же на сцене появляется аналогичная драма с таким же названием, но другого автора. Не оставляя надежды на лучшее, Кукольник создает новые драмы и среди них вошедшую в историю «Руку Всевышнего».

Театр отказывается принять на сцену эту драму. Заведующий всем театральным репертуаром Александринского театра Р. Зотов утверждает, что драма не выдержит и одного представления. Кукольник отказывается от вознаграждения, но тщетно. Тогда он решается на смелый шаг. Он пробивается домой к супругам Каратыгиным и уговаривает их прочесть драму. Драма нравится актерам, и они решают поставить ее в свой бенефис на свой страх и риск⁹.

На первое организованное таким образом представление случайно попадает император. Он обращает внимание на драму, но выражает недовольство декорациями. И тут уже тот же Зотов, который совсем недавно ни во что не ставил драму, разбивается в лепешку, но выполняет волю императора. На декорации тратят 40 000 руб. И бенефис приносит успех как автору, так и Каратыгиным. Драма становится официальным эталоном патриотической драматургии. Ей рукоплещет сам Николай I. Успех вскружил голову молодому автору, но полицейский надзор, преследующий его с гимназии, только усиливается. Его личным цензором сразу после успе-

ха назначается сам Бенкендорф. Возникает непонимание и между Кукольниковом и обществом, которое видит в нем приспособленца.

Кукольник *«разочарован двором, - записал в дневник А. Никитенко. - Не знаю, искал ли он его милостей или только хотел прикрыться его щитом. Как бы то ни было, а его положение незавидно. Каждое произведение свое он должен представлять на рассмотрение Бенкендорфа. С другой стороны, он своими грубыми патриотическими фарсами, особенно «Скопиным-Шуйским», вооружил против себя людей свободомыслящих и лишился их доверия»¹⁰.*

Вот как об этом говорит сам Н.Кукольник: *«Потребности создания и учения радужными завесами скрывали от меня все недостатки нашей сцены; случай поставил меня в общество истинных артистов, тем менее я мог видеть остальных действующих деятелей закулисного мира. Первая моя театральная драма была написана в осьмнадцать дней; успех ослепил меня. В гордости, едва свойственной моему возрасту, при необыкновенном успехе моего труда я вообразил, что в самом деле могу оживить сколько-нибудь нашу осиротевшую сцену... Вторая пьеса новым успехом еще более убедила меня в ложных предположениях, но, по счастью, третья, лучшая, по моему мнению, наиболее обдуманная, с большею внимательностью обработанная, вполне разрушила очарование. Я понял мои недостатки и признаюсь познакомился с некоторыми недостатками ...»¹¹.*

Много лет спустя литературоведы и театроведы, воспитанные на системе Станиславского и пропагандирующие психологический театр, резко критикуют Кукольника. В его драмах нет действия, а есть одни монологи. В чем же тогда причина успеха драмы, а точнее, драм Н. Кукольника? Для всех специалистов того времени эталоном стали «Ревизор», «Не в свои сани не садись», «Чайка». А тут длинные монологи, патриотические выступления, хорошо поставленная речь Каратыгина и отшлифованное до тонкостей жестикулирование.

В 1898 г. газета «Новое время» (№ 8188 от 12 декабря) в статье безымянного автора так рассуждает на эту тему:

«На первый взгляд, непонятен тот бурный успех, который имели эти драмы даже в свое время. Как бы там ни было, а

лишенные драматизма, состоявшие из длинных и скучных монологов драмы представлялись материалом неудобоваримым и даже скучным. Бурный успех их может быть объяснен лишь немногими искренними лирическими отступлениями автора и особенно теми патриотическими, возвышающими русский народ тирадами, которые он вкладывал в уста своих героев, не только русских, но и иностранных»¹².

И после такого пространныго рассуждения, в котором «бурный успех» объясняется всего лишь «немногими (!) искренними лирическими отступлениями», что само по себе странно, автор делает многозначительный вывод: «Таким образом, причина успеха драм Кукольника лежала не столько внутри их, сколько в чисто внешних обстоятельствах».

Так ли это? Возможно, что так. Еще современники отмечали одну особенность драм Кукольника. «Мы благоговели, видя, что участвовало небо в происшествии» - писал критик литературного приложения к «Русскому инвалиду»¹³. Влияние неба, конечно, было и у Шиллера в «Жанне д'Арк», но у Кукольника это влияние разливает по драме «характер, коим отшлифовывается православная вера от иностранных». Отшлифовывается, но прямо об этом говорится не словом, а чем-то неопределенным, ощущаемым как поэзия, передающаяся внутренней красотой монолога, изяществом движения тела актера. Русской мыслью здесь была идея чудесного спасения Руси как зримое выражение власти Провидения. Это же отмечают и современные русские исследователи: «Кукольник писал своего рода мистерию, в которой наряду с историческими лицами действуют провиденциальные силы, причем усилия и людей, и внеличных сил направлены к одной цели. Результатом было произведение, находящееся в обратном отношении к античной трагедии или к романтической трагедии рока»¹⁴.

Как обычно сегодня воспринимается читателем Слово, сказанное автором? Появляясь из сферы бессознательного, Слово стремится организовать себе пространство средствами языка. Таким образом, автором создается такой поэтический текст, который заставляет читателя (слушателя) лично-стно реагировать на него. Если бессознательный настрой читателя в данный период как-то совпадает со звучанием и

значением текста, то говорят, что автор выразил мироощущение своего поколения. Если же поэтический текст так заразителен, то читатель (слушатель) заражается им до такой степени, что становится носителем мироощущения поэта¹⁵. Правда, это возможно только в том случае, если, как писал Чаадаев, «слово звучит лишь в отзывчивой среде». Не отрицая этого, Кукольник пытается идти своим путем, путем создания такого пространства Слова, которое бы позволяло читателю (слушателю) самому прочувствовать, создать новую идею, пусть до сей поры и не известную, не выражающую мироощущение всего поколения или времени, а являющуюся собственной идеей данного индивидуума («особняк»), как любил говаривать Н. Кукольник). Он не стремился к глобализации (почему все должны ощущать оно и то же, пусть и мировоззрение, но единое?). Он хотел заставить читателя (слушателя) думать, причем думать самостоятельно. Тогда и возникает «отзывчивая среда». Приемы для этого он изобретал различные.

Одним из таких приемов было применение в тексте молчания (умолчания). Для этого он прибегает к мистицизму (те самые «внеличные силы»), использует сложный символизм. Актер у Кукольника должен выполнять функцию, подобную роли священника, - открывать людям мир некоей трансцендентной правды. Театральное действие превращается в своеобразный ритуал, который должен происходить почти в литургической атмосфере. Именно эта атмосфера, а не действие, должна вызвать у зрителя недостижимые (в том числе и психологически) в обычной жизни чувства и, конечно, горячий патриотизм.

Ф. Кони в своей рецензии на провалившуюся драму «Князь Холмский» практически и сказал об этом: *«И здесь, как и во всех фантазиях Кукольника, есть пророчества о том, что уже давно сбылось, эти торжественные фигуры умолчания, которые дают Каратыгину возможность высказать во всем блеске свой декламаторский дар и сорвать несколько невольных рукоплесканий»*¹⁶.

Не всегда поиски приводили к желаемому. Чаще они приводили к противоположному результату. Ведь известно, что думать не все желают, а тем более могут. И Кукольник это

прекрасно понимает: *«Всякий смотрит на оконченную работу в исцарапанных очках незнания, - пишет Н. Кукольник в своем «Письме к потомкам» (1855), - в микроскоп всегда увеличивающегося невежества; или освещает дорогой стих, которым в сладкую минуту прозвучало сердце; сдавленное этим странным посторонним страданием, которому нет имени, зовите его вдохновением; оно и сладостно, и больно; зовите его, как хотите; вы люди ложной мысли, ложного ума, ложного чувства, ложного рождения»*¹⁷.

Остался вне внимания русской критики и тот факт, что Н. Кукольник был по происхождению русином, и история его прародины подсознательно отражалась в его творчестве. Так, например, Н. Кукольника обвиняли и продолжают обвинять в восхвалении самодержавия. Он как бы выступает апологетом самодержавия, противником демократии, причем такой, какую несли Белинский, Некрасов, Чернышевский и позже воспитанные на их работах народовольцы, революционные демократы, большевики- ленинцы. Забывают, что русинский народ на собственной истории испытал все «прелести» демократии, конституционного строя, к которому Австро-Венгрия пришла раньше России. Подтвердим сказанное выдержкой из А. Добрянского (статья «Где выход?») из журнала «Славянский век», Вена, 1901, №№ 14 и 16):

«... высиженные и тщательно взлелеянные в национально-смешанных сеймах злополучные национальные распри обострились до такой степени, что делают невозможною плодотворную деятельность даже рейхсрата, что угрожают серьезною опасностью и без того уже пошатнувшемуся могуществу австро-венгерской монархии».

*«...единственным непогрешимым средством, которое может привести к основательному оздоровлению запутанного положения вещей во всех отношениях и которое, в виду нынешнего положения дел, могло быть приложено путем императорского рескрипта»*¹⁸.

Вот эту идею применительно к России и проводил Н. Кукольник в своих произведениях. Но ее не понимают и современные литераторы. Мы имеем в виду пасквильный характер высказывания о национальной принадлежности Н. Кукольника в повести украинского писателя Ю.М. Мушкетери-

ка¹⁹. Рассказывая о споре Кукольника с Булгариным, заявившим, что малороссы покоряют столицу, автор так излагает аргументацию Н. Кукольника:

«- Я не малоросс, а карпаторосс.

- По-моему, это одно и то же, - произнес Полевой. - Малороссийская по-своему славна. Ее народ певучий и поэтический...

- Нет такого народа и такой истории - хмуро бросил Кукольник. - Украина - окраина России. Этим сказано все. Малороссы не дали миру ничего.

- А штаны, они одели тебя в штаны, - захохотал Воейков...»

Трудно сказать, чего тут больше: издевательства или невежества, незнания тысячелетней истории карпаторусов или непонимания конкретных повестей Кукольника на украинские темы. И вот такие «допатриоты» сегодня недвусмысленно осуждают Переяславскую казачью Раду 1654 года, приносящую Украине, по их мнению, «недолю»²⁰.

Чтобы показать самодержцу, какими качествами он должен обладать как монарх, Кукольник в своих повестях о Петре Великом показывает образец монарха. Но и к этой стороне творчества Кукольника русская культура тоже оказалась глуха. На нее обратил внимание уже в XX веке финский исследователь Е. Курганов, заметивший, что *«Кукольник стоял на позициях демократического, а не аристократического монархизма. Он отвергал лидирующее значение, превосходство какого-либо одного сословия, считая, что человека на общественном поприще должны продвигать только заслуги перед монархом и отечеством. В связи с этим понятно, почему Кукольника так привлекала петровская эпоха: обращение к ней давало возможность ненавязчиво, осторожно, предельно естественно выразить свою оппозиционность, свое понимание идеала монарха, выделяя в облике царя простоту и демократизм»*²¹.

Нельзя также не упомянуть и о другой особенности творчества Кукольника, которая тоже до сих пор остается незамеченной. Речь идет о том, что поэзию, художества и музыку Кукольник, в равной степени хорошо владевший каждым из этих искусств, считал единым целым. Он часто не понимал прозу без музыки, а художества считал дополнением к про-

изведению. Хорошо известны рисунки и гравюры К. Брюллова на сюжеты Кукольника или музыка к драмам Кукольника. Но, рассматривая музыку отдельно от драмы (например, «Князь Холмский»), исследователи признавали гениальность музыки, а поэзию Кукольника в драме, вызвавшую эту музыку, не замечали и не ставили ни во что. Имеются исследования, утверждающие, что музыка драмы, дескать, написана на другой сюжет, не так, как его задумал Кукольник, а так, как его понял композитор²². Договорились даже до того, что слова к знаменитым романсам Глинки «Прощание с Петербургом» и «Сомнение» создал не Кукольник, а сам Глинка²³. И данное веяние становится модой. Каждое новое исследование по Кукольнику, даже спустя 100 лет со дня его смерти, только увеличивает число подобных курьезов, выполненных авторитетными людьми с большими учеными степенями и званиями

Опубликованный через 20 лет после его смерти «Дневник» признается, ни много ни мало, а «фальшивкой»²⁴, письмо Глинки к Кукольнику, автограф которого был у В. Стасова, но потом затерялся, признается тоже фальшивкой. Утверждается, что М. Глинка его не писал, а автором его является сам Кукольник²⁵.

Остается только сожалеть, что на основании большинства подобных «исследований» готовятся и защищаются диссертации, делаются доклады на научных конференциях, публикуются научные статьи.

Кукольник не был воспринят русской культурой, хотя он работает и только за 1840-1845 гг. напечатал 5 романов, 26 повестей, 5 драм и множество стихотворений. С 1836 по 1842 г. Кукольник издавал «Художественную газету», в которой ему принадлежит большая часть текста, позже - «Дагеротип», в 1845-1847 гг. - «Иллюстрацию». В этот же период вышли «Сказка за сказкой» (СПб, 1841) и «Картины русской живописи (СПб., 1842-1843)»²⁶. В конце жизни Кукольник пишет публицистику, затрагивающую актуальные темы: об управлении страной, об административном устройстве государства, об образовании, о роли женщины в обществе, о местном самоуправлении и т.д. Однако до сего дня нет даже полной библиографии его работ, многие рукописи безвозврат-

но утрачены, а те, что сохранились, лежат мертвым грузом, ненапечатанными. И в этом надо видеть следование традициям «неистового Виссариона», который прямо признавался, что он не понимает Кукольника («*Не понимаем, что это такое?*») - говорит он о «Дагеротипе»).²⁷ Белинский был не одинок. И. Тургенев, а позже В. Стасов, которые к тому же многое не воспринимали в русской культуре (К. Брюллова, И. Репина), негативно относились к Н. Кукольнику. «*Всех этих Даргомыжских, да Балакиревых, да Репиных волна смет и унесет вместе с песком и всяческой пылью*», - пророчествовал И. Тургенев. Стасов даже отнес Кукольника к «тормозам русского искусства» (1882), а Тургенев - к основоположникам «ложно-величавой школы» (1869), хотя оба выросли и стали на ноги не без влияния трудов представителей этой школы и этих «тормозов». Типичное русское неуважение к памяти предков, непонимание роли предшествующих поколений.

В 1834 г. Кукольник знакомится с М. Глинкой. Постепенно знакомство перерастает в большую дружбу. Кукольник помогает Глинке при создании опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Но сегодня этот факт также усиленно замалчивается русской культурой. Признавая, что Глинка вынужден был изменять либретто официального либреттиста Г. Розена, исследователи предполагают, что помощь в этом изменении Глинке оказывал не Кукольник, а... Жуковский. И даже тогда, когда помощь Н. Кукольника очевидна и ее опровергнуть невозможно (добавочная сцена Вани в «Жизни за царя») утверждается: «*Автор «Руки Всевышнего» приблизил образ мальчика к излюбленным персонажам своих драм, по любому поводу раздражающимся трескучими монологами*»²⁸.

К 1836 г. возникает знаменитый в свое время «триумvirат» - Глинка, Брюллов, Кукольник. И здесь «доброжелатели» доказывают, что целью триумvirата (они часто называли себя «братией») является не создание необходимой творческой атмосферы («богемы», как принято называть для аналогичных сборов творческих людей Запада), что было на самом деле, а элементарное бытовое пьянство. Подходя к яв-

лению с позиций плоского морализма, критики даже свидетельства современников не принимают во внимание.

Н.А. Струговщиков, член «братии», хорошо знавший бытовавшие там порядки, в своих воспоминаниях писал о таких «порицателях «братии»:

«И порицатели были правы: правы не в нападках на возлияния Бахусу, от которого были не прочь и друзья Виейльгорского, Одоевского и Соллогуба, чему я бывал живым свидетелем, правы были порицатели в том, что вся кукольниковская компания не внесла в нашу литературу ни одной новой, сильной мысли, не выработала ни одного здорового общественного принципа, как это не сделали и гостинные наших меценатов с их Жуковскими и Вяземскими»²⁹.

Но и до сих пор безосновательно считается, что Кукольник - человек, «за которым на полтора столетия закрепилась репутация записного гуляки и пьяницы»³⁰.

В 1843 г. Н. Кукольник поступает на службу в военное министерство. Его делают чиновником по особым поручениям военного министра. И он со знанием дела выполняет эти поручения. А они различны. Здесь и вопросы быта военных поселений, и выработка предложений по развитию каменноугольной промышленности на юге России, и подготовка замены откупов акцизами на спиртное, и организация поставок продовольствия в действующую армию во время Крымской войны, и многие другие, менее значимые вопросы. Эта многогранная сфера деятельности Н. Кукольника вообще не отражена в русской исторической, экономической и социологической науке. Вроде бы ее и не было. Пишут только, что он был чиновником и практически перестал писать. Представленный в 1847 г. Николаю I доклад Н. Кукольника о состоянии каменноугольной промышленности, который был одобрен и реализовывался по царскому указанию, нигде даже не упоминается, хотя он и содержал ряд таких предложений, как акционирование угледобычи, строительство железной дороги, освоение богатств Западного Донбасса (впоследствии многие идеи Кукольника углубил и успешно реализовал английский промышленник Юз), обеспечение судоходности гирл Дона и т.п.

Поворотным, на наш взгляд, для Кукольника явился 1848 год. В этот год произошли известные венгерские события, где правительство России поддержало Австро-Венгрию. Ранее (1839) Николай I ликвидировал греко-католическую веру на территории России. Свое значение сыграли и те события, свидетелем которых был Н. Кукольник в годы Крымской войны. Все это привело к тому, что он резко меняет свое отношение к русскому гражданскому обществу, к русскому патриотизму, русскому чиновничеству, которое погрязло в коррупции, иначе смотрит на роль русской женщины-матери в воспитании детей. Подтвердим это только одной цитатой из его записной книжки:

«Вместо того чтобы писать исторические романы и драмы, учиться и приготовляться к истории, наконец, пожалуй, и служить по части науки, художеств, просвещения, высших служебных соображений, я отправился считать кули с мукой и смотреть, только смотреть, искусно ли плутуют и мошенничают люди?»

Насмотрелся! Сначала в Воронеже я видел, как плутуют патриоты, и даже сам сплutowал, написал об этом плutowстве журнальную статейку, но ей - Богу, нечаянно! Я верил Русскому Патриотизму от души, я восхищался этим великолепным маскарадом, не зная, что (он) из моды машинально»³¹.

Изъездив всю Европейскую часть России, непосредственно видевший жизнь не из окон Невского проспекта, Кукольник обращает свое внимание на социальную сторону, которую раньше сознательно обходил. В 1850 г. в своих метаниях над вторым томом «Мертвых душ» его однокашник Н. Гоголь ищет встречи с ним. Выполняя задания по испытанию антрацитового топлива, в марте 1850 г. Н. Кукольник приезжает в Москву, где встречается с Гоголем³². Они видятся чуть ли не ежедневно вплоть до отъезда Н. Кукольника. О чем они беседовали, мы не знаем. Воспоминания? Возможно. Но, несомненно, тема «Мертвых душ» должна была занять в их беседах основное место. По крайней мере, анализ отдельных статей Гоголя в «Выбранных местах» показал, что их тематика перекликается с тематикой статей Н. Кукольника, что лежат и сегодня ненапечатанными³³.

«Я и рукой махнул на все, - пишет он несколько позже, в 1859 г. другу в Петербург, - везде, во всем и всегда обманутый, я получил отвращение от этого мира. Мне ничего не нужно. Умрется как-нибудь, но пока живется...»³⁴.

Н. Кукольник подает в отставку и, получив отпуск, едет за границу на лечение. В это время в его дневниковых заметках появляется запись: *«Поедем! - мне так скучно в Петербурге. Смерть Глинки обличила, что нравственное состояние общества не изменилось, но еще глубже запало в волчью яму, так искусно выкопанную чужеземцами. Патриоты надеялись на войну (Крымскую - А.Н.), что она соскоблит с нас гниль иноземную, до живого русского тела; разбудит патриотизм одряхлевшего общества. Ничего не бывало. Напротив того, сознание в национальной ничтожности сделалось глубже, крепче в высших слоях общества и печально, четко выразилось в последнем концерте, данном в память и, вероятно, в последнюю память Глинки. Бежать от них! Бежать хоть на время, потому что обстоятельства приковали мои ноги к этой несчастной земле, на которой есть жители, но нет еще граждан, меня выпустили на время, как узника, которого не хотят на смерть уморить духотой темницы»³⁵.*

Он тяжело переживает смерть своих друзей К. Брюллова и М. Глинки. И неожиданно для всех в 1858 г. оставляет опостылевший ему Петербург и переезжает в Таганрог: *«Слава Богу, - пишет он в 1863 г. Н.Рамазанову, - я вышел из литературного омута так чист по совести, как ни одному из нынешних деятелей, вероятно, не удастся, а потому мнение Каткова, Писемского, всего Собора московских и петербургских, особенно нынешних литераторов не может меня ни оскорбить, ни огорчить»³⁶.*

О причине переезда высказывается много разных версий. Перечислять их нет необходимости, но похоже, что им движет желание остаток дней своих посвятить освоению несметных богатств Западного Донбасса, о которых он докладывал еще в 1847 г. императору. Для этого он обосновывает и добивается строительства железной дороги Харьков-Таганрог, идущей через весь Западный Донбасс³⁷. Дорога сдана в эксплуатацию в 1869 г., спустя год после смерти Н. Кукольника.

В Таганрогский период жизни Н. Кукольника основной становится его общественная деятельность. Он ставит вопрос о создании в Таганроге общественно-политической газеты, но наталкивается на противодействие генерал-губернатора А. Строганова. Да и как можно открывать такую газету в Таганроге, если на то время Одесса, центр губернии, своей газеты не имеет?

В 1857 г. он ставит перед министром народного образования Норовым вопрос об открытии университета, обслуживающего юг России («между Азовским и Каспийским морями»). На записке есть положительная резолюция императора Александра II. Ее направляют для заключения попечителю Одесского учебного округа Н.И. Пирогову. Известный хирург, в это время работавший на ниве образования, высказывается против, называя земли между Азовским и Каспийским морями «*страной полудикой*»³⁸, и университет открывают в Одессе. Н.Кукольник добивается открытия окружного суда в Таганроге и обращается к Александру II с запиской по вопросу злоупотреблений, допускаемых местными чиновниками, для чего предлагает выделить побережье Азовского моря в особый регион типа губернии, но успеха не добивается.

Кукольник продолжает писать. В отличие от прежних лет, когда основным сюжетом у него был патриотизм и судьба творческого человека в обществе, у него на первый план выдвигается социальная тематика. Он пишет роман «Две сестры» о польском восстании 1863 г. и драму «Гоф Юнкер» о коррупции, которая уже в то время разъедала общество. Роман с трудом удастся опубликовать, а драма была запрещена цензурой и так и осталась в рукописи до сего дня. Он задумывает цикл воспоминаний и эссе под название «Письма к потомкам», но его отказываются печатать. Ряд своих публицистических статей он публикует анонимно, без какой-либо подписи.

Ощущая неприязненное отношение властей к себе, Н. Кукольник в последние годы своей жизни пишет произведения специально изобретенным им шифром. Рукописи только недавно расшифрованы. В них Н. Кукольник предсказывает незавидное будущее России, которая превратится в подобие

публичного дома, где все продается и покупается. Для того чтобы добиться нужного социального воздействия на читателя, Н. Кукольник избирает эротический жанр. Действующими лицами выступают конкретные высокопоставленные лица, элита общества, которая в миру говорит одно, а делает другое, рассуждая «об уважении ко всем». Выбранный жанр делает эти зашифрованные произведения эпатирующими, показывающими, до какой степени дошел упадок нравственности современного Н. Кукольнику общества.

В своем творчестве Н. Кукольник отдельно не затрагивал карпаторусской тематики. Трудно сказать, чем это объяснить. Возможно, тем, что он находился под постоянным надзором шефа жандармов. Но то, что он понимал и разделял стремление народа, к которому принадлежал, к национальному самоопределению, к сбережению традиций и национальных особенностей, несомненно. Об этом он пишет в 1863 г. в письмах к Кушелеву-Безбородко:

«Я слишком далек от пошлого славянофильства, но признаю необходимость исторической славянской лихорадки, которая должна, как период переходной, перевести нас к более общим принципам всецелого человечества. А потому, выдерживая борьбу с фанатизмами, мы должны понимать их и стойко держаться идеи братства славянских народов. Теперь оно кажется возможным, но с развитием России в либеральном смысле оно более чем возможно и верно»³⁹.

Будущее Н. Кукольник видел в образовании народа *«Одну проповедь читать нужно: учитесь, - пишет он А. Краевскому 3 февраля 1861 г. - Учитесь крепче, учитесь глубже. Не воскресные школы, ... ныне народные школы, крепко обязательные, вот что нам нужно. Дороги и школы, школы и дороги; а тогда научимся и поедем прямым путем»*. Об этом он пишет в 3-м Азовском письме, говорит в Таганроге на торжественном обеде, данном по случаю отмены крепостного права и др. Мысли Кукольника перекликается с идеями карпаторусских деятелей того времени. Так, А.И. Добрянский видел будущее русинского народа не в политике, а в просвещении и истинно христианской вере (1886) (см.Ф.Ф. Аристов, 1916, с.176).

Умер он внезапно, 8 (20) декабря 1868 г., собираясь в театр. Протягивая жене коробку конфет, он внезапно падает бездыханным. По городу распространяется слух, что его отравили. Слух этот бытует до сего времени, не опровергнутый и не подтвержденный⁴⁰.

Показательна посмертная судьба Н. Кукольника. В 1931 г. могилу его оскверняют, прах выбрасывают. Останки Кукольника и его жены долго лежат среди мусора и зарослей лопуха, пока не исчезают в неизвестном направлении. Зброшенная могила несколько лет (примерно около пяти) зияет, как раскрытое жерло. В 1968 г. все, что осталось от могилы, было вывезено на свалку со строительным мусором при планировке строительной площадки.

Отдавая дань памяти Н. Кукольника, надо сказать, что его судьба, его любовь к России, вера в Россию и та незаслуженная неприязнь к нему некоторых представителей культуры России должны стать сегодня хорошим жизненным уроком. И хотя Н. Кукольник не востребован сегодня русской культурой, хочется верить, что русская и мировая культура не останутся безразличны к этой выдающейся личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукольник Н. Статья без заглавия // Сын Отечества. 1858. № 1. С. 18.
2. ЦГИА. Фонд 1343. Опись 23. Дело 10215. Л. 78 и об.
3. Кукольник Н. Мои воспоминания // Исторический Вестник. 1891. № 7. С. 79.
4. Там же.
5. Кукольник Н. И.С. Орлай (из записной книжки) // Гимназия и лицей Высших наук. 1857 г. С. 76.
6. Письма Митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский Архив. 1889. Кн. 2. С. 179-181.
7. Машинский М.С. Чемодан Адеркаса. Москва, 1974. С. 4-104.
8. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. № 74. Л. 49.
9. Каратыгина А.М. Воспоминания // Каратыгин П. Записки. Ленинград, 1939. С. 122.
10. Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Том 1. Запись от 10 января 1836. Москва, 1955.

11. Кукольник Н. Рецензия «Репертуара» и «Пантеона» // Русский Вестник. 1841. Т.1. С. 199-222.
12. Неизвестный автор. К 30-летию со дня смерти Н.В. Кукольника // Новое время. 1898. № 8188.
13. Неизвестный автор. О драме // Литературные приложения к «Русскому инвалиду». № 40-42. С. 316-336.
14. Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии XVII - первая половина XIX века. Москва, 1982. С. 237-267.
15. Огарышева Н. Все мы - загадочный текст // Литературная газета. 2003. Апрель. № 14.
16. Кони Ф.А. Князь Даниил Дмитриевич Холмский (рецензия) // Литературная газета. 1841. № 113.
17. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. Ед.хр. 33. Л. 10-11.
18. Цитируется по: Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Т. 1. Москва, 1916. С. 207.
19. Мушкетик Ю. Жовтий цвіт кульбаби. Собрание сочинений в п'яти томах. Том 1. Київ, 1987. С. 486- 696.
20. Юрий Мушкетик вийшов з оргкомітету // Літературна Україна. 4 червня 2002. № 25.
21. Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи // Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки. 1995.
22. Туманина Н. Музыка Глинки к трагедии Кукольника «Князь Холмский» // Сборник материалов и статей. Москва-Ленинград, 1950. С. 214-215.
23. Рыбакова П. Глинка и Кукольник // Советская музыка. 1957. № 2. С. 61-64.
24. Штейнпресс Б.С. «Дневник» Кукольника как источник биографии Глинки // Глинка. Исследования и материалы. Москва-Ленинград, 1950. С. 88-118.
25. Розанов. Комментарий // Полное собрание сочинений М.И.-Глинки. Литературные произведения и переписка. Том второй Б. Москва, 1977. С. 295-303.
26. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XVI. С. 945.
27. Белинский В.Г. Собрание сочинений. ИАМ АН. Том 6. С. 186.
28. Гозенпуд А. Русский оперный театр XIX в. Ленинград, 1969. С. 65.

29. Струговщиков А.Н. Михаил Иванович Глинка // Глинка в воспоминаниях современников. Москва, 1955. С. 186-198.

30. Абрамов В. Слухов об отравлении Кукольника ходило много... // Чудеса и приключения. 2003. № 2. С. 35-37.

31. ИРЛИ. Отдел рукописей. Фонд 371. Дело 90. Л. 1. «Статейка», о которой идет речь была напечатана в газете «Воронежские губернские ведомости» за 1854 г. № 13, 14.

32. Данилов В.В. Несколько новых дат к хронологической канве Н.В. Гоголя // Гоголь: статьи и материалы. Ленинград, ЛГУ, 1954. С. 385-286.

33. Николаенко А.И. Гоголь и Кукольник // Література та культура Полісся. Вип. 14. Ніжин, 2000. С. 46-56.

34. Отдел рукописей ГПБ. Фонд 402. Описание 2. Дело № 12.

35. Отдел рукописей ГПБ. Фонд 402. Ед. хр. 1. Л. 6-7.

36. Шукинский сборник. Вып. 6. Москва, 1907. С. 424-425.

37. Кукольник Н. Письмо к редактору // Содействие русской торговле и промышленности. 1868, 21 марта. № 60. С. 268

38. Пирогов Н. Критический разбор Пироговым записки Кукольника о необходимости учредить в Таганроге университет. ГАРО. Фонд 579. Описание 1. Дело 493. Л. 1 и об.

39. ГПБ, Отдел рукописей. Фонд 391. Описание 1. Ед. хр. 405. Л. 6 и 7 об.

40. Марсов А. Загадочная смерть Нестора Кукольника // Аргументы и факты на Дону. 2001. № 50.

Иллюстрация Портрет Н. Кукольника работы К. Брюллова (Третьяковская галерея). Фрагмент.

Михаил АЛМАШИЙ

**Закарпатское областное
научно-культурологическое общество
им. А. Духновича**

Закарпатское областное научно-культурологическое Общество им. А. Духновича создано на базе Мукачевского городского Общества им. А. Духновича (председатель Бисага С.К., 63 члена), Мукачевского районного (председатель Дудаш А.Л., 19 членов), Свалявского районного (председатель Лакатош Б.Ю., 179 членов), Перечинского районного (председатель Ганич Я.Я., 27 членов), Воловецкого районного (председатель Керецман И.В., 46 членов) обществ в 1995 г. В пяти гор-районных структурах по состоянию на 23 июля 2004 г. насчитывается 336 членов.

Перерегистрировано 23 июля 2004 г. Закарпатским областным управлением юстиции (Свидетельство о государственной регистрации объединения граждан № 425 от 23 июля 2004 г.). Главная цель Общества согласно Уставу и Свидетельству о регистрации - изучение и распространение среди своих членов теоретического (исторического, художественно-творческого, фольклористического, педагогического) наследия А. Духновича; удовлетворение и защита социальных, экономических, творческих и других общих интересов членов Общества. Общество проводит содержательную научно-культурологическую работу, научные конференции, симпозиумы, конкурсы, фестивали, «педагогические академии», о чем писала областная пресса, в частности «Новини Закарпаття» и районные газеты. Общество с первых дней своего существования ведет хронику (летопись) своей деятельности. Правление Общества состоит из девяти человек, за которыми закреплены обязанности в четырех комиссиях: организационной (Лендел М.В., Ганич Я.Я.), научной (Бисага С.К., Дудаш А.Л.), культурологической (Лакатош Б.Ю., Керецман И.В.), педагогической (Бецанич А.И.). Каждая комис-

сия имеет свой широкий актив, через который реализуются все идеи, замыслы и практические дела Общества. Утверждена ревизионная комиссия, казначей. В городах и районах созданы первичные ячейки Общества.

Вся организационно-массовая работа (заседания правления, обмен опытом работы, создание библиотек и др.), научная (конференции в связи с юбилейными датами научных и общественно-культурных деятелей края, симпозиумы), педагогическая («педагогические академии»), культурная (фестивали, конкурсы) проводятся на местах, в районах, селах, учебных заведениях. Некоторые трудности связаны с отсутствием соответствующей материальной базы (залы, комнаты, площадки и др.) и, главным образом, с необходимостью приблизиться как можно плотнее к массам, к местной прогрессивной интеллигенции, учительству, школьникам, студенчеству. Нынешнее Общество в связи с новыми социально-политическими условиями и по требованию участников учредительной конференции приняло до некоторой степени модернизированное название, которое не соответствует названию, утвержденному учредительной конференцией 23 марта 1923 г. в Мукачеве. Тогда оно называлось так: Русское культурно-просветительное Общество им. А. Духновича. Для тех времен это название соответствовало содержанию работы, вытекающей из потребностей того времени: просвещение отсталого народа, развитие культуры во всех ее формах, повышение культурного уровня населения после распада Австро-Венгрии (открытие хат-читален, библиотек, организация драматических кружков, хоровых коллективов, оркестров, проведение Дней русской культуры и т.д.). В нынешних условиях, когда после продолжительного периода советского образа жизни и единой коммунистической идеологии, а также неблагоприятной ситуации в Украине (фальсификация истории родного края, девальвация культурных ценностей, приобретенных закарпатцами, в частности русинами, под влиянием идей и практической деятельности А. Духновича, потеря у молодого поколения исторической памяти о своих великих предках, ассимиляционные процессы в области науки, культуры, просвещения, всей духовной сферы) задача общественных организаций приобретает несколько другие очертания.

Сегодня люди грамотные, высокообразованные, и формы просветительства прошлых лет уже не оправдывают себя, не имеют практического применения и являются анахронизмами. Пришло время научного обоснования многих исторических позиций, пересмотра литературных процессов, очищения аутентичного фольклора от чужеродных элементов, в частности песенного и сказочного фольклора; каждое культурное явление требует научного обоснования, т.е. должно иметь и прикладной, и научно-аналитический характер. Всем этим продиктовано новое название: Научно-культурологическое Общество им. А. Духновича. Новому названию соответствуют содержание и формы работы, план практической деятельности Общества. Под пристальным учебно-методическим вниманием Общества находятся русинские воскресные школы, по его инициативе проводятся фестивали славянских культур. Общество имеет тесные творческие связи с Мукачевским русским драматическим и Закарпатским музыкально-драматическим театрами (в вопросах постановки пьесы А. Духновича «Добродетель превышает богатство», премьеры в Мукачевском театре драмы Е. Фенцика «Покорение Ужгорода»). По инициативе Общества в апреле 2004 г. проведена первая в Закарпатье конференция на тему «Рождение и эволюция идеи красоты в контексте развития культуры Карпат». В Мукачево в октябре 2004 г. состоялась конференция по случаю 160-летия со дня рождения Е. Фенцика (поэта, драматурга, фольклориста, исследователя славянских языков и литератур, педагога). В селе Великие Лучки Мукачевского района 20 ноября 2004 г. местные жители прослушали интересные доклады ученых-историков и лингвистов на конференции, посвященной 215-летию со дня рождения их земляка, ученого (языковеда, историка, фольклориста) Михаила Лучкая.

Закарпатское областное научно-культурпологическое Общество им. А. Духновича - неполитическое объединение и действует в пределах действующего законодательства (Конституции Украины, Закона Украины о национальных меньшинствах в Украине).

Конференция
«Государственная самостоятельность
Украины и Белоруссии: основные
тенденции освещения прошлого восточного
славянства мировой наукой»
(Москва, 13-15 сентября 2004 г.)

В Москве прошла международная конференция, названная организаторами «Государственная самостоятельность Украины и Белоруссии и основные тенденции освещения прошлого восточного славянства мировой наукой». В качестве организаторов встречи выступили Институт славяноведения Российской Академии наук (отдел восточного славянства) и Российский Государственный гуманитарный университет (кафедра мировой политики и управление международных связей).

В течение трех дней работы было заслушано в общей сложности 27 докладов и сообщений, касавшихся пестрого многообразия историографических сюжетов - от древнерусского периода вплоть до событий недавних дней. Особое внимание привлекли темы национализации истории в сегодняшней Украине и противоположных тенденций в Белоруссии. Последнее, в сущности, не удивительно: после распада СССР историческая наука в бывших республиках развивалась в совершенно разных направлениях. И именно диалог - критический обмен мнениями - был определен организаторами в качестве главной цели данной научной встречи.

Как и следует из названия мероприятия, кроме россиян собственный взгляд на современную историографию представили также ученые Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Германии, Италии и Японии. На московскую конференцию приехали известные слависты: Джованна Броджи Беркофф (Миланский ун-т), Эугенюш Коко (Гданьский ун-т), Райнер Линднер (ун-т г. Констанца) и Кимитака Мацузато (ун-т Хоккайдо). Украинскую науку представляли Георгий Касьянов, Владимир Рычка и Наталия Юсова из

Института истории НАНУ, а также Анатолий Круглашов из Черновицкого университета. Репрезентантами Белоруссии выступили минчане Александр Бендин (Белорусский гос. ун-т), Андрей Киштымов и Геннадий Саганович (Ин-т истории НАНБ). Ирина Благодатских из Приднестровского государственного университета была единственным представителем научной общественности разделенной Молдавии. Костяк российских участников составили сотрудники Института славяноведения, а именно: Елена Борисенок, Леонид Горизонтов (председатель оргкомитета), Марина Досталь, Мария Клопова, Юрий Лабынцев, Светлана Лукашова, Михаил Робинсон, Анна Хорошкевич и Лариса Щавинская. Также участие в конференции приняли Тамара Гузенкова (Российский ин-т стратегических исследований), Сергей Михальченко (Брянский гос. ун-т), Александр Шубин (Ин-т всеобщей истории РАН), Татьяна Яковлева (гос. ун-т Санкт-Петербурга) и др.

Отметим, что среди поднимавшихся на конференции тем нашлось место и для русинской проблематики. Так, бурную дискуссию вызвал доклад д.и.н. М.Ю. Досталь «Некоторые тенденции в освещении истории Закарпатья в трудах ужгородских ученых последнего десятилетия», автор которого попыталась проанализировать официальную украинскую и альтернативную русинскую точки зрения на прошлое края. Не скрывая собственных симпатий к возрождающемуся русинству, но отдавая должное стремлению к научной беспристрастности, Марина Досталь пришла к следующему выводу: «При существующем противостоянии и противоборстве общеукраинского и русинского направлений, несмотря на несомненные успехи исторических исследований, трудно рассчитывать на воссоздание объективной картины исторического развития края». Русинской теме было посвящено сообщение «Судьбы греко-католической церкви на Пряшевщине в XX столетии в современной словацкой историографии», сделанное Михаилом Дроновым.

Главным итогом мероприятия стала разработка ряда дальнейших совместных проектов ученых России, Украины и Белоруссии. Материалы конференции, включая расширенные

статьи участников, планируется издать в качестве отдельного сборника. Программа и тезисы докладов уже сейчас доступны в Интернете по адресу: www.vostslavia.narod.ru

Коллоквиум «Slováci, Rusíni, Ukrajinci a ich vzájomné vzt'ahy v kontexte etnickej sebareflexie» (Пряшев, 16 ноября 2004 г.)

16 ноября 2004 г. в Пряшеве (Словакия) состоялся научный коллоквиум под названием «Slováci, Rusíni, Ukrajinci a ich vzájomné vzt'ahy v kontexte etnickej sebareflexie». В качестве организаторов встречи выступили кафедра словацкой истории и архивного дела и кафедра всеобщей истории Пряшевского университета совместно со Словацким историческим обществом при Институте истории Словацкой АН.

Вел коллоквиум известный ученый - профессор Михал Данилак (*Dr.h.c. prof. PhDr. Michal Danilák, CSc.*), подготовивший подробное введение в рассматриваемую проблематику. Доклады участников касались широкого хронологического спектра - от XVI столетия по 1945 г. включительно.

Несомненно, общий тон зададо выступление д-ра Яна Адама, посвященное словакам и русинам в Маковицком панстве в XVI-XVIII вв. (*Mgr. Ján Adam, PhD. - Slováci a Rusíni na makovickom panstve v 16. - 18. storočí*). Тесно связанной с угорскими русинами была тема доцента Либуши Франковой, глубже раскрывающая проблему формирования представлений о географии словацкой этнической территории в конце XVIII - первой половине XIX в. (*Doc. PhDr. Libuša Franková, CSc. - K formovaniu predstáv o slovenskom etnickom a geografickom území v slovenských národnoobraných aktivitách proti maďarizačným tendenciám v Uhorsku (1780 - 1848)*). Профессор Михал Отченаш посвятил свое внимание отношению к русинам видного словацкого национального деятеля Йозе-

фа Милослава Гурбана (*Prof. PhDr. Michal Otcenáš, CSc. - J.M. Hurban a Rusíni*). Тематические границы коллоквиума, преимущественно сосредоточенные в Карпатском регионе, были заметно расширены благодаря докладу доцента Любицы Гарбулевой об отражении в словацкой печати украинской политической жизни 1917-1918 гг. (*Doc. PhDr. Lubica Harbulova, CSc. - Odras vnútropolitického vyvoja na Ukrajine v rokoch 1917 - 1918 v slovenskej tláči*). Д-р Петер Коваль постарался проанализировать взгляды на словацко-русинское этническое пограничье, высказанные в начале прошлого века Любором Нидерле и Самуэлем Цамбелом (*PhDr. Peter Koval - Lubor Niederle a Samuel Czambel - český a slovenský pohľad na slovensko-rusínske etnické hranice na začiatku 20. storocia*). О процессах становления национального самосознания словаков и русинов на контактной территории в межвоенный период говорил известный исследователь данной проблемы профессор Петер Шворц (*Prof. PhDr. Peter Švorc, CSc. - Národnouvedomovací proces Slovákov, Rusínov a Ukrajincov na kontaktnom území v rokoch 1918 - 1939 a jeho základné determinanty*). Логическим завершением затронутых на коллоквиуме тем явился доклад д-ра Мартина Пекара, посвященный восприятию русинского нацменьшинства в Словакии в 1939-1945 гг. (*PaedDr. Martin Pekař - K vnímaniu Rusínov a rusínskej otázky na Slovensku v rokoch 1939 - 1945*).

Ценной составляющей научной встречи стала плодотворная дискуссия, участие в которой приняли как докладчики, так и гости. В этой связи необходимо особо отметить выступление присутствовавшего на мероприятии академика НАН Украины Николая Мушинки, который познакомил собравшихся с редкими документами и изданиями из собственного архива. Много внимания было уделено трактовке понятий «русин» и «руснак», подходам к определению этнической идентичности в условиях пограничья и др. вопросам.

Можно уверенно сказать, что прошедший коллоквиум явился очередным свидетельством неумещающегося интереса словацких ученых к проблематике русинов и украинцев.

PaedDr. František Dancák:
Emil Kubek 1857-1940. - Vydavateľstvo Petra.
Prešov, 2004.- 40 strán.

Как известно, кропотливый исследовательский труд бывает нередко вознаграждаем новыми материалами, открытиями, предположениями. Своеобразным подтверждением сказанному является новое издание монографии о. Франтишека Данцака, посвященной Эмилию Кубеку (1857-1940) - русинскому церковному и общественному деятелю, а также довольно талантливому литератору своего времени. Будучи грекокатолическим священником и этническим словаком, автор уже около 30 лет занимается исследованием жизни и творчества одного из ярких представителей русинской интеллигенции конца XIX - начала XX столетия, каковым, несомненно, является Кубек.

Первое издание¹, появившееся пять лет назад, вызвало немалый интерес у историков и литературоведов. Автором наиболее подробной и основательной рецензии тогда выступил известный пряшевский карпатовед академик Николай Мушинка, весьма высоко оценивший книгу². Говоря же о недостатках, он, в частности, обратил внимание на неполную библиографию статей о Э. Кубеке, а также на отсутствие данных о многих публикациях самого Кубека.

Последующие несколько лет автор не прекращал собственные поиски. А в июне 2003 г. во время проходившего в Пряшеве VII Всемирного русинского конгресса, профессор Торонтского университета Павел Роберт Магочий подарил Франтишеку Данцаку копии публикаций о Кубеке и крайне редкие экземпляры некоторых его книг. Эти материалы послужили стимулом к новому, значительно переработанному изданию монографии.

В своей работе Ф. Данцак постарался осветить наиболее важные жизненные этапы и сферы деятельности Эмилия Кубека (минуя лишь его участие в политике, требующее отдельного исследования).

Автор отдельно останавливается на детстве Э. Кубека, проведенном им в родном селе Штефуров (согласно нынешнему административно-территориальному делению - Свидницкий округ Пряшевского края Словакии), где его отец был греко-католическим священником. Время нелегкой учебы Кубека прошло в Алумнеуме св. Иоанна Крестителя в Пряшеве. В главе, названной «*Kňazske povolanie*», рассмотрены первые годы его пастырской деятельности, начавшейся сразу после свадьбы и рукоположения во священники в 1881 г. В разные годы Эмилий Кубек служил в Гомроге, Якубьянах, Кремной и Снакове. Сразу три последующие главы («*Oprava a výstavba novzch budov*», «*Výstavba kaplnky*», «*Starostlivý hospodár*») прекрасно характеризуют Кубека не только как священника, но и как хозяйственника. В 1904 г. о. Эмилий Кубек навсегда переселился в Соединенные Штаты, где к тому времени уже была сильная русинская диаспора. По мнению автора, отъезд мог быть вызван желаниями улучшения материального состояния семьи и более полной реализации собственных литературных амбиций (глава «*Odchod do Ameriku*»). Вплоть до 1936 г. Кубек исполнял обязанности священника в греко-католическом приходе г. Маханой-сити (штат Пенсильвания), где и скончался в 1940 г. Отдельно Ф. Данцак останавливается на общей характеристике литературной деятельности Кубека, затрагивая в т.ч. немаловажные языковые аспекты. Более подробно его поэзия и проза рассматриваются в разделе «*Dielo Emila Kubeka*», где приводится снабженный комментариями список всех известных на сегодняшний день произведений. Несколько детальнее раскрывается содержание романа «*Marko Šoltys*» (1915).

Общий вывод Франтишека Данцака является все же печальным: «*Dielo Emila Kubeka nie je teda ešte v plnom rozsahu ocenené a neprávom zabudnuté*».

Автор, отдающий предпочтение размеренному, лаконичному стилю повествования, обогатил текст книги многочисленными цитатами из корреспонденции и художественных произведений Кубека.

Несомненно, данная монография Ф. Данцака является в настоящее время наиболее полной публикацией, посвященной Эмилию Кубеку. Учитывая ареал деятельности Кубека,

она представляет большой интерес для исследователей истории и литературы как Пряшевщины (и шире - всего Закарпаття), так и русинской диаспоры на Американском континенте. Хотя, как нам кажется, автор, затрагивая русинский патриотизм и прорусские симпатии Кубека, мог бы несколько подробнее проанализировать его представления о месте угорских русинов в контексте восточного славянства.

К сожалению, второе издание значительно уступает первому в объеме и полиграфическом исполнении. Отсутствуют бывшие в первом издании приложения - документы и стихи Э. Кубека (правда, в начале книги приводится не опубликованное в предыдущем издании стихотворение «Materinskaja ljubov»). Уменьшилось количество иллюстраций. Однако все это несколько не влияет на ценность вышедшей монографии, особенно если учесть, что автор подготовил второе издание полностью за свой счет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dancák F. Emil Kubek: kňaz, básnik, spisovateľ, jazykovedec, rodolub. Prešov, 1999.
2. Мушинка М. Книжка про першого романописця Пряшівщини // Дукля. 2000. № 4. С. 62-64.

Материалы на с. 142-148 подготовлены

Михаилом ДРОНОВЫМ

Богдан ГОЛИК

Лемковщина, которой нет

На Лемковщине, в моем родном селе Лупков, я в последний раз был в 1943 г., когда мне было 9 лет. Мои воспоминания основаны на том, что наблюдал я сам, и том, о чем мне рассказывали родители, старшие сестры, земляки.

Село Лупков находилось на самой границе Польши и Словакии, у знаменитого Лупковского перевала, названного так по имени села. Я пишу «находилось», так как в настоящее время, как мне рассказывали люди, побывавшие в нем в 70-80-х гг. прошлого века, от села осталось только несколько зданий да железнодорожная станция. А вокруг территория покрыта зарослями кустарника, только кое-где можно обнаружить в них места, где когда-то были жилые дома. Такая страшная картина возникла после насильственной депортации лемков, проведенной польскими властями в 1946 г. и названной «Операция «Висла»».

Жить лемкам и прежде было нелегко. Поколение за поколением они вели тяжелую борьбу за выживание. Лемковщина, особенно та часть, где находилось наше село, довольно высокогорная местность, и возделывали землю только на сравнительно ровных участках между горами и на более-менее пологих склонах гор. Земля там бедная, и, чтобы росли в тех местах самые нетребовательные культурные растения, нужно было усиленно удобрять почвы. Сажали и сеяли в основном картошку, овес, ячмень, рожь, лен и только на особенно урожайных участках - пшеницу. Зато у всех было много скота, особенно лошадей и коров.

На Лемковщине уже к середине XIX в. почти вся земля была освоена, и делить ее во многих случаях больше не было возможности. А семьи на Лемковщине были, как правило, многодетные, земли не хватало, и из сыновей часто только старший мог, унаследовав отцовский надел, оставаться в селе. Очень многие лемки ежегодно уезжали из страны, как в це-

лях поиска работы, так и на постоянное место жительства. Особенно часто уезжали в США и Канаду. Возвращались в Лупков, как правило, те, кто за границей заработал достаточно денег, чтобы купить землю и постройиться.

Мой отец, родившийся в 1886 г., и мать, 1895 г. р., выросли еще в курных хатах, при свете лучины, ходили в домотканой одежде. Одежда у моих односельчан, особенно женская, была красивая и очень своеобразная, только лемкам присущая. Но она включала и элементы польской, венгерской и словацкой национальной одежды. Поскольку одежда была из домотканого полотна, то его требовалось много и, соответственно, очень много пряжи. Поэтому женщины в зимний период пряли до изнеможения. Поскольку у пожилых женщин от постоянной тяжелой работы и прядения руки слушались уже плохо, прядением больше всего приходилось заниматься невесткам. Рассказывают, что сына, который должен был остаться на хозяйстве, родители понуждали жениться именно для этого.

Девушки, которые любили прясть и умели это хорошо делать, были желанными невестками. Моя мать вышла замуж в 16 лет, и ее тут же заставили прясть. Мне она как-то рассказала, что один раз за прядением она то ли уснула, то ли потеряла сознание и упала со скамейки на пол. Свекровь привела ее в чувство и опять засадила за работу.

Европейскую известность мои родные места получили в годы первой мировой войны, в период боев на Лупковском перевале. Из событий того времени мне запомнились рассказы матери. Летом 1916 г., после Брусиловского прорыва, русские войска, нанеся сокрушительное поражение австрийской армии в Восточной Галиции, развили наступление и дошли до Лупковского перевала. Здесь, в горах, австрийцы успели создать сильно укрепленную линию обороны и остановили наступление русских войск. Прямо за нашим селом образовалась линия фронта, и большинство жителей бежали в другие места.

Отец, призванный в австрийскую армию, к этому времени уже находился в плену в Сибири. Не желая воевать против России, он ушел из своей части в расположение русских войск. Когда село заняли русские, мать была беременна и эвакуи-

роваться не смогла, осталась дома одна с трехлетним сыном. Когда у нее начались роды, их принял у нее русский военфельдшер или врач. Мать помнила только, что один из военных ее очень часто посещал, приносил какие-то лекарства, что-нибудь поесть и успокаивал ее. Почти никакого языкового барьера между солдатами и местными жителями не было.

Лемковский диалект был настолько же близок к разговорному русскому языку, как и к формировавшемуся литературному украинскому. Во всяком случае, моя мать и крестьяне свободно общались с русскими. Солдаты относились к ней очень дружелюбно. Мой старший брат Михаил, которому было тогда три года, ходил среди них в длинной рубашечке и, подогнув ее низ, просил, чтобы они что-нибудь дали матери. У солдат из лакомств был только кусковой сахар, и они быстро наполняли им его рубашонку. Он приносил его матери и высыпал у ее изголовья.

По рассказам сельчан и матери, русские несколько раз ходили в атаку, пытаясь в рукопашной схватке выбить австрийцев из окопов, но каждый раз неудачно. Уходя из Лупкова, русские оставили матери немного продуктов и сахара.

С русскими войсками ушли и некоторые сельчане. Ушел с ними и мой дядя, брат отца. В целом, как с Лемковщины, так и из Галиции с отступающей русской армией ушло значительная часть населения. По некоторым данным, это были десятки тысяч, по другим - около 200 тысяч, точно никто не знает. Многие уходили целыми семьями, забирая с собой домашнее имущество, угоняя скот. Те, кто остался в родных местах, когда возвратились австрийцы, сильно пострадали. За годы войны австрийцы уничтожили в тюрьмах, лагерях, просто расстреляли около 100 тысяч русинов. Очень много русинов-солдат австрийской армии было казнено за попытки перейти на сторону русских войск, за дезертирство, за симуляцию различных болезней. По рассказам односельчан, провинившимся солдатам-русинам связывали за спиной руки и подвешивали за них на деревья. Лупковский священник по фамилии Грабец, человек для своего времени очень образованный, был заключен в страшный лагерь Талергоф.

По количеству русинов, в том числе лемков, бежавших с российской армией, по числу арестованных и казненных моих земляков мы можем судить о их национальном самосознании и государственной ориентации. Убедившись, что воевать против русских русины не хотят, австрийское командование направило их на итальянский фронт. Там противник был другой, но русины не желали защищать Австро-Венгрию и также сдавались в плен. Среди них были люди, которые уже тогда называли себя украинцами. В плену украинцы испытывали некоторые неудобства потому, что итальянские власти отказывались их записывать украинцами, мотивируя это тем, что не знают такой нации. Пленного спрашивали, откуда он родом, и если тот говорил, что из Галиции, его записывали «галичанин».

Вспоминать эти и последующие события тяжело, но это необходимо делать для того, чтобы понять, кем же были наши деды и прадеды и, следовательно, кто такие мы сами. Священник Грабец выжил в лагере Талергоф, возвратился в Лупков и многое рассказывал о пережитом. У него сохранилась с довоенных времен довольно хорошая библиотека, и он давал читать книги всем, кто желал читать. В те времена сельский священник очень часто был больше, чем церковнослужитель, он был и просветитель, и советчик, а то и защитник безграмотных или малограмотных крестьян. Таким был и священник Грабец. К нему приходили за советом и помощью не только жители нашего села, но и многих близлежащих. У него на всех хватало терпения, выдержки. Он всем старался помочь, чем мог.

Но времена были сложные. После первой мировой войны Лемковщина оказалась в составе Польши. Поляки - и польские власти, и польская интеллигенция - утверждали, что лемки - это поляки, а участники украинского национального движения утверждали, что лемки - украинцы. Сами лемки, как и их деды и прадеды, называли себя руснаками и не желали менять свою национальную принадлежность. Конечно, рассуждая об этом, крестьяне во многом ориентировались на мнение священника, человека не просто грамотного, но образованного.

Отец Грабец был убежденным русином, и своего национального сознания не скрывал. Этим он вызвал ненависть к себе и у польских, и у украинских националистов. Морозным осенним вечером 1926 г., когда он возвращался из соседнего села, на него внезапно напали неизвестные, набросили ему на голову мешок, избили и бросили в ледяную речку. После этого он умер. Но о нем очень долго помнили в наших краях. Память о таком человеке, как о Грабце, стоило бы увековечить.

Времена второй мировой войны моим односельчанам запомнились событиями, связанными с Лупковским железнодорожным тоннелем. Этот тоннель проходит под Лупковским перевалом недалеко от нашего села. То ли в конце первой мировой войны, то ли в начале второй тоннель был взорван. Уже в 1943 г. немцы поняли, что этот тоннель может им пригодиться для пропуска отступающих немецких войск, и начали его восстанавливать. Работы велись около двух лет, туннель восстановили, когда фронт уже вплотную подошел к нашим краям. На подходах к туннелю скопилось много железнодорожных составов, но ночью появились советские самолеты и вдребезги разбомбили их и вход в туннель.

Вскоре на Лемковщину вступили советские войска, и им также понадобилось перебрасывать грузы через перевал. И русские нашли решение, вызвавшее растерянность у пленных немцев и восхищение и гордость у местного населения. Советский военный инженер за 18 дней спроектировал и построил объездной железнодорожный путь. Прошло меньше месяца, и по объездному пути пошли составы. На строительстве этого пути днем и ночью вместе с советскими солдатами трудились крестьяне окрестных сел. Они были рады, что смогли внести и свой вклад в общую борьбу с немцами.

Нужно сказать, что прокладка и постройка железных дорог в горной местности в столь короткие сроки считается очень сложным делом. Рассказывали, что удивленные проведением таких сложных работ в столь сжатые сроки словацкие и чешские инженеры специально приехали, чтобы встретиться со строителями этой объездной дороги. Но они были еще больше удивлены, когда узнали, что проектированием

пути и руководством работ занимались офицер в потертой шинели и старшина в фуфайке.

Работа на стойбище и на железной дороге дала заработок тысячам семей. Но радость крестьян было недолгой. Вскоре советская военная администрация начала перепись населения. Ее представители наотрез отказались признать право моих земляков называть себя русинами или руснаками. Им объясняли, что такой нации не существует. Им разрешали записаться либо поляками, либо украинцами. На просьбу записаться русскими тоже последовал отказ. Лемкам было очень трудно принять другую национальность. После долгих бесед и разъяснений их «записали» украинцами.

Но вскоре появились поляки и заявили лемкам: раз вы украинцы, то убирайтесь отсюда, с «польской» земли. Требование было настолько категоричным и подкреплялось такими действиями, что противоречить было очень опасно. Униженные, подавленные лемки оставляли свои дома, свое имущество и уезжали в неизвестность. Так закончилась история той части Лемковщины, которая перешла к Польше после второй мировой войны.

Михайло ГОРНЯК

Обсяжно о нукашней структури русского языка

(Юлиян Рамач, Граматика русского языка,
Завод за учебніки и наставни средства, Београд, 2002)

У нашей ширшей явности скоро незамерковано прешло зявйоване єдного дїла хторе ма капиталну значност за тутейшу руску националну меншину - Граматики русского языка др Юлияна Рамача, рядового професора на Катедри за руски язык и литературу Филозофского факултета у Новим Садзе. Не по першираз у тих наших бурйових часох зме препущели обачиц факт же живот заш лем идзе своїм стаємним цеком, та гоч и по даяких побочних дражкох. У тим случаю ше роби о потвердзеню континуитета у культурним,

кед то досц повесц - живоце єдней з наших наймалочисленших националних меншинох, бачванско-сримских Руснацох.

Руснаци, приселенци зоз подкарпатских крайох у Угорскей до тедишней Бачкей (половка 18. вику), гоч малочислени, отримали ше на тих просторох, звекшали свою популацию по масу хтора способна за живот и розвили ше до того цо су нешка - препознатлївого культурного и национального идентитету. Факт же у новоствореной Краљовини Сербох, Горватах и Словенцох 1918/19. року були припознати як национална меншина славянского походзєня под меном Руси,

Рушняци, Руснаци, Русини - бул у тим погледзе пресудни, цо видно зоз стану їх сонароднікох у подзелених карпатских обласцох хтори на припознане национального идентитету чекали до початку 90-тих рокох (за дзепоедних пришло позно, а дзепоедни го не дочекали ані по нешка).

Кед язык една з основних характеристикох каждого народу, вец тутейши Руснаци не маю причини буц застарани - у тим ділу проф. др Юлиана Рамача находзимо потвердзене виталносци їх языка, кед не и културного и духовного стану. Очиглядне же мали право їх стари хтори ше на сновательней скупштини Руского народного просвитного дружтва далекого 1919. року, кед мали вибрац медзи українским и велькоруским (русийским) литературним языком, опредзелели за културни и национални розвой засновани на народним, бешедним языку: "... Ми маме наш прадідовски руски язык хтори зме принесли зоз старого краю," гварели з тей нагоди. "... Наш народ ше не жада одрекнуц и забуц свой руски язык, але го жада усовершовац... Язык на хторим бешедуеме ма у себе моц и виталносц дальшого розвою и прето треба на нїм розвивац просвиту нашого южнославянского народу и за нго вязац свойо обстояне у новим краю хтори за нас уж постал стари, прадідовски..."

Тота ориентация прилапена, язык бачванско-сримских Руснацох кодификовани на славянским, кирилским писме (др Габор Костельник, Граматика бачваньско-русского языка, Сримски Карловци 1923), уведзени до системи образования, на нїм написани велі литературни діла, учебніки за образоване од основного по университетски уровень, хаснуе ше як еден з урядових языкох у АП Войводини, служи як приклад за ришоване проблемох културного и национального розвою русинским заедніцом у Словацкей, Польскей, Мадярскей, Румунії и Україні, у славістичних кругох є прилапени як еден зоз славянских языкох.

Коло половки 1995. року у Словацкей кодификовани и язык карпатских Русиных хтори жию на території цо подзелена медзи пейцома державами - Словацку, Україну, Польску, Мадярску и Румунію. У языку карпатских Русиных єст вецей восточнославянски характеристики як у языку бачванско-сримских Руснацох, прецо ше го - ведно з українским, било-

руским и русийским - кладзе до групи восточнославянских языкох. Уводзене карпаторусинского языка до образования, средствох информования и явного хаснования у спомнутых жемох, медзитим, идзе барз помали, варируе од жеми по жем, зависно од положеня и одношеня державних власцох гу русинской заедніци.

У тим ділу др Юлиана Рамача ше, най прецизуеме, роби о граматики языка тутейших, бачванско-сримских Руснацох хтори себе так и наволю - Руснак/Русиня/Руснаци, а свой язык руски/русначки. Тото мено вони принесли з приселеньом, але дзекеди хасную за себе и назву новшого походзеня - Русин/Русинка/Русини, хтору з Унгвару (Ужгороду) принесли їх школяре концом 19. и на початку 20. вику, з чого виведзена и назва русински язык. Тота назва з часом прилапена и у сербским языку и у урядовим хаснованю.

Руски язык, як то и у тей работи др Рамач потвердзуе, праславянского походзеня, формовал ше у карпатским ареалу, на просторох дзе ше дотикаю восточнославянски и заходнославянски языки, та природне же ма характеристики и єдних и других. Найвекша часц лексики руского языка праславянского походзеня. Велі руски праславянски слова находзиме у истих або подобних формах у шицких славянских языкох. Окрем праславянских, у рускей лексики єст и пожички зоз церковнославянского, хтори прияти през церковни обряди и церковни кнїжки зоз скарбніци християнской терминології, як и зоз литературного языка угорских Русинох 18/19. вику, тkv. язичия, потим з мадярского (хтори прияти у першим стретнуцу з Мадырами у 9. вику), новши пожички з периоду по 1918. рок, як и з нємецкого, румунского и латинского, а по приселеню до Бачкей по нешка - и зоз сербского языка.

Автор третируе и прешвечлїво доказуе же руски язык треба преучовац як формовану систему, а не як диялект того або гевтого славянского языка, односно як самостойни славянски язык у хторим єст вельо заеднічки характеристики з языками и диялектами карпатского ареалу (словацким, польским, украинским), але не припада ані єдному з нїх. При тим, автор поровнуе руски язык з языками и диялектами карпатского ареалу не пре утвєрдованє його походзеня и доказованє же

ше роби о самостойним славянским языку, тримаючи же досц указац на розлики хтори му иманентни, але же би з лексичного фонду и системи руского языка (слова, форми, конструкції итд.), хтори формовани у старим краю Русиных, видвоел нови пасма яки настали у языку бачванско-сримских Руснацох по їх приселеню до Бачкей. Вон руша од того же у старим краю настало шицко того цо заедніцке бачванско-сримскому рускому языку и языком карпатского ареалу и приходзи до заключения же елементи яки нет у карпатским ареалу (а ест их у бачванско-сримским руским языку) новшо-го, найчастейше сербского походзения.

У розвою бешедного и литературного языка тутейших Руснацох барз важну хвильку представля присельоване до Бачкей пред 260 роками. У новим штредку, у нових условийох живота, без значнейших вязох зоз старим крайом, язык ше - оддвоени од карпатских диялектох - розвивал под моцним уплївом нового материяльного и культурного штредку у хторим доминовал сербски язык. Пожички зоз сербского языка примани од приселеня аж по нешка - и зоз бешедного и зоз литературного языка. Пожички зоз сербского языка, гоч прилагодзовани гу духу и законїтосцом руского языка, мож препознац у велїх обласцох сучасного живота - од науки, природних зявеньох, назвох чловечого цела, хоротох, администратції, образования, привреди, тарговини, транспорту, занїманьох, спорту, характеристикох и схопносцох, назвох стварох у обисцу, облечива, едлох и напою, древох, рошлінох, квеца итд. по абстрактни поняца.

У тим обсяжним ділу (38,5 табаки, 615 боки), после Уводу о языку и науки о языку шлїдза поглавля о фонетики, морфології з твореньом словох, синтакси, лексикології, историйним розвою народного, бешедного языка з окремым огляднуцом на фонетику, формоване и розвой литературного языка од початку 20. вику по нешка, з общим регистром на концу. Роби ше, значи, о комплетним обробку шицких основних питаньох системи языка бачванско-сримских Руснацох.

Зоз тим синтетичним ділом др Юлиян Рамач сумируе резултати своєї вецейдеценией педагогийней и науковой ро-

боти, предлужує роботи своїх предходнікох др Габра Костельника, кодификатора руского литературного языка и "оца рускей писменосци", професорох Гавриїла Надя и Миколи М. Кочиша, авторох веліх роботох з обласци рускей лингвистики зоз пейдзешатих и шейдзешатих рокох прешлого вику, потвердзує исправносц одлуки яку руски предняци принесли далекого 1919. року заснованей на похопеню же Руснаци маю свой язык и спознаню же док маме свой язык, будзе и нас.

Тото цо вшелїяк представя окремну вредносц того діла то факт же автор шицки питаня руского языка спатра часово и просторно у контексту историйного розвою и диференциациї славянских языкох, снуюци свойо становиска на автентичних прикладах од найстарших часох по нешка.

На основи винешеного, можеме з правом заключиц же того діло проф. др Юлиана Рамача будзе необходи приручнїк за виучованє руского языка и литератури не лем за школярох и студентох хторим є скромно наменени, але и за шицких гевтих цо ше занїмаю з виучованьом славянских языкох. Не случайно єден з рецензентох, проф. др Йован Єркович гварел же ше зявене такого діла у календаре каждого народу означує з червенима буквама.

Мирослав СИЛАДІ

Фебраур – мешац балох

Уж вельо роки назад на просторах бывшей Югославії існує традиция отримованя балох. То причина же би ше на єдним месце позберали шицки людзе хтори любя музику, танец, зашпивац, розвешеліц ше а чом не і указац свою нову толаету.

Тих дньох отримани даскельо бали у наших местох: Вербаше, Коцуре, Дюрдьове. Организоване тих стретнуцох гледа вельо работи шицких цо уключени а то углавним члени дружтвох. Госцом на балох пририхтує ше і програма у хторей Културно Просвітни Дружтва указую часточку своєї работи, шпиванки і танци. То нагода же би млади члени тиж указали цо знаю і цо научели. Спонзоре ту барз важни бо ше так назбераю і даяки материялни средтва хтори ше хасную у дальшей работи КП Дружтвох хтори углавним і организаторе. Порядне ше організую і томболи, так же велі пойду дому щешліви же ше крашне натанцовали, нашпивали а дацо ноша і дому. То не вельки награди але маю вельке симболицке значене. Того року тоти три бали отримани истого дня а буду організовани ище даскельо. Велі з нас цо любиме такі стретнуца пойду ище дагдзе, ище на даєден бал.

Може ше повесц же у веліх наших местох дзе жию руснаци тота традиция ма барз вельке значене за отримоване националней свідомосци. Не лехко то буц припаднік националней меншини. Велі причини впливаю на процес асиміляції. Тот процес асиміляції, голем я так думам, у Войводини не резултат даякей зрахованей державней политики але недостаочней самосвідомосци даєдних руснакох. Познам даскелі фамелії у хторих ше бешедує по сербски гоч шицки члени обисца руснаци. Вони ше вигваряю же то пре дзеци же би немали проблеми у комуникації зоз векшинским народом.

У шицких местох дзе жию руснаци єст даяке културно уметніцке дружтво хторе ма за цель зазберовац руснакох і пома-

гац у очуваню національного идентитету. Тоти дружтва часто домашні рижним госцом на трибинох и места дзе ше организую, на приклад, виводзеня монодрамох наших авторох. Тих дньох у Коцуре и Кули була приказана монодрама за младих «Ясна» у виводзеню Александри Лендер, школярки гимназиї у Вербаше.

Так то у фебруару а велї подїї ше буду случовац и надалей але о тим познейше.

Хроника русинской жизни

2004 год

1 октября в ужгородском Издательстве В. Падяка одновременно вышли в свет два учебника для русинских воскресных школ Закарпатской области (Украина). Это «Слово за словом: Практическая грамматика русинского языка» (сост. М. Алмаший, М. Молнар) и «Живое слово: Книга для чтения» (сост. М. Алмаший). Спонсор обеих книг – известный русинский меценат Степан Чепа, президент Norstone Financial Corporation, Торонто (Канада). Всего в области сегодня успешно функционируют 16 русинских воскресных школ.

1 декабря исполнилась 13 лет со дня проведения в Закарпатской области (1991) всезакарпатского референдума о будущем статусе края. Референдум прошел в обстановке гласности, демократизма и свободного волеизъявления жителей. 78% участников высказались за предоставление краю прав автономной (самоуправляемой) территории в составе Украины. До сих пор Украина не признала результатов этого референдума.

26 декабря в Украине закончились победой оппозиции президентские выборы. На всех трех этапах выборов почти все русинские организации консолидированно выступали и ориентировали русин Закарпатья, т.е. 850 тыс. чел., в поддержку В. Ющенко. Такая поддержка связана с предвыборными обещаниями кандидата последовательно утверждать в Украине ценности европейской демократии и уважать права коренных народов. Как известно, в Украине русины не признаны как самостоятельная нация. В иных государствах (Словакия, Польша, Венгрия, Румыния), где русины проживают на своих исторических территориях, они пользуются всеми правами национальных меньшинств.

2005 год

21 января в г. Межилаборцы (Словакия) в помещении Ос-

новой школы состоялась литературная встреча учащихся города с русинским писателем Штефаном Сухим, лауреатом литературной премии им. Александра Духновича.

26 января исполнилось 60 лет со дня рождения выдающегося русиниста, американского ученого русинского происхождения Павла Роберта Магочия. Юбилей совпал с выходом в свет второго исправленного и дополненного издания уникальной англоязычной энциклопедии истории и культуры русин – «Encyclopedia of rusyn history and culture», составителем и редактором которой (в соавторстве с проф. И. Попом) является П. Магочий (первое изд. вышло в 2002 г.).

27 января исполнилось 10 лет со дня кодификации русинского языка в Словакии.

27 января университет г.Ополе (Польша) издал в серии «Славянские языки» очередной том – 480-страничное издание «Русинский язык». Таким образом научная общественность засвидетельствовала официальное признание самого молодого литературного славянского языка – языка карпатских русин.

29 января исполнилось 100 лет со дня рождения Ивана Гарайды (1905-1944) – доктора права, филолога, исполнительного директора (1941-1944) Подкарпатского общества наук, а фактически Академии наук Подкарпатья, основанной в Ужгороде. ПОН проводило активную научную и просветительскую работу, способствовало консолидации русинской интеллигенции. Сам И. Гарайда является автором «Грамматики русинского языка» и соавтором (вместе с Н. Лелекачём) уникальной книги «Загальна бібліографія Подкарпатя» (Общая библиография Подкарпатья, 1944). Сразу же после ввода советских войск ученый был арестован контрразведкой “Смерш” и обвинен по законам РСФСР в антикоммунистической, профашистской деятельности, что не соответствовало истине. Спустя месяц (13.12.1944) умер в тюрьме, место захоронения его не известно.

12 февраля в Будапеште состоялась ежегодная международная научная конференция, организованная Вседержавным русинским самоуправлением в Венгрии совместно с Обществом им. Антона Годынки (Будапешт). С докладами выступили М. Капраль (г. Ниредьгаза), А. Бенедек (Будапешт),

В. Падык, М. Алмаший, Д. Поп (все с Ужгорода) и др.

12 февраля исполнилось 170 лет со дня рождения русинского писателя-будителя и этнографа о.Анатолия Кралицкого (1835-1894), родившегося в с. Чабины (ныне Словакия), а умершего и похороненного в Мукачевском монастыре. Местная русинская интеллигенция откликнулась на эту дату газетными и журнальными публикациями, а Русинское радио (г. Кошице) посвятило жизни и творчеству писателя отдельный радиоочерк.

19 февраля в г. Пряшев (Словакия) состоялось заседание Всемирного Совета русинов, на котором обсуждены вопросы подготовки и проведения очередного Всемирного конгресса русинов в г. Крыница (Польша). Уточнено, что конгресс состоится 24-25 июня с.г.

26 февраля в с. Стройное Свалявского района Закарпатской области русинская воскресная школа, функционирующая на базе местной средней школы, провела открытый урок-вечер (учителя М. Мигович, Т. Мигович), посвященный 150-летию со дня рождения русинского литератора и этнографа о.Юрия Жатковича (1855-1920), который был священником в этом селе. Присутствующие, а это учителя всех 16 русинских воскресных школ, отметили добротное знание учащимися родного русинского языка.

Русинский художник из Ужгорода, член-корреспондент Академии искусств Украины Владимир Микита стал лауреатом национальной премии Украины имени Т. Шевченко. Это высшая премия в области культуры, литературы и искусства. Поздравляем лауреата!

26 марта в г. Тячово Закарпатской области прошел второй съезд русинских писателей Закарпатья, участие в котором приняли около 30 поэтов, писателей, переводчиков и литературных критиков. Выступавшие на съезде литераторы (М. Алмаший, о. Димитрий (Сидор), В. Падык, М. Фединишинец, М. Град, А. Далида, И. Меденци, И. Лемко, Д. Поп, И. Кричфалуший и др.) отметили факт активизации литературной жизни края, многие писатели подошли к съезду со своими новыми книгами.

Русины в Интернетe

Для русинов, разбросанных по всему свету, как и для всех, кто проявляет интерес к их истории и культуре, Интернет важен не только как средство общения. Многочисленные русинские сайты служат источником информации об этносе, существование которого десятилетиями замалчивалось по политическим мотивам. Интернет немало способствовал прорыву информационной блокады и вынесению обсуждения русинской проблемы на международный уровень.

Русины представлены в Интернетe довольно широко, но, к сожалению, в нашем небольшом материале мы не сможем рассказать о всем многообразии русинского Интернетa. Однако надеемся, что приведенная ниже информация поможет получить небольшое представление о жизни русинов в разных странах.

Венгрия

<http://members.tripod.com/rusyn> - Русинский музей г. Мучонь (Венгрия).

<http://www.comp-press.hu/ruszin> - журнал «Вседержавный русинский вісник» («Orszagos Ruszin Hirlap»).

<http://www.Ruszinok.hu> - журнал «Русинський світ» («Rusin vilag»)

Польша

<http://www.lemko-tower.prv.pl> - общество лемков Польши «Stowarzyszenie Milosnikow Kultury Lemkowskiej».

Россия

<http://www.edruss.org> (ранее сайт назывался <http://ua.mrezha.ru/>)- сайт «Единая Русь», содержит большое количество литературы по православию, истории, в т.ч. и по истории Западной Руси. Здесь можно прочитать (и, разумеется, скачать) следующие книги и статьи: В.В. Шульгин «Украинствующие и мы», князь Александр Волконский «Историческая правда и украинофильская пропаганда», Михаил Про-

коп «Странички правдивой истории Юго-Западной Руси», д-р В.Ю. Яворский «Украина - русская земля», М.А. Максимович «Об употреблении названий «Россия» и «Малороссия» в Западной Руси», Э. Понарин «Историческая действительность и националистическая мифология», И. Терех «Украинизация Галичины», И. Лаппо «Идея единства русского народа в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству» и т.д.

<http://www.ukrstor.com> - сайт «Украинские страницы. История национального движения Украины 1800-1920 гг.» Хотя некоторые издания можно встретить и на предыдущем сайте, здесь тоже размещено немало редких изданий: Николай Ульянов «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1960), Андрей Дикий «Неизвращенная история Украины-Руси» (Нью-Йорк, 1960-1961), Мончаловский «Литературное и политическое украинофильство» (Львов, 1898), «Святая Русь» (Львов, 1903), 4 выпуска Талергофского альманаха и т.д.

Северная Америка

<http://www.carpatho-rusyn.org> - старейший русинский сайт «Карпато-русинская база знаний» («Carpatho-Rusyn Knowledge Base»).

<http://www.lemko.org> - сайт лемковского патриота Владислава Максимовича.

<http://www.geocities.com/Heartland/Park/4304> - сайт карпато-русской молодежи, находящейся в юрисдикции Американской Карпаторусской Православной греко-кафолической епархии Константинопольского Патриархата.

<http://www.tccweb.org> - сайт, посвященный русинским и словацким деревням.

<http://www.carpatho-russian.com> - сайт американского карпаторосса Лаврентия Крупняка.

<http://www.rusyn.com> - для людей, интересующихся своими русинскими корнями.

<http://www.rocmas.org> - старейшая русская православная организация Америки, основанная выходцами с Карпатской Руси.

<http://www.geocities.com/rusinmn> - Ассоциация русинов Миннесоты.

<http://www.rusynmedia.org> - «The Rusyn International Media Center» («Международный русинский медиа-центр»).

<http://www.carpathorusynsociety.org> - «Carpatho-Rusyn Society» («Карпаторусинское общество»).

<http://members.tripod.com/~rdsa> - сайт «Rusyns in Pannonia» («Русины в Паннонии») Канадского общества русинов Северной Америки («Canada-based Rusyn Society of North America»).

<http://www.rusyn.org> - «World Academy of Rusyn Culture» («Мировая академия русинской культуры»).

Сербия и Черногория

<http://www.ruskamatka.tk> - Общественная организация русинов Сербии и Черногории «Руска матка» («Русская мать»)

<http://rusnak.netfirms.com> - сайт Мирослава Силадия «Rusnak - Rusyn - Ruthen»

http://solejar.tripod.com/old_site.htm - описание музыкального творчества русинов Воеводины.

<http://www.ruskeslovo.com> - газета «Руске слово» (Нови Сад).

Словакия

<http://www.rusin.sk> - Ассоциация интеллигенции русинов Словакии и газета «Инфорусин».

<http://rusyn-rusnak.szm.sk> - Ассоциация молодых русинов Словакии.

<http://rusyn.presov.sk> и <http://rusyn.presov.sk/pdf> - журнал «Русин».

<http://narodny-novynky.presov.sk> - газета «Народны новинкы».

Украина

<http://www.karpatorusyns.org> - Закарпатское общество Кирилла и Мефодия.

Хорватия

<http://www.sriu.hr> - Союз русинов и украинцев Хорватской Республики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Окончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического Общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора “Стара спиванка”, заслуженный учитель Украины. Работы: “Наша школа (концепция народоведения)” (1991), “Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся” (1994), “Ромочевица. Историко-этнографический очерк” (1999). В соавторстве: “Русинсько-українсько-руський словарь” (2001), Иван Поп. “Энциклопедия Подкарпатской Руси” (2001) и др. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

ГОРНЯК Михал (Сербия) Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете “Ruske slovo”. Работал в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. В настоящее время на пенсии. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

ГОЛИК Богдан (Молдова). Родился в 1934 г. в с. Лупков Саницкого р-на (Польша). В 1939 г. вместе с семьей переехал в Тернопольскую, а в 1941 г. - в Ивано-Франковскую область. Окончил Львовский политехнический институт. Работал в Молдавии и Одесской области на разных инженерных должностях до 1995 г. В настоящее время на пенсии.

ДРОНОВ Михаил (Россия, Москва). Родился в 1980 г. Один из популяризаторов русинистики в России. Автор публикаций о русинах в российских изданиях и русинской периодике зарубежья («Бесіда», «Вседержавный Русинський Вісник», «Карпатський Євроміст», «Народны новинки», «Наш чесько-русинський календар», «НГ-Релігії», «Правда русинська», «Русин», «Русский Вестник» и др.). Гость VI и VII Мировых конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия, Москва). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета. Кандидат исторических наук. Автор ряда публикаций по истории Древней Руси. Круг научных интересов: происхождение русского народа, варяго-русская проблема, генеалогия, вопросы развития государственности России. Занимается научно-исследовательской и общественно-политической деятельностью. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

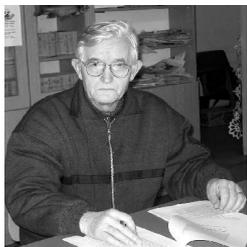
НИКОЛАЕНКО Александр (Россия). Родился в 1934 г. в г. Запорожье, Украина. Закончил Запорожский машиностроительный институт. С 1957 по 1991 гг. работал на Таганрогском комбайновом заводе. Последняя должность - главный инженер конструкторского бюро по зерноуборочным комбайнам. Кандидат технических наук, лауреат премии Совета Министров СССР (1984), член Союза журналистов РФ (1995). С 1994 г. на пенсии. Изучает творчество русского писателя Н. В. Кукольника.

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падыка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русин Подкарпатья. Автор более ста научных публикаций, в т. ч. 3 книг, 4 школьных учебников. Участник V и VII Мировых конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель высшей школы и общественный деятель. Окончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором (1987 - 1991) еженедельника “Нове життя” в Пряшеве, где по 1989 г. издавались страницы на русинском диалекте “Голос Русинів”. С 1991 г. заместитель главного редактора журнала “Русин” и газеты “Народны новинкы”. Принимала участие в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. работает в Пряшевском университете, где преподает русинский язык и участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного журнала “Русин”.

РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Главный редактор двухтомного "Сербско-русского словника" (1995-1997), автор "Граматики русского языка" (2002) и др.

Прот. Димитрий (Димитриевич) Сидор (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную Академию и семинарию со степенью кандидата богословия. С 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В августе 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. В 1996 г. возглавил новое русинское Общество Кирилла и Мефодия. Его цель - бороться за сохранение для русинов Закарпатья церковно-славянского языка в богослужении. В 1996 г. стал редактором новой русинской газеты "Християнська родина" (родина по-русински родственная семья, семья родственников). Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального союза журналистов Украины. Автор сотен научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Организовал в Ужгороде V Конгресс русинов мира. Делегат русинских съездов. Делегат от русинов Закарпатья на Всемирный русский Собор в Москве. Член редколлегии международного журнала "Русин".

СИЛАДИ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения "Руской Матки" в Вербаше, член главного правления "Руской Матки" Сербии и Черногории, один из основателей "Рускей фондации", которая действует в рамках "Руской Матки" и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества "Карпати", основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного журнала "Русин".

СУЛЯК Сергей (Молдова). Родился в 1963 г. Окончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. С 1990 г. возглавляет фирму "Татьяна" (с 1998 г. - Издательский дом "Татьяна"). Выпускал 14 периодических изданий. Президент первой организации русинов Молдавии - Республиканской общественной организации "Русь" (создана в августе 2003 г.). Автор монографии "Осколки Святой

Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии", многих научных публикаций, посвященных истории и культуре русинов Молдавии. Главный редактор международного журнала "Русин".

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдова). Родился в 1948 г. Окончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 года и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Кандидат исторических наук. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного журнала "Русин".

ШОРНИКОВ Петр (Молдова). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета Движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Кандидат исторических наук. Автор более 135 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны и молдавской этнокультурной идентичности. Член редколлегии международного журнала "Русин".

ЯБУР Василь (Словакия). Родился в 1936 г. Окончил Высшую школу русского языка и литературы в Праге (русский язык – украинский язык). Доктор философии, кандидат филологических наук, доцент. Работал на кафедре русского языка педагогического факультета Пряшевского университета им. П. Й. Шафарика, на кафедре языков УПЙШ в Кошицах, на кафедре русистики и западной филологии Педагогического факультета в Нитре. Под его руководством была проведена кодификация русинского языка в Словакии (1995).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2005, № 1(1)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2005. - 172 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: tatianas@cni.md, sergei_suleak@rambler.ru

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.

Подписано к печати 12.04.2005. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 500 экз.
Заказ 122.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Ал. чел Бун, 111.

Що старий Прут каже

Исидор Воробкевич (1836-1903)

«На Буковині ви чужі!» -

Румуни кажуть нам.

Хліб наш насушний відібрать

Всі раді б русинам.

Скажи нам, Пруте престарий,

Ти знаєш не одно:

У сих прекрасних сторонах

Хто проживав давно?

Струями Прут нам каже так:

«Тут споконвіку жив

Тот син, що матір Русь святу

Над все, над все любив».

1892

